

ПЁТР
КРОПОТКИН

ВЕЛИКАЯ
Французская
РЕВОЛЮЦИЯ

Кропоткин, Пётр. Великая Французская революция //Родина, Москва, 2023
ISBN: 978-5-00180-819-0
FB2: "Sergius ", 13.04.2023, version 1.1
UUID: 252D5AC3-2609-4D94-815A-0FE8761E83D9
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Пётр Алексеевич Кропоткин

**Великая Французская
революция**

Выдающийся русский мыслитель-анархист Пётр Кропоткин признан во всём мире как лучший историк Великой Французской революции. Он первым открыл и подробно описал её социальные, народные корни. Показал не только борьбу против монархии, но и борьбу крестьянства с буржуазией. Эта книга перевернула принятые штампы представлений об истории. Кроме того, она написана увлекательно! Эта книга просто необходима всем, кто хочет разобраться в тайных пружинах мировой истории последних веков.

Содержание

#1	0006
Князь-анархист	0007
Предисловие	0023
Два главных течения революции	0027
Народ накануне революции	0055
Бунтовской дух. Восстание	0061
Необходимость созыва генеральных штатов	0082
Крестьянское восстание в первые месяцы 1789 года	0091
Бунты в Париже и его окрестностях	0103
Генеральные штаты	0109
Приготовление к перевороту	0123
Париж накануне 14 июля	0136
Взятие Бастилии	0154
Последствия 14 июля в Версале	0171
Народные восстания	0183
Крестьянское восстание	0192
4 августа и его последствия	0208
Феодальные права остаются	0225
Декларация прав человека	0245
Дни 5 и 6 октября 1789 года	0252
Страх буржуазии. Новая городская организация	0269
Задержки в уничтожении феодальных прав	

Бегство короля. Конец учредительного собрания	0284
19 августа	0304
Междоцарствие. Измена	0324
Сентябрьские дни	0337
Конвент. Коммуна. Якобинцы	0342
Правительство. Борьба в конвенте. Война . .	0355
Процесс короля	0368
Гора и Жиронда	0388
Усилия жирондистов остановить революцию	0402
Причины движения 31 мая	0406
Война. Вандея. Измена Дюмурье	0421

Пётр Алексеевич Кропоткин
Великая Французская
революция

© Кропоткин П. А., 2023
© ООО «Издательство Родина»,
2023

* * *

Князь-анархист

Кем он был, человек, которого уважали во все времена — и как учёного, и как революционера. Уважали, когда он находился вне закона. Почитали, когда вернулся в Россию. Отдавали должное, когда возводили великому анархисту памятники и называли в его честь улицы.

Он пришел в революцию прямиком из высшего света. Потомственный князь, сын генерала, получивший образование в Пажеском корпусе, при дворе Александра II, отпустил бороду и стал крупнейшим анархистом. Или, если точнее — анархо-коммунистом. Отрицал государство, терпеть не мог имперские порядки. Среди его первых увлечений — история Великой Французской революции. И пришёл он к этим убеждениям на удивление рано. Петр Алексеевич Кропоткин, говоря языком нашего времени, был настоящим вундеркиндом. И, между прочим, уже в 12 лет по принципиальным соображениям отказался от княжеского титула, потому что презирал всяческие пережитки феодализма, сеющие

неравенство между людьми. Тогда взрослые считали это странностью, шалостью вольнолюбивого отрока. Но Кропоткин пронес верность идеалам анархизма через всю свою долгую жизнь. Кроме революционных идей, его увлекали музыка и словесность. В них Кропоткин черпал идеи и вдохновение.

Пётр Кропоткин

Паж и путешественник

После Пажеского корпуса он не искал

службы в столице. Напротив, он напросился в Восточную Сибирь, в Амурское казачье войско. Это означало постоянные экспедиции по неизученным краям, в которых Кропоткин проявил себя незаурядным географом.

Он путешествовал по Байкалу, Амуру, Сунгари, Лене и Шилке, пересек десятки горных хребтов, дополняя карту России новыми сведениями. Кропоткин оказался не менее упорным и талантливым путешественником, чем, например, Николай Пржевальский. Он вел рекогносцировку ранее неизвестных территорий в Забайкалье, многим горным грядам России и Манчжурии дал названия — например, Патомскому нагорью. Нашел ледники, по которым определил, что в прошлом Сибирь покрывал вечный лед. Кстати, самому термину «вечная мерзлота» мы обязаны именно Кропоткину. Его приняли в Императорское географическое общество, избрали секретарем Отделения физической географии. В Петербурге Кропоткин готовил экспедицию в Северный Ледовитый океан, где надеялся найти архипелаг на месте еще неизвестной Земли Франца Иосифа, существование кото-

рой он предвидел. Немало шуму наделали его научные доклады о ледниковой эпохе. Но в то время его уже чрезвычайно увлекала и политика. Он призывал к неподчинению властям, надеялся на всеобщий порыв к свободе.

Сбежавший арестант

В марте 1874 года Кропоткина арестовали — за пропаганду среди крестьян и рабочих, за связи с социалистическим кружком Николая Чайковского. Ему позволили и в Петропавловской крепости заниматься географией и даже читать лекции. Но срок ему грозил долгий. Помогло тяжелое заболевание — цинга. Кропоткина перевели в арестантское отделение военного госпиталя, и оттуда он бежал.

«Разыскать во что бы то ни стало», — таков был приказ императора Александра II. Но куда там! Некоторое время он скрывался в Санкт-Петербурге, даже ужинал в дорогих ресторанах, где, как считалось, беглеца точно не станут искать. А потом друзья переправили его за границу — через Финляндию в Норвегию, а оттуда — в английский порт Гуль. Он, в совершенстве владея французским, агитировал среди швейцарских часовщиков и ли-

онских ткачей, три года провел во французской тюрьме. Он славился как отличный оратор и полемист и самый добродушный человек среди русских революционеров. Жил в Англии, во Франции, в Швейцарии, участвовал в демонстрациях и диспутах. Там он писал свои знаменитые статьи по анархизму, по географии и истории. Замечательные мемуары — «Записки революционера» и фундаментальное исследование о Великой французской революции.

Великий бородач

На Родину он сумел вернуться только после падения царского режима. И встречали его как героя — с почетным караулом, с букетами и маршами. Тысячи людей в этот солнечный день (по старому календарю — 30 мая 1917 года) хлынули к Финляндскому вокзалу, чтобы поприветствовать вождя мирового анархизма. Встречали его и представители Временного правительства. От Кропоткина ждали, что он сыграет важную роль в становлении свободной России. Он действительно призывал строить новые формы жизни. Но от любых постов отказывался.

Кропоткин отклонил предложение Керенского войти в правительство. Он не желал властвовать, ограничивая свою и народную свободу. Но он отказался и от предложения братьев-анархистов, которые надеялись, что он возглавит новую революцию — против любого насилия.

Узнав о стремлении украинцев к самостоятельности, Кропоткин, по линии матери — потомок малороссийских воинских командиров — написал им увещательное письмо, смысл которого можно передать одной фразой: «Братья, не рвите вековой связи!» Правда, он так и не дал ход этому воззванию...

«Революция будет идти своим путём»

Когда к власти пришли большевики — Кропоткин не стал протестовать. Ему нравилась работа Владимира Ленина «Государство и революция». Но после Гражданской войны он разочаровался в политической реальности, хотя, по незлобивой натуре, отрицал всякую кропоборьбу с новыми властями: «Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовили, но

не успели достаточно подготовить. Что же делать теперь? Мешать революции — нелепо! Поздно. Революция будет идти своим путем, в сторону наименьшего сопротивления, не обращая ни малейшего внимания на наши усилия». Не нравились ему и расплодившиеся анархисты — по мнению Кропоткина, просто «невоспитанные люди». Но они — вплоть до Нестора Махно — считали Петра Алексеевича своим вожаком.

Несколько раз его принимал Ленин, относившийся к старику почти с восхищением. Кропоткин упрекал его в том, что большевики выстраивают слишком централизованную власть, слишком доверяют бюрократии. Председатель Совнаркома обстоятельно отвечал: «В белых перчатках не сделаешь революцию. Мы прекрасно знаем, что мы сделали и сделаем немало ошибок; всё, что можно исправить, исправляем, сознаемся в своих ошибках, часто — в прямой глупости. Вопреки всем ошибкам доведем нашу социалистическую революцию до победного конца. А вот вы помогите нам, сообщайте о всех неправильностях, которые вы замечаете, и будьте

уверены, что каждый из нас отнесётся к ним самым внимательным образом». Вождь Октября хотел видеть в Кропоткине союзника — пускай и ершистого, многим недовольного.

Пётр Кропоткин в Пажеском корпусе

Похороны великого анархиста

Но Кропоткину уже не нравилось во взбаламученных столицах. Он переехал в Дмитров, в небольшой дом графа Адама Олсуфьева.

Ленин подписал для Кропоткина охранную грамоту, которая гласила, что «представителям Советской власти в этом городе необходимо принять все меры к тому, чтобы жизнь Петра Алексеевича была бы облегчена возможно более». Однако вскоре 78-летний пророк революции умер, не справившись с простудной болезнью. В Дмитров отправили траурный поезд, который доставил тело для прощальной церемонии в Колонном зале Дома Союзов.

Тех его единомышленников, которые пребывали в тюрьмах, Дзержинский освободил под честное слово — чтобы и они могли проститься со своим учителем. Считается, что все они сдержали слово и в положенное время вернулись в казематы... От большевистской партии на могилу возложили венок с надписью: «Одному из наиболее преследуемых царизмом и международной контрреволюцией». На лентах венка от Совнаркома значилось: «Ветерану борьбы против царизма и буржуазии». Как ни странно, это были первые столь масштабные государственные похороны в Советской России.

Пламенный революционер

К анархистам в СССР относились двояко. Во многих книгах о Гражданской войне именно их представляют главными «врагами», «плохими парнями». Но Кропоткин был стал, считался великим теоретиком и не имели отношения к боевым группам, которые пытались поколебать власть большевиков. Поэтому и относились к нему уважительно. А после смерти, когда он стал совершенно безопасен, превратили в одну из икон русского революционного движения. Почти наравне с «первым русским марксистом» Георгием Плехановым. К этим гуру относились так почтительно, что даже прощали им особую позицию по отношению к Октябрю. Считалось, что Кропоткин в конце концов принял Октябрьскую революцию. В Москве и Дмитрове открыли музеи великого анархиста.

Что касается массовых преследований людей, которые называли себя последователями Кропоткина, они начались после его смерти — во время Кронштадтского восстания и позже.

Книги Кропоткина переиздавались, в том

числе ставший классическим труд «Великая французская революция». В его честь называли улицы, города и станции метро. Правда, градостроители немного поиздевались над великим анархистом. Возле метро его имени стоит памятник бородатому человеку, но это — не Кропоткин, а Фридрих Энгельс. Москвичей этот факт десятилетиями вводил в путаницу.

Кропоткин и Французская революция

Эту историческую драму он изучал и любил всю жизнь. И понимал, как никто другой. Он понимал, что и в живой природе, и в обществе плавное течение эволюции неизбежно прерывается скачками, вызывающими быстрые изменения, которые втягивают в революционный процесс миллионы людей. Кропоткин осознавал, что без таких «локомотивов истории» невозможно развитие. Он сам десятилетиями приближал революцию в Европе и в России. Практик оказался и выдающимся теоретиком: Кропоткин написал одну из лучших в мире книг о Великой французской революции, хотя о ней написаны сотни

исследований, романов, научно-популярных изданий.

К Франции он с детства относился с особой любовью, знал культуру этой страны. Во многом к этому юного князя подтолкнул воспитатель-француз, о котором Кропоткин на всю жизнь сохранил добрые воспоминания. В 1889 году мир отмечал 100-летие Великой французской революции. Кропоткин опубликовал к юбилею несколько статей. В 1893 году в Париже вышла его небольшая книжка «Великая революция», а затем в газете Жана Грива «Новые времена» на протяжении пяти лет публиковались большие статьи с продолжением, освещавшие отдельные стороны революционных событий столетней давности: об интеллектуальном движении XVIII века, о действиях жирондистов и якобинцев, о Конвенте, о парижских секциях, о крестьянских восстаниях, предшествовавших революции. 18 статей!

И он не оставил эту благодатную тему. Книга «Великая Французская революция 1789–1793» вышла в 1909 году одновременно в нескольких странах на французском, англий-

ском, немецком и испанском языках. На русском книга впервые вышла в Лондоне, в эмигрантской типографии. Вскоре появились новые издания на голландском, польском, шведском и итальянском. Историки отмечали, что Кропоткин первым показал революцию в объеме, раскрыл весь ее необъятный мир. И, прежде всего, он показал революционное движение народных масс: крестьян и городской бедноты. Об этом историки того времени (впрочем, как и нашего) вспоминали весьма скупно. Кропоткин первым показал революцию «снизу», а не глазами ее вождей и противников. Его современники считали движущей силой Французской революции буржуазию. Кропоткин показал революционную роль крестьянства. Логика Кропоткина проста и точна: «Если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции... Как и все революции, революция 1789 года совершилась благодаря надежде достигнуть тех или иных крупных результатов. Без этого не бывает революций». Французскую революцию принято называть буржуазной. А Кропоткин видел в ней ростки

коммунистического сознания! И это не единственный урок, который он преподавал современникам и нам... Книга принесла автору заслуженную мировую известность. Особенно почетно, что ее признали французские историки, для которых события, о которых писал Кропоткин — основа основ.

Конечно, Кропоткин в своем главном труде примеривался к российской реальности. Да, он надеялся увидеть Русскую революцию и верил, что она сумеет избежать искривлений, которых не избежала Французская. Изучая ход событий, предшествовавших революции во Франции, Кропоткин видел много схожего с тем, что происходило в России в 1860-х–80-х годах. В обоих случаях речь шла об отмене изжившего себя крепостного права, о быстром обнищании крестьянства, о недовольстве крестьянской массы. Просто во Франции всё происходило гораздо быстрее, а в России затянулось на десятилетия. Быть может, причиной тому — низкая плотность населения? Но Кропоткин верил в народ. Это — главное, священное слово для него. Он верил в жаков и в иванов и защищал их честь даже,

если речь шла о трактовке давних французских революционных событий. Кропоткин писал народную летопись революции, независимую от конъюнктуры, сложившейся в историографии. И оказался правдивее предшественников.

В России труд Кропоткина первым соби­рался издать Максим Горький в издательстве «Знание». Там уже выходило собрание сочинений князя-анархиста. Но в 1911 году издание было прекращено по цензурным соображениям — и книга о французской революции в то время так и не увидела свет на родине автора. Пришлось дожидаться политических перемен... Сегодня это — классика историографии. Без этой книги трудно понять смысл революционных процессов в любой стране. Кропоткин создал канон, который применим чуть ли не к любому времени. И забывать об этой книге — просто непростительное расточительство. Её следует перечитывать и штудировать — независимо от ваших политических взглядов. Дорогие друзья, надеемся, что это — сокращённое — издание классического труда Петра Кропоткина поможет многим из

вам разобраться в перипетиях Великой революции.

*Арсений Замостьянов, заместитель
главного редактора журнала «Историк»*

Предисловие

Чем больше мы изучаем Французскую революцию, тем более мы узнаем, насколько еще несовершенна история этого громадного переворота: сколько в ней остается пробелов, сколько фактов, еще не разъясненных.

Дело в том, что революция, перевернувшая всю жизнь Франции и начавшая все пере-страивать в несколько лет, представляет собой целый мир, полный жизни и действия. И если, изучая первых историков этой эпохи, в особенности Мишле, мы поражаемся, видя невероятную работу, успешно выполненную несколькими людьми, чтобы разобраться в тысячах отдельных фактов и параллельных движений, — мы узнаем также громадность работы, которую предстоит еще выполнить будущим историкам.

Исследования, обнародованные за последние 30 лет исторической школой, которой представителями служат профессор Олар и Историческое общество Французской революции, бесспорно, дали нам в высшей степени ценные материалы, бросающие массу света

на акты Революции, на ее политическую историю и на борьбу партий, оспаривавших друг у друга власть.

Тем не менее изучение экономического характера революции, и в особенности столкновений, происходивших на почве экономической, едва только начато, и, как заметил Олар, целой жизни человека не хватит на такое изучение на основании сохранившихся архивных документов. А между тем нужно признать, что без такого изучения политическая история революции остается неполною и даже очень часто совершенно непонятною. Целый ряд новых вопросов, обширных и сложных, возникает, едва только историк касается этой стороны революционного переворота.

С целью выяснить себе некоторые из этих вопросов я начал еще с 1886 г., вернее с 1878 г., несколько частных исследований: первых шагов революции, крестьянских восстаний в 1789 г., борьбы за и против уничтожения феодальных прав, истинных причин движения 31 мая и т. д. К сожалению, я вынужден был ограничиться для этих работ од-

ними коллекциями — весьма, впрочем, богатыми — печатных изданий в Британском музее, не имея возможности заняться во Франции работою в архивах.

Но так как читателю трудно было бы ориентироваться в частных исследованиях такого рода, не имея общего изложения всего развития революции, я вынужден был дать более или менее последовательный рассказ событий. Я не стал, однако, повторять так часто уже рассказанную драматическую сторону главных эпизодов того времени, но я постарался употребить в дело результаты новейших исследований, чтобы осветить внутреннюю связь и причины различных событий, из которых сложился переворот, заканчивающий собою XVIII в.

Метод, состоящий в изучении революции путем исследования в отдельности различных частей выполненного ею, имеет, конечно, свои недостатки: он неизбежно ведет к повторениям. Я предпочел, однако, подвергнуться этому последнему упреку, надеясь лучше запечатлеть таким образом в уме читателя различные течения мысли и деяний,

столкнувшиеся во время Французской революции, — течения, настолько обусловленные самой сущностью человеческой природы, что они неизбежно встретятся и в исторических событиях будущего.

Писатели, знакомые с историей революции, знают, как трудно избежать фактических ошибок в частностях тех страстных столкновений, развитие которых приходится излагать. Я буду поэтому чрезвычайно признателен тем, кто укажет мне ошибки, вкравшиеся в мою работу. И я уже выражаю мою глубочайшую признательность моим друзьям, Джемсу Гильому и профессору Эрнесту Нису, которые были так добры, что прочли мою рукопись и корректуры и помогли мне своими обширными познаниями и своим критическим умом.

*Пётр Кропоткин. Лондон, 15 марта
1909*

Два главных течения революции

Два главных течения подготовили и совершили революцию. Одно из них — наплыв новых понятий относительно политического переустройства государства — исходило из буржуазии. Другое действие для осуществления новых стремлений исходило из народных масс: крестьянства и городского пролетариата, стремившихся к непосредственному и осязательному улучшению своего положения. И когда эти два течения совпали и объединились ввиду одной, вначале общей им цели и на некоторое время оказали друг другу взаимную поддержку, тогда наступила революция.

Философы XVIII века давно уже подрывали основы современных им культурных государств, где и политическая власть, и громадная доля богатства принадлежали аристократии и духовенству, тогда как народная масса оставалась вьючным животным для сильных мира. Провозглашая верховное владычество

разума, выступая с проповедью веры в человеческую природу, в то, что природа человека, испорченная разного рода учреждениями, поработившими ее в течение исторической жизни, проявит все свои хорошие стороны, как только ей будет возвращена свобода, философы открыли перед человечеством широкие, новые горизонты. Равенство всех людей без различия рода и племени, обязанность всякого гражданина, будь он король или крестьянин, повиноваться закону, установленному представителями народа и считающемуся выражением общей воли; наконец, свобода договоров между свободными людьми и уничтожение феодальной, крепостной зависимости — эти требования философов, связанные в одно целое благодаря духу системы и методичности, свойственному французскому мышлению, несомненно, подготовили в умах падение старого строя.

Французские крестьяне

Но этого одного было бы недостаточно, чтобы вызвать революцию. От теории предстояло перейти к действию, от созданного в

воображении идеала — к его осуществлению на практике; а потому обстоятельства, которые в известный момент дали французскому народу возможность сделать этот шаг — приступить к осуществлению намеченного идеала, приобретают особую важность для истории.

С другой стороны, задолго еще до 1789 г. Франция вступила в период небольших народных восстаний. Восшествие на престол

Людовика XVI в 1774 г. послужило сигналом к целому ряду голодных бунтов. Они продолжались до 1783 г., после чего наступило относительное затишье. Но затем начиная с 1786, а особенно с 1788 г. крестьянские восстания возобновились с новой силой. Если в первом ряду бунтов главным двигателем был голод, то теперь, хотя недостаток в хлебе все еще оставался одною из существенных причин, главною чертою бунтов являлся отказ от платежа феодальных (крепостных) повинностей. Число бунтов все росло вплоть до 1789 г., и, наконец, в 1789 г. они охватили весь восток, северо- и юго-восток Франции.

Строй общества, таким образом, расшатывался. Однако сами по себе крестьянские восстания еще не составляют революции, даже если они принимают такие грозные формы, как пугачевский бунт, происходивший у нас в 1773 г. Революция есть нечто неизмеримо большее, чем ряд восстаний в деревнях и городах; большее, чем простая борьба партий, как бы кровопролитна она ни была; большее, чем уличная война, и гораздо большее, чем простая перемена правительства, подобная

тем, какие происходили во Франции в 1830 и 1848 гг. Революция — это быстрое уничтожение, на протяжении немногих лет, учреждений, устанавливавшихся веками и казавшихся такими незыблемыми, что даже самые пылкие реформаторы едва осмеливались нападать на них. Это — распадение, разложение в несколько лет всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религиозной, политической и экономической жизни нации; это — полный переворот в установленных понятиях и в ходячих мнениях по отношению ко всем сложным отношениям между отдельными единицами человеческого стада.

Это, наконец, зарождение новых понятий о равенстве в отношениях между гражданами, которые скоро становятся действительностью и тогда начинают распространяться на соседние нации, перевертывают весь мир и дают следующему веку его лозунги, его задачи, его науку — все направление его экономического, политического и нравственного развития.

Чтобы достигнуть таких крупных резуль-

татов, чтобы движение приняло размер революции, как это было в 1648–1688 гг. в Англии и в 1789–1793 во Франции, еще недостаточно было того, чтобы среди образованных классов проявилось известное идейное течение, как бы это течение ни было глубоко; недостаточно было и одних народных бунтов, как бы они ни были многочисленны и как бы широко они ни распространялись. Нужно было, чтобы революционное действие, исходящее из народа, совпало с движением революционной мысли, шедшим обыкновенно до тех пор от образованных классов. Нужно было, чтобы они, хотя на время, подали друг другу руку.

Вот почему Французская революция, как и Английская, произошла в тот момент, когда буржуазия, обильно черпавшая свои мысли из философии своего времени, дошла до сознания своих прав, создала новый план политического устройства и, сильная своими знаниями, готовая к упорной работе, почувствовала себя способной взять в свои руки управление, вырвав его из рук дворцовой аристократии, которая своею неспособностью, легкомыслием и расточительностью вела госу-

дарство к полному разорению. Но буржуазия и интеллигентные классы сами по себе ничего бы не сделали, если бы благодаря различным условиям не всколыхнулась крестьянская масса и не дала бы целым рядом восстаний, длившихся четыре года, возможность недовольным элементам средних классов бороться с королем, двором и бюрократией, низвергнуть старые учреждения и совершенно изменить политический строй государства.

История этого двойного движения еще не рассказана. История Великой французской революции была написана много раз с точки зрения самых различных партий; но до сих пор историки занимались главным образом политической историей, историей побед, одержанных буржуазией над придворной партией и над защитниками старых, монархических учреждений. Вследствие этого мы очень хорошо знакомы с умственным пробуждением, предшествовавшим революции; мы знаем общие начала, господствовавшие в революции и нашедшие себе выражение в ее законодательстве; мы восхищаемся велики-

ми идеями, которые она бросила в мир и проведение которых в жизнь заняло затем весь XIX в. Одним словом, парламентская история революции, ее войны и ее политика изучены и рассказаны во всех подробностях. Но народная история революции еще не написана. Роль народа — деревень и городов — в этом движении никогда еще не была полностью изучена и рассказана. Из двух течений, совершивших революцию, течение умственное известно; но другое течение — народное действие — еще очень мало затронуто.

Наше дело — дело потомков тех, кого современники называли «анархистами», — изучить это народное движение или по крайней мере указать его главные черты.

1. Идеиное течение

Чтобы понять идеи, вдохновлявшие буржуазию 1789 г., нужно обратиться к их воплощениям, т. е. к современным государствам.

Та форма культурных государств, которую мы наблюдаем в настоящее время в Европе, еще только намечалась в конце XVIII в. Сосредоточение власти еще не достигло тогда ни

такого совершенства, ни такого единообразия, какие мы видим теперь.

Грозная машина, благодаря которой все мужское население страны, готовое к войне, приводится теперь в движение по приказанию из столицы и несет разорение в деревни и горе в семье, тогда еще не существовала. Этих стран, покрытых сложной административной сетью, где личности администраторов совершенно ступшеваются в бюрократическом рабстве и машинальном подчинении перед приказаниями, исходящими от центральной воли; этого пассивного повиновения граждан закону и этого поклонения закону, парламенту, судебной власти и ее агентам, развившимся с тех пор; этой иерархии дисциплинированных чиновников; этой сети школ, содержимых или руководимых государством, где преподается повиновение власти и ее обожание; этой промышленности, дающей рабочего, целиком отданного государством в руки хозяев; торговли, скопляющей неслыханные состояния в руках тех, кто захватил землю, каменноугольные копи, пути сообщения и другие естественные богатства,

и доставляющей громадные средства государству; наконец, нашей науки, которая, освободив мысль, увеличила в сотни раз производительные силы человечества, но вместе с тем стремится подчинить эти силы праву сильного и государству, — ничего этого до революции не существовало.

Однако задолго до того времени, когда раздалась первые раскаты революции, французская буржуазия — третье сословие — уже составила себе понятие о том, какой политический организм должен был развиваться, по ее мнению, на развалинах феодальной монархии. Весьма возможно, что английская революция помогла французской буржуазии понять, какую именно роль ей суждено будет играть в управлении обществом. Несомненно и то, что энергии революционеров во Франции был дан толчок американскою революциею. Но уже с начала XVIII в. изучение государственных вопросов и того политического строя, который мог бы возникнуть на почве представительного правления (конституции), сделалось — благодаря Юму, Гоббсу, Монтескье, Руссо, Вольтеру, Мабли, д'Аржансону и

др. — любимым предметом исследований, причем благодаря Тюрго и Смиту к нему присоединилось изучение экономических вопросов и роли собственности в политическом устройстве государств.

Вот почему задолго до того времени, когда вспыхнула революция, идеал централизованного, благоустроенного государства под управлением классов, обладающих земельною и промышленною собственностью или же занимающихся свободными профессиями, намечается и излагается во множестве книг и брошюр, откуда деятели революции черпали впоследствии свое вдохновение и свою обдуманную энергию.

И вот почему французская буржуазия, вступая в 1789 г. в революционный период, уже отлично знала, чего хочет. Правда, она тогда еще не стояла за республику (стоит ли она за нее теперь?), но она не хотела королевского произвола, не признавала правления принцев и двора и отрицала привилегии дворянства, которое захватывало главные правительственные должности, но умело только разорять государство, точно так же как оно

разоряло свои собственные громадные поместья. Чувства у передовой буржуазии были республиканские в том смысле, что она стремилась к республиканской простоте нравов по примеру молодых американских республик; но она желала также и прежде всего перехода управления в руки имущих классов.

По своим религиозным убеждениям буржуазия того времени не доходила до атеизма; она скорее была «свободомыслящей»; но и вместе с тем она не питала вражды и к католицизму. Она ненавидела только церковь с ее иерархией, с ее епископами, державшимися заодно с принцами, и с ее священниками — послушными орудиями в руках дворянства.

Буржуазия 1789 г. понимала, что во Франции наступил момент (как он наступил 140 годами раньше в Англии), когда третье сословие станет наследником власти, выпадающей из рук монархии; и она уже обдумала заранее, как ей распорядиться с этой властью.

Идеалом буржуазии было дать Франции конституцию на манер английской. Роль короля должна была быть сведена к роли инстанции, утверждающей волю парламента,

иногда, впрочем, властью, удерживающей равновесие между партиями; но главным образом король должен был служить символом национального единства. Настоящая же власть должна была быть выборною и находиться в руках парламента, в котором образованная буржуазия, представляющая деятельную и думающую часть нации, господствовала бы над всеми остальными сословиями.

Вместе с тем в планы буржуазии входило упразднение всех местных или частных властей, представлявших независимые (автономные) единицы в государстве. Сосредоточение всех правительственных сил в руках центральной исполнительной власти, находящейся под строгим контролем парламента, было ее идеалом. Этой власти все должно повиноваться в государстве. Она должна будет держать в своих руках все отрасли управления: взимание налогов, суд, военные силы, школы, полицейский надзор и, наконец, общее руководство торговлей и промышленностью — все! Но рядом с этим, говорила буржуазия, следует провозгласить полную свободу торговых сделок; промышленным предпри-

нимателям следует предоставить полную возможность эксплуатировать все естественные богатства страны, а вместе с тем и рабочих, отдавая их на произвол тех, кому угодно будет дать им работу.

При этом государство должно, утверждали они, способствовать обогащению частных лиц и накоплению больших состояний. Этому условию буржуазия того времени неизбежно придавала большое значение, так как и самый созыв Генеральных штатов был вызван необходимостью бороться с финансовым разорением государства.

Не менее ясны были экономические понятия людей третьего сословия. Французская буржуазия читала и изучала труды отцов политической экономии Тюрго и Адама Смита. Она знала, что их теории уже прилагаются в Англии, и смотрела на экономическую организацию своих соседей, английских буржуа, с такой же завистью, как и на их политическое могущество. Она мечтала о переходе земель в руки буржуазии, крупной и мелкой, и об эксплуатации ею естественных богатств страны, остававшихся до сих пор непроизводитель-

ными в руках дворянства и духовенства. И в этом союзницею городской буржуазии являлась мелкая деревенская буржуазия, численность которой была уже значительна, раньше чем революция увеличила этот класс собственников. Наконец, французская буржуазия уже предвидела быстрое развитие промышленности и крупного производства благодаря машинам, заморской торговле и вывозу промышленных изделий; а затем ей уже рисовались богатые рынки Востока, крупные финансовые предприятия и быстрый рост огромных состояний.

Она понимала, что для достижения этого идеала ей прежде всего требовалось порвать связь крестьянина с деревней. Ей нужно было, чтобы крестьянин мог и вынужден был покинуть свое родное гнездо и направиться в город для приискания какой-нибудь работы; ей нужно было, чтобы он переменял хозяина и начал бы обогащать промышленность, вместо того чтобы платить помещику всякие повинности, хотя и очень тяжелые для крестьянина, но в сущности мало обогащавшие барина. Нужно было, наконец, чтобы в финансах

государства водворилось больше порядка, чтобы налоги было легче платить и чтобы они вместе с тем приносили больше дохода казне.

Буржуазии нужно было, одним словом, то, что политэкономы называли «свободой промышленности и торговли», т. е., с одной стороны, освобождение промышленности от мелочного и мертвящего надзора государства, а с другой стороны, полной свободы в эксплуатации рабочего, лишенного всяких прав самозащиты. Уничтожение государственного вмешательства, которое только стесняло предпринимателя, уничтожение внутренних таможен и всякого рода стеснительных законов и вместе с тем уничтожение всех существовавших до того времени ремесленных союзов, гильдий, цеховой организации, которые могли бы ограничивать эксплуатацию наемного труда. Полная «свобода» договоров для хозяев — и строгое запрещение всяких соглашений между рабочими. «Laissezfaire» («Пусть действуют») для одних — и никакой возможности объединяться для других!

Таков был двойной план, намечавшийся в

умах. И как только представилась к тому возможность, французская буржуазия, сильная своими знаниями, ясным пониманием своей цели и своим навыком в «делах», взялась, уже не колеблясь ни относительно общей цели, ни относительно деталей, за проведение своих взглядов в жизнь. Она принялась за дело так сознательно, с такой энергией и последовательностью, какой совершенно не было у народа, так как народ не выработал, не создал себе общественного идеала, который он мог бы противопоставить идеалу господ членов третьего сословия.

Было бы, конечно, несправедливо утверждать, что буржуазия 1789 г. руководилась исключительно узкоэгоистическими расчетами. Если бы так было на деле, она бы никогда ничего не добилась. Для больших преобразований всегда нужна известная доля идеализма. И действительно, лучшие представители третьего сословия воспитывались на философии XVIII в. — этом глубоком источнике, носившем в зародыше все великие идеи позднейшего времени. Истинно научный дух этой философии, ее глубоко нравственный харак-

тер — даже там, где она осмеивала условную мораль, — ее вера в ум, в силу и величие освобожденного человека, раз только он будет жить в обществе равных себе, ее ненависть к деспотическим учреждениям — все это мы находим у революционеров того времени. Иначе откуда почерпнули бы они силу своих убеждений и преданность им, которую они проявили в великой борьбе?

Нужно также признать и то, что среди людей, больше всего работавших над осуществлением программы буржуазии, некоторые искренне верили, что обогащение отдельных лиц — лучший путь к обогащению всего народа. Это писалось тогда с полным убеждением лучшими политэкономами, начиная с Адама Смита.

Но как бы ни были высоки отвлеченные идеи свободы, равенства и свободного прогресса, одушевлявшие искренних людей из буржуазии 1789–1793 гг., мы должны судить об этих людях на основании их практической программы, на основании приложения их теории к жизни. Как воплотится данная отвлеченная идея в действительной жизни?

Вот что дает нам мерило для ее оценки.

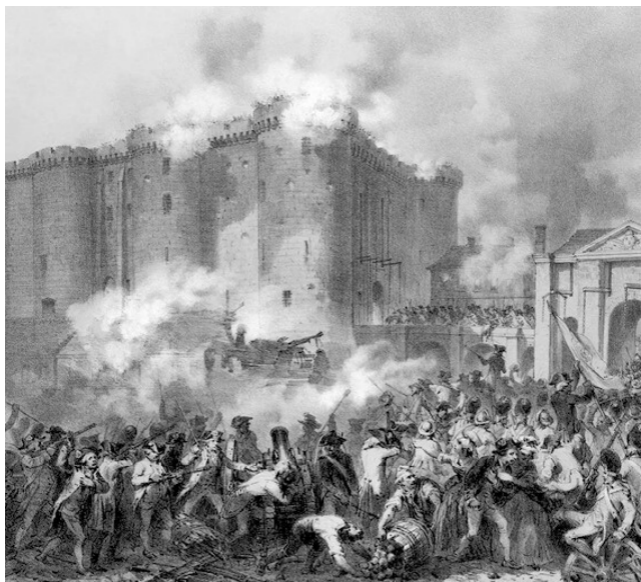
И вот, хотя буржуазия 1789 г., несомненно, вдохновлялась идеями свободы, равенства (перед законом) и политического и религиозного освобождения, мы видим, однако, что как только эти идеи облекались в плоть и кровь, они выражались именно в той двойной программе, которую мы только что изложили: свобода пользования всевозможными богатствами в видах личного обогащения и свобода эксплуатации человеческого труда без всякой защиты для жертв этой эксплуатации. При этом такая организация политической власти, переданной в руки буржуазии, при которой свобода эксплуатации труда была бы вполне обеспечена. И мы скоро увидим, какая страшная борьба разгорелась в 1793 г., когда часть революционеров захотела пойти дальше этой программы для действительного освобождения народа.

2. Народное действие

А народ? В чем состояла его идея? Народ также испытал до некоторой степени влияние философии XVIII в. Тысячами окольных

путей великие принципы свободы и равенства проникали в деревни и в рабочие кварталы больших городов. Почтение к королевской власти и аристократии исчезало. Идеи равенства доходили даже до самых темных углов. В умах вспыхивал уже огонек возмущения, бунта. Надежда на близкую перемену заставляла сильнее биться сердца у самых забытых людей. «Не знаю, что такое случится, но что-то должно случиться, и скоро», — говорила в 1787 г. одна старуха Артуру Юнгу, путешествовавшему по Франции накануне революции. Это «что-то» должно было принести облегчение народному бедствию. Недавно был поднят вопрос о том, имелись ли элементы социализма в движении, предшествовавшем революции, и в самой революции? Слова «социализм» там, конечно, не было, потому что самое это слово появилось только в половине XIX в. Понятие о государственном капитализме тогда, конечно, не занимало того господствующего положения, какое оно заняло теперь, так как труды творцов социал-демократического «коллективизма» Видаля и Пеккера появились только в 40-х годах про-

шлого столетия. Но когда читаешь произведения предвестников революции, то поражаешься, видя, насколько они проникнуты мыслями, составляющими сущность современного социализма.

Взятие Бастилии — символ Великой Французской революции

Две основные мысли: равенство всех граждан в праве на землю и то, что мы теперь называем коммунизмом, — насчитывали убежденных сторонников как среди энциклопедистов, так и среди популярных писателей того времени, как Мабли, д'Аржансон и многие другие, менее известные. Так как крупная промышленность была тогда еще в пеленках и главным орудием эксплуатации человеческого труда являлась земля, а не фабрика, только что возникавшая в это время, то понятно, что мысль философов, а позднее и мысль революционеров XVIII в. направлена была главным образом на владение землею. Мабли, повлиявший на деятелей революции гораздо больше, чем Руссо, еще в 1768 г. требовал (в своих «Сомнениях в естественном и основном порядке обществ» — «Doutes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés») равенства всех в праве на землю и в общей собственности на нее. Право народа на всю поземельную собственность и на все естественные богатства: леса, реки, водопады и проч. — было господствующею идеею у предвестни-

ков революции, а также и у левого крыла народных революционеров во время самой революционной бури. К сожалению, эти коммунистические стремления не выражались у мыслителей, желавших блага народу, в ясной, определенной форме. В то время как у просвещенной буржуазии освободительные идеи находили себе выражение в целой программе политической и экономической организации, идеи народного освобождения и экономических преобразований преподносились народу лишь в форме неясных стремлений к чему — то. Нередко в них ничего не было, кроме простого отрицания. Те, которые обращались к народу, не старались выяснить, в какую форму могут вылиться в действительной жизни их пожелания или их отрицания. Они даже как будто не хотели выражаться более точно. Сознательно или бессознательно, они как будто думали: «К чему говорить народу о том, как организовать себя в будущем? Это только охладит его революционный порыв. Пусть только у него хватит сил для нападения на старые учреждения. А там видно будет, как устроиться». Сколько социалистов и

анархистов рассуждают по сию пору таким же образом! Нетерпеливо стремясь приблизить день восстания, они называют усыпляющими теориями всякую попытку сколько-нибудь выяснить то, что революция должна стараться ввести. Нужно сказать также, что важную роль играло при этом незнание писателей — по большей части горожан и людей кабинетной работы — с формами промышленной и крестьянской народной жизни. В таком, например, собрании людей образованных и опытных в «делах» — юристов, журналистов, торговцев, — каково было Национальное собрание, нашлось всего два или три законоведа, хорошо знакомых с феодальными правами; известно также, что представителей крестьян, знакомых с нуждами деревни по собственному опыту, было в этом Собрании весьма мало. Вот почему мысль народа выражалась главным образом в формах чисто отрицательных: «Будем жечь уставные грамоты (terriers), в которых записаны феодальные повинности! Долой десятину; ничего не платить попам! Долой госпожу Вето (королеву Марию — Антуанетту)! На фонарь ари-

стократов!» Но кому достанется освобожденная земля? Кому пойдет наследство гильотинированных аристократов? Кто завладеет властью, ускользавшею из рук г-на Вето и ставшею в руках буржуазии гораздо большей силою, чем она была при старом порядке? На эти вопросы у народа не было ответа. Это отсутствие у народа ясного понятия о том, чего он может ждать от революции, наложило свой отпечаток на все движение. В то время как буржуазия шла твердым и решительным шагом к обоснованию своей политической власти в государстве, построенном согласно ее соображениям, народ колебался. Особенно в городах он вначале даже как будто не знал, как воспользоваться в своих интересах завоеванной властью. А когда впоследствии проекты земельных законов и уравнивания состояний стали намечаться более ясно, им пришлось столкнуться с собственническими предрассудками, которыми были проникнуты даже люди, искренно ставшие на сторону народа. Подобное же столкновение произошло и в понятиях о политическом устройстве государства. Оно особенно ярко заметно в

борьбе между правительственными предрас-судками демократов того времени и новыми идеями, зарождавшимися в массах относи-тельно политической децентрализации, и в той преобладающей роли, которую народ хо-тел предоставить своим городским управам, «отделам» (секциям) в больших городах и сельским обществам в деревнях. Из этого ис-точника произошел целый ряд кровавых столкновений, вспыхнувших в Конвенте. Из этого же произошла неопределенность ре-зультатов революции для народа, за исклю-чением того, что касалось отнятия земель у светских и церковных владельцев и освобождения этих земель от феодальных повинно-стей. Но если в смысле положительном идеи народа оставались неясными, то в смысле отрицательном они были в некоторых отноше-ниях вполне определены. Во-первых, нена-висть бедняка ко всей праздной, ленивой, развращенной аристократии, господствовав-шей над ним, в то время как гнетущая нужда царила в деревнях и темных закоулках боль-ших городов; эта ненависть была совершенно определена. Затем, ненависть к духовен-

ству, потому что оно сочувствовало скорее аристократии, чем кормившему его народу. Ненависть ко всем учреждениям старого порядка, которые, не признавая за бедными никаких человеческих прав, делали их бедность еще более тяжелой. Ненависть к феодальному, т. е. крепостному, строю с его повинностями, удерживавшими крестьян в подчинении помещику, хотя личная их зависимость уже перестала существовать. Наконец, отчаяние, овладевавшее крестьянином в неурожайные годы, когда он видел, как земля остается необработанной в руках помещиков и служит только для дворянских развлечений, в то время как голод свирепствует в деревнях. Вот эта-то ненависть, медленно назревавшая в течение всего XVIII в., по мере того как все резче и резче становился эгоизм богатых, эта потребность в земле, этот протест голодного и возмущенного крестьянина против помещика, не допускавшего его до земли, и пробудили начиная с 1788 г. бунтовской дух в народе. Эта же ненависть, эта же потребность вместе с надеждою на успех поддерживали в течение 1789–1793 гг. непрерывные крестьянские

бунты, и эти бунты дали буржуазии возможность свергнуть старый порядок и организовать свою власть на началах представительного правления, а крестьянам и городскому пролетариату — возможность окончательно освободиться от феодальной (крепостной) зависимости. Без этих восстаний, без полной дезорганизации провинциальных деревенских властей, произведенной крестьянами, без той готовности тотчас же вооружаться и идти против королевской власти по первому зову революционеров, какую проявил народ в Париже и в других городах, все усилия буржуазии остались бы, несомненно, без результата. Но именно этому вечно живому источнику революции — народу, готовому взяться за оружие, историки революции до сих пор не отдали той справедливости, которую обязана отдать ему история цивилизации.

Народ накануне революции

Излишне было бы долго останавливаться здесь на описании положения крестьянства и бедных классов городского населения накануне 1789 г. Все историки великой революции посвятили этому предмету ряд красноречивых страниц. Народ стонал под тяжестью налогов, взимаемых государством, оброка, платимого помещику, десятины, получаемой духовенством, и барщины, требуемой всеми тремя. Население целых местностей было доведено до нищеты. В каждой провинции толпы в 5, 10, 20 тыс. человек — мужчин, женщин и детей — бродили по большим дорогам. В 1777 г. была официально установлена цифра в 1100 тыс. нищих. В деревнях голод стал хроническим; он повторялся через короткие промежутки времени и опустошал целые провинции. Крестьяне массами покидали тогда свои деревни в надежде найти где-нибудь лучшие условия — надежде, конечно, тщетной. Вместе с тем в городах число бедных росло с каждым годом. Хлеба постоянно не хватало, а так как городские управы ока-

зались неспособными доставлять на рынки нужное количество хлеба, то голодные бунты, всегда сопровождавшиеся избиениями народа, стали обычным явлением в жизни Франции. С другой стороны, изнеженная аристократия XVIII в. растрачивала в безумной, нелепой роскоши громадные состояния — сотни тысяч, миллионы франков годового дохода.

Реакционные историки вроде Тэна могут, конечно, приходить в восторг от образа жизни этой аристократии, потому что они видят его издали, 100 лет спустя, и знают только по книгам; но в действительности за регулируемые танцмейстером внешними формами, за всю шумную расточительностью скрывалась самая грубая чувственность, отсутствие всякого интереса, всякой мысли, даже простых человеческих чувств. Скука поэтому постоянно стучалась в двери этих богачей, и, чтобы развлечься, они прибегали ко всяким самым пустым, даже самым ребяческим забавам. Что такое представляли собою эти аристократы, явно обнаружилось, когда наконец разразилась революция и когда все они, ни-

сколько не думая защищать «своего» короля и «свою» королеву, поспешили бежать за границу и призывать оттуда иностранцев, чтобы они защитили их от восставшего народа. Их нравственное достоинство и степень «благородства» их характеров достаточно обнаружилось также в жизни колонии этих эмигрантов в Кобленце, Брюсселе, Турине, Митаве. Противоположности роскоши и нищеты, которыми так изобилует XVIII в., прекрасно описаны всеми историками великой революции. К ним нужно прибавить только одну черту, значение которой особенно ясно выступает перед нами при изучении современного положения крестьян в России. Бедственное положение громадного большинства французского крестьянства было, несомненно, ужасно. Оно, не переставая, ухудшалось с самого начала царствования Людовика XIV, по мере того как росли государственные расходы, а роскошь помещиков принимала тот утонченный и сумасбродный характер, на который ясно указывают некоторые мемуары того времени. Особенно невыносимыми делались требования помещиков отто-

го, что значительная часть аристократии была в сущности разорена, но скрывала свою бедность под внешнею роскошью, а потому старалась выжать из крестьян как можно больше дохода, требуя от них уплаты мельчайших денежных и натуральных повинностей, когда-то установленных обычаем. Через посредство своих управляющих дворяне обращались с крестьянами с суровостью настоящих ростовщиков. Обеднение дворянства превратило дворян в их отношениях с бывшими крепостными в настоящих буржуа, жадных до денег, но вместе с тем неспособных найти какие-нибудь другие источники дохода, кроме эксплуатации старых привилегий — остатков феодальной эпохи, т. е. крепостного права. Вот почему мы находим в исторических документах прямые указания на то, что требовательность помещиков по отношению к платежам крестьян заметно усилилась за последние 15 лет перед 1789 г., в царствование Людовика XVI.

Но если историки великой революции вполне правы, когда рисуют в самых мрачных красках положение крестьян, было бы

ошибочно утверждать, что другие историки, например Токвиль, ошибаются, когда говорят об улучшении положения деревенского населения. В действительности в деревнях наблюдалось двойное явление: обеднение крестьянской массы и улучшение положения некоторых из крестьян. Крестьянские массы разорялись. С каждым годом их существование становилось все более и более неустойчивым; малейшая засуха вела к недороду и голоду. Но рядом с этим создавался — особенно там, где раздробление дворянских имений шло быстрее, — новый класс отдельных зажиточных крестьян, стремившихся подняться над своими односельчанами. В деревнях появились деревенские буржуа, крестьяне побогаче, и именно они перед революцией стали первые протестовать против феодальных платежей и требовать их уничтожения. Именно они в течение четырех или пяти лет революции упорно требовали, чтобы отмена феодальных прав произведена была без выкупа, посредством конфискации дворянских земель и их раздробления; и они же в 1793 г. ожесточеннее всех нападали на разных «бывших» (сі-

devant): бывших дворян, бывших помещиков.

В рассматриваемое время, накануне революции, именно благодаря им, крестьянам, занимавшим видное положение в деревне, надежда стала проникать в села и стал назревать бунтовской дух. Следы этого пробуждения очень ясны: начиная с 1786 г. восстания учащаются все более и более. И нужно сказать, что если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции. Как и все революции, революция 1789 г. совершилась благодаря надежде достигнуть тех или иных крупных результатов.

Без этого не бывает революции.

Бунтовской дух. Восстание

Новое царствование почти всегда начинается какими-нибудь реформами. Так же началось и царствование Людовика XVI. Через два месяца после своего восшествия на престол король призвал в министерство писателя — экономиста Тюрго, а месяц спустя назначил его главным контролером финансов. Вначале он даже защищал его против той резкой враждебности, которую Тюрго — политэконом, буржуа, бережливый правитель и враг тунеядствующей аристократии — должен был неминуемо встретить при дворе. Провозглашение свободы хлебной торговли в сентябре 1774 г., отмена барщины в 1776 г. и уничтожение в городах старых корпораций и цеховых старшин, служивших только к поддержанию своего рода промышленной аристократии, — все эти меры неизбежно должны были возбудить в народе некоторую надежду на реформы. Видя, как падают внутренние таможи, воздвигнутые по всей Франции помещиками и мешавшие свободному обращению хлеба, соли и других предметов пер-

вой необходимости, бедняки радовались этому началу уничтожения возмутительных привилегий дворянства. Более зажиточные крестьяне радовались также отмене круговой поруки в уплате податей. Наконец, в 1779 г. были уничтожены «право мертвой руки» и личная крепостная зависимость в поместьях короля; а в следующем году решено было отменить пытку, все еще практиковавшуюся до того времени в уголовных делах в самых ужасных формах, установленных указом 1670 г. Вместе с тем стали говорить и о представительном правлении, таком, какое ввели у себя англичане после своей революции. К нему давно стремились многие писатели-философы, и Тюрго даже выработал с этой целью план провинциальных земских собраний, за которыми должно было последовать введение представительного правления во всей Франции и созыв парламента из выбранных от имущих классов.

Жак Неккер

Людовик XVI испугался, однако, этого проекта и дал отставку Тюрго; но тогда вся про-

свещенная Франция заговорила о конституции и народном представительстве. Уклониться от вопроса о конституции теперь было уже невозможно, и с назначением в 1777 г. министром Неккера он снова выступил на очередь. Неккер, умевший угадывать мнения своего господина и старавшийся примирить его самодержавные стремления с финансовыми необходимостями, попробовал было лави-

ровать. Он предложил сначала созыв провинциальных земских собраний, говоря о возможности народного представительства как о вопросе отдаленного будущего. Но он встретил со стороны Людовика XVI решительный отказ. «Не прекрасно ли будет, — писал хитрый финансист, — если ваше величество, сделавшись посредником между вашими высшими сословиями и народом, будет проявлять свою власть только для указания границ между строгостью и справедливостью», — на что Людовик XVI ответил: «В природе моей власти быть не посредником, а главою». Эти слова не мешает запомнить ввиду чувствительных фраз, которые в последнее время историки из реакционного лагеря стали преподносить своим читателям. Людовик XVI вовсе не был тем безразличным, безобидным, добродушным человеком, занятым только охотой, каким хотят его изобразить. В течение 15-ти лет, вплоть до 1789 г., он сумел противодействовать настоятельно чувствовавшейся потребности в новых политических формах, которые заменили бы королевское своеволие и положили бы конец возмутительным зло-

употреблениям старого порядка. Главным оружием Людовика XVI была хитрость; он уступал только под влиянием страха и сопротивлялся все тем же оружием: хитростью и лицемерием — не только вплоть до 1789 г., но и до самой последней минуты, вплоть до подножия эшафота. Во всяком случае в 1778 г., когда более или менее дальновидным людям, как Тюрго и Неккеру, уже было ясно, что королевское самовластие отжило свой век и что пришло время заменять его какою-нибудь формой народного представительства, Людовика XVI удалось подвинуть только на незначительные уступки. Он созвал провинциальные собрания в Берри и в Верхней Гиени (в 1778 и 1779 гг.), но ввиду сопротивления привилегированных классов план распространения этих собраний на другие провинции был оставлен, и в 1781 г. Неккер получил отставку. Между тем революция в Америке сильно способствовала пробуждению умов и распространению духа свободы и республиканского демократизма. 4 июля 1776 г. североамериканские английские колонии провозгласили свою независимость, а в 1778 г. новые Соеди-

ненные Штаты были признаны Францией, что вызвало войну с Англией, длившуюся до 1783 г. Все историки говорят о впечатлении, произведенном этой войною на умы. Восстание английских колоний и образование ими Соединенных Штатов действительно имели влияние на Францию и сильно содействовали пробуждению революционного духа. Известно также, что Декларации прав, выработанные в молодых американских штатах, оказали глубокое влияние на французских революционеров. Можно, пожалуй, указать и на то, что американская война, в которой Франции пришлось создать целый флот, чтобы противопоставить его английскому, окончательно разорила финансы старого режима и ускорила его крушение. Но, с другой стороны, несомненно и то, что эта война положила начало целому ряду ожесточенных войн Англии против Франции, а также и коалиции, направленной ею впоследствии против республики. Как только Англия оправилась от своих поражений и почувствовала, что Франция ослаблена внутреннею борьбою, она повела против нее всеми способами, явными и тайными, ряд

войн, начавшихся ожесточенною войною 1793 г. и продолжавшихся вплоть до 1815 г. Все эти причины Великой революции необходимо указать, потому что, как всякое событие крупной важности, она явилась последствием целого ряда причин, сошедшихся в известный момент и создавших тех людей, которые в свою очередь усилили действие этих причин. Но нужно напомнить также и то, что, несмотря на все подготовлявшие революцию причины, несмотря на весь ум буржуазии и ее желание власти, осторожные буржуа еще долго продолжали бы ждать, если бы народ не ускорил ход событий. Народные бунты, возросшие в силе и численности и неожиданно принявшие крупные размеры, внесли новый элемент и придали буржуазии недостававшую ей наступательную силу. Бунты начались с самого вступления на престол Людовика XVI. Во все время царствования Людовика XV народ терпел нищету и угнетение; но как только в 1774 г. король умер, народ, отлично понимая, что при всякой перемене хозяина во дворце власть ослабевает, начал восставать. Между 1775 и 1777 гг. вспыхнул це-

льный ряд бунтов. Это были голодные бунты. Урожай 1774 г. был плох, хлеба не хватало. Тогда в апреле 1775 г. начались бунты. В Дижоне народ завладел домами скупщиков — хлеботорговцев, разгромил их мебель, разломал их мельницы. Тогда — то комендант города — один из тех изящных, утонченных господ, о которых говорит с таким восхищением Тэн, — произнес в обращении к народу роковые слова, которые потом столько раз повторялись во время революции против дворян: «Трава уже выросла — ступайте, ешьте ее!» Оксер, Амьен, Лилль последовали примеру Дижона. Через несколько дней «разбойники» — так называют большинство историков голодных бунтовщиков, — собравшись в Понтуазе, в Пуасси, в Сен-Жермене с намерением разграбить склады муки, направились в Версаль. Людовику XVI пришлось выйти на балкон дворца, говорить с народом и обещать, что цена на хлеб будет понижена на 2 су (около 4 коп.), чему Тюрго, как истинный «экономист», конечно, воспротивился. Цена на хлеб не была понижена. В то же время «разбойники» вошли в Париж, разграбили булочные и

роздали толпе хлеб, который успели захватить. Войска рассеяли их. Двое бунтовщиков были повешены на площади Грэвы, и, умирая, они кричали, что умирают за народ. С этого времени создается легенда о «разбойниках», странствующих во Франции, — легенда, которая сыграла такую важную роль летом 1789 г., когда она послужила городской буржуазии предлогом, чтобы вооружиться. С этого же времени в Версале начинают расклеивать прокламации, направленные против короля и его министров и угрожающие, если цена на хлеб останется та же, казнить короля на другой день после коронации или уничтожить всю королевскую семью. С этого же времени в провинции начинают распространяться подложные правительственные указы. В одном из них говорилось, что Совет назначил таксу на зерновой хлеб. Эти бунты были, правда, подавлены, но они оставили глубокий след. Началась ожесточенная борьба между партиями. Брошюры сыпались отовсюду; в одних — обвиняли министров, в других — говорилось о заговоре принцев против короля, в-третьих — нападали на королев-

скую власть. Словом, при общем возбужденном состоянии умов народный бунт явился искрой, упавшей на порох. Заговорили об уступках народу, о чем раньше никогда не думали: открыты были общественные работы, уничтожен был налог на помол, что послужило народу в окрестностях Руана поводом к разным слухам; говорили, что все помещичьи права уничтожены, и крестьяне стали отказываться (в июле) от платежа повинностей. Одним словом, недовольные, видимо, не теряли времени и пользовались всяким случаем, чтобы расширить народные восстания. Рассказать в последовательности обо всех народных бунтах в царствование Людовика XVI невозможно: для этого нет достаточных материалов. Историки мало занимаются этим вопросом, архивы не использованы, и только случайно приходится встречать указания на то, что в том или другом месте были «беспорядки». В Париже, например, они происходили после уничтожения цеховых судов в 1776 г.; в том же году по всей Франции были довольно серьезные бунты, вызванные слухами об отмене барщины и подушной подати,

платившейся помещику. Некоторые печатные данные, которые мне пришлось изучать, указывают, однако, на то, что в промежутке между 1777 и 1783 гг. число бунтов несколько уменьшилось; возможно, что на это повлияла до некоторой степени американская война, а также лучшие урожаи. С 1782 и 1783 гг. бунты, однако, возобновляются и идут, все усиливаясь, до самой революции. В 1782 г. было восстание в Пуатье; в 1786 — в Визиле; от 1783 до 1787 г. — в Севеннах, в Виваре и в Жеводане. Недовольные, которых называли «маскаратами» (*mascarats*), врывались в суды, к нотариусам и прокурорам и жгли все акты и контракты, чтобы отомстить так называемым *praticiens* (мелким адвокатам), сеявшим раздоры между крестьянами и возбуждавшим всевозможные процессы. Трое вожаков было повешено, остальные отправлены в каторжные работы; но беспорядки возобновились при первом же случае, а именно при закрытии парламентов. В 1786 г. восстал Лион. Ткачи, обрабатывавшие шелк, забастовали: им обещали повышение заработной платы и тем временем вызвали войска; произошло столк-

новение, и троих зачинщиков повесили. С этого времени Лион становится очагом восстаний, и, когда в 1789 г. были назначены выборы, выборщиками избраны были те самые, которые принимали участие в бунте 1786 г. Иногда восстания принимали религиозный характер; иногда они являлись в виде сопротивлений при наборе солдат (всякий набор милиции, говорил Тюрго, сопровождается бунтом); иногда народ восставал против налога на соль или же отказывался платить десятину. Так или иначе бунты происходили постоянно, и многочисленнее всего они были на востоке, юго-востоке и северо-востоке Франции — будущих очагах революции. Они разрастались все больше и больше, и, наконец, в 1788 г., после роспуска судебных учреждений, называвшихся в то время парламентами, и назначения в замену их других судов (*cours plenières*), восстания охватили почти всю Францию. Для народа, конечно, не было большой разницы между парламентом и «*cours plenières*». Если парламента иногда и отказывались зарегистрировать какой-нибудь королевский указ или министерское рас-

поражение, то они, с другой стороны, не проявляли никакого внимания к народным нуждам. Но парламенты сопротивлялись двору — и этого было достаточно. Когда посланные буржуазии и парламентов просили у народа поддержки, народ охотно начинал волноваться, чтобы выразить свой протест против двора и богачей. В июне 1787 г. парижский парламент приобрел себе популярность тем, что отказал двору в деньгах. Закон требовал, чтобы королевские указы заносились в парламентские реестры для обнародования, и парижский парламент охотно исполнил это по отношению к некоторым из них: о хлебной торговле, о созыве провинциальных собраний и о барщине. Но он отказался от регистрации указа, вводившего новые налоги: новую «поземельную субсидию» и новый штемпельный сбор. Тогда король созвал особое королевское заседание, называвшееся *lit de justice*, и заставил зарегистрировать свои указы. Парламент выразил протест и тем завоевал себе симпатии и буржуазии, и народа. Во время каждого заседания парижского парламента около здания суда собиралась целая

толпа; писцы разных судебных мест, любопытные и люди из народа толкались у дверей и устраивали овации членам парламента. Чтобы положить этому конец, король сослал парламент в Труа; но тогда в Париже начались всеобщие демонстрации, и народная ненависть была направлена уже тогда главным образом против принцев (в особенности против герцога Артуа) и против королевы, получившей прозвище госпожа Дефицит. Парижская Палата денежных сборов, поддерживаемая народными волнениями, а также и все провинциальные парламенты и суды выразили протест против ссылки парижского парламента, и так как волнения все усиливались, то королю пришлось 9 сентября вернуть обратно сосланный парламент, причем это, конечно, подало повод к новым демонстрациям в Париже, во время которых жгли чучело, изображавшее министра Калонна. Эти волнения происходили преимущественно среди мелкой буржуазии. Но в других местах они принимали и более народный характер. В 1788 г. восстание вспыхнуло в Бретани. Когда комендант города Ренна и интендант (губер-

натор) этой провинции явились в здание суда, чтобы объявить парламенту Бретани приказ о его упразднении, весь город поднялся. Толпа осыпала оскорблениями и даже помяла коменданта города и губернатора. Дело в том, что народ ненавидел интенданта Бертрана де Мольвиля, а буржуазия, пользуясь этим, распространяла слух, что все это — дело его рук. «Это чудовище следует задушить», — говорилось в одном из листков, распространявшихся в толпе. Когда Мольвиль вышел из суда, в него стали бросать камнями и несколько раз пытались набросить на него веревку с затяжной петлей. Были вызваны войска, и сражение готово было уже начаться, но молодежь дезорганизовала войска: один из офицеров бросил свою шпагу и присоединился к народу. Мало-помалу подобные волнения распространились и на другие города Бретани; затем крестьяне поднялись в свою очередь во время погрузки хлеба в Кемпере, Сен-Брие, Морле, Порт л'Аббе, Ламбале и проч. Интересно отметить деятельную роль, которую играли в этих беспорядках реннские студенты, присоединившиеся к восстанию. В Дофине, в особенно-

сти в Гренобле, движение приняло еще более серьезный характер. Как только комендант Клермон-Тонер опубликовал указ о роспуске парламента, население Гренобля поднялось. Забили в набат; звуки его скоро донеслись до соседних деревень, и крестьяне сбежались в город. Произошло кровопролитное столкновение, было много убитых. Стража, охранявшая коменданта, оказалась бессильной; его дворец был разгромлен. Сам Клермон-Тонер под угрозой поднятого над его головою топора должен был отменить королевский указ. Здесь действовал народ, особенно женщины. Что касается членов парламента, то народу было трудно даже разыскать их. Они спрятались и писали в Париж, что восстание произошло против их воли. Когда народ нашел их, ему пришлось держать их как пленников, потому что их присутствие придавало восстанию вид законности. Пленных членов парламента сторожили женщины: они боялись доверить это дело мужчинам из опасения, чтобы те их не выпустили. Гренобльская буржуазия, очевидно, испугалась этого народного восстания; ночью же она организовала свою

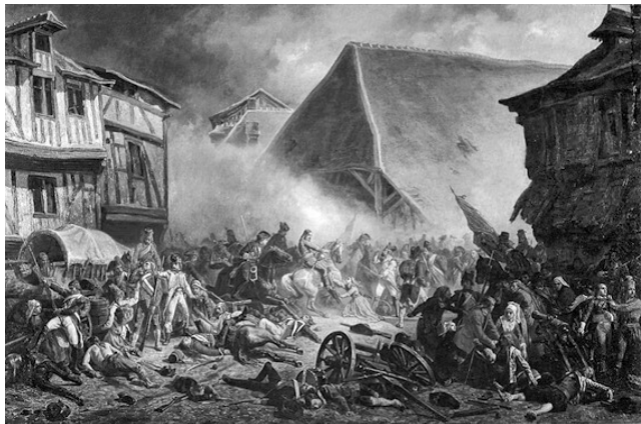
милицию, которая завладела городскими воротами и военными постами и потом передала их в руки войска. Против восставших были выставлены пушки, а члены парламента воспользовались темнотою, чтобы убежать. От 9 до 14 июня реакция торжествовала; но 14-го узнали, что в Безансоне произошло восстание и что швейцарцы отказались там стрелять в народ, и это вновь подняло дух; заговорили даже о созыве Провинциальных штатов. Но из Парижа были присланы новые войска, и волнение мало — помалу утихло. Тем не менее брожение, поддерживаемое в особенности женщинами, продолжалось еще некоторое время. Помимо этих двух восстаний, о которых упоминают все историки, было в то же время еще много других: в Провансе, в Лангедоке, в Руссильоне, в Беарне, во Фландрии, во Франш-Конте и в Бургундии. Там, где не было настоящих восстаний, общим возбуждением все-таки пользовались, чтобы поддерживать волнения и устраивать демонстрации. В Париже праздновали многочисленными демонстрациями отставку архиепископа Санса, бывшего до того министром. Для охраны Но-

вого моста была выставлена военная сила, и произошло несколько столкновений между войском и народом, вожаками которого, замечает Бертран де Мольвиль в своих Записках, «были те самые люди, которые впоследствии принимали участие во всех народных движениях во время революции». Интересно письмо Марии-Антуанетты к графу Мерси от 24 августа 1788 г., в котором она говорит о своих опасениях, сообщает об отставке архиепископа Санса и рассказывает, что она хлопочет о том, чтобы вернули Неккера. Из этого письма ясно видно, какое впечатление производили на двор уличные сборища. Королева предвидит, что возвращение Неккера «ослабит королевскую власть»; она боится, «как бы не пришлось назначить премьер — министра», но «время не терпит». Нужно непременно, чтобы Неккер согласился. Три недели спустя при известии об отставке Ламуаньона начались новые сборища. Толпа бросилась поджигать дома двух министров, Ламуаньона и Бриенна, а также и дом Дюбуа. Были призваны войска, и на улицах Мэле и Греннель произошло «страшное избиение этих несчастных, кото-

рые даже не защищались». Дюбуа бежал из Парижа. Иначе «народ устроил бы свой самосуд», говорят «Два друга свободы». Позднее, в октябре 1788 г., когда сосланный в Труа парламент был возвращен, «клерки и чернь» устраивали несколько вечеров подряд иллюминации на площади Дофин. Они выпрашивали у прохожих денег на фейерверки, заставляли господ выходить из своих экипажей и кланяться статуе Генриха IV, жгли куклы, изображавшие любимцев двора Калонна, Бретейля, герцогиню Полиньяк. Собирались также жечь изображение королевы. Мало-помалу эти сборища распространились и на другие кварталы, и, чтобы разогнать их, вызваны были войска. Произошло кровопролитие, и на площади Грэвы было много убитых и раненых; но так как арестованных судили члены парламента, то они отделались легко. Вот как возбуждался и распространялся революционный дух накануне революции. Почин шел от буржуазии, особенно от мелкой; но, вообще говоря, буржуа старались не компрометироваться, и очень немногие из них решались до созыва Генеральных штатов более

или менее открыто сопротивляться двору. Если бы не было ничего другого, кроме редких случаев их протеста, Франция еще много лет ждала бы низвержения королевского самоволия. К счастью, многие причины толкали народные массы на восстания; и, несмотря на то что за каждым бунтом следовали виселицы, массовые аресты и даже пытки арестованных, народ, доведенный до отчаяния нищетою и вместе с тем движимый тою смутною надеждою, о которой говорила старуха Артуру Юнгу, все-таки восставал. Он поднимался против интендантов провинций, против сборщиков податей, против сборщиков соляного налога, даже против самого войска и таким образом расстраивал правительственный механизм. Начиная с 1788 г. крестьянские бунты стали таким общим явлением и подати так плохо поступали в казну, что на государственные расходы не хватало средств. Тогда Людовик XVI, в течение 14 лет отказывавшийся собрать представителей народа из опасения, что от этого пострадает его королевская власть, оказался вынужденным созвать сначала Собрание нотаблей («почтен-

ных» людей) и наконец Генеральные штаты.

Бурлящая Франция

Необходимость созыва генеральных штатов

Для всякого, кто знал положение Франции, было ясно, что безответственное управление двора более не может продолжаться. Нищета в деревнях все росла и росла, и с каждым годом становилось труднее собирать подати и, кроме того, заставлять крестьянина платить еще повинности помещику и отбывать всевозможные виды барщины по приказу провинциальной администрации. Одни налоги поглощали больше половины, а иногда и больше двух третей того, что крестьянин мог заработать в продолжение года. Нищенство, с одной стороны, и бунт, с другой — становились обычным явлением в деревнях. Да и не только крестьяне протестовали и восставали теперь. Буржуазия тоже громко выражала недовольство. Правда, она пользовалась разорением крестьян, чтобы вовлечь их в промышленность, пользовалась и деморализацией в администрации, и беспорядком в финансовых делах, чтобы завладеть всевоз-

можными монополиями и обогащаться на государственных займах.

Однако буржуазии этого было недостаточно. В течение некоторого времени буржуазия может отлично уживаться с королевским самовластием и правлением двора. Но приходит момент, когда она начинает бояться за свои монополии, за деньги, данные ею взаймы государству, за приобретенную земельную собственность, за свои промышленные предприятия, и тогда она начинает смотреть снисходительно на народные бунты или даже поощряет их с целью сломить правление двора и водворить свою собственную политическую власть. Это очень ясно видно в первые 13 или 14 лет царствования Людовика XVI, от 1774 до 1788 г.

Необходимость полной перемены во всем политическом строе Франции бросалась в глаза; но Людовик XVI и весь двор противились этому и противились так долго, что те скромные реформы, которые были бы очень хорошо приняты в начале царствования или даже в 1783 и 1785 гг., оказались к тому времени, когда король решился дать их, далеко от-

ставшими от развития народной мысли. В то время как в 1775 г. смешанный режим правления аристократии с народным представительством вполне удовлетворил бы буржуазию, 12 или 13 годами позже, в 1787 и 1788 гг., король столкнулся с общественным мнением, которое больше слышать не хотело о полумерах и уже требовало представительного правления со всем вытекающим из него ограничением королевской власти.

Мы уже видели, как Людовик XVI отверг скромные проекты Тюрго. Его возмущала самая мысль об ограничении королевской власти. Вот почему реформы Тюрго: уничтожение барщины, отмена учреждения цеховых старост и робкая попытка заставить привилегированные классы, дворянство и духовенство, платить кое-какие налоги — не дали ничего существенного. В государстве все связано, а в старом режиме все разрушалось.

Неккер, назначенный министром вскоре после отставки Тюрго, был скорее финансистом, чем государственным человеком, у него и ум был ограниченный, ум финансиста, улавливающий скорее мелкую сторону обще-

ственных дел, чем их крупные государственные стороны. Среди финансовых операций и займов он был у себя дома, но стоит только прочесть его книгу «*Du pouvoir exécutif*» («Исполнительная власть»), чтобы увидеть, как плохо его ум, привыкший рассуждать о теориях государства, разбирался в борьбе человеческих страстей и в потребностях общества в данный момент; как мало способен был он понять громадную политическую, экономическую, религиозную и социальную задачу, стоявшую в 1789 г. перед Францией.

Неккер поэтому никогда не мог обходиться с Людовиком XVI так решительно, определенно, строго и смело, как того требовало положение. Он робко говорил ему о представительном правлении и ограничился такими реформами, которые не могли ни вывести Францию из затруднительного положения, ни удовлетворить кого бы то ни было, а только показывали всем необходимость коренных преобразований.

Провинциальным земским собраниям, которых Неккер созвал в придачу к созванным ранее Тюрго и за которыми последовали со-

брания окружные и приходские, пришлось обсуждать самые сложные вопросы и обнаружить страшные язвы неограниченной королевской власти. А так как прения об этих предметах скоро становились известными и доходили даже до деревень, то они, очевидно, еще более расшатывали старый порядок. Таким образом, провинциальные собрания, которые в 1776 г. могли бы служить громоотводом, в 1788 уже явились пособниками революции. Точно так же и знаменитый «Отчет о состоянии финансов», опубликованный Неккером в 1781 г., за несколько месяцев до его выхода в отставку, был громовым ударом для королевской власти. Как это обыкновенно бывает в таких случаях, Неккер помог таким образом падению уже расшатанного строя, но он был не в силах предотвратить переход этого падения старого строя в революцию. По всей вероятности, он едва ли даже предвидел ее приближение.

За первой отставкой Неккера последовал с 1781 до 1787 г. период полного финансового разгрома. Положение финансов стало так плохо, что долги государства, провинций, ми-

нистерств и даже самого королевского двора росли ужасающим образом. Государство каждую минуту могло обанкротиться, а этого ни за что не хотела теперь буржуазия, заинтересованная в качестве заимодавцев. Народ так обеднел, что не мог уже больше платить податей; он и не платил их и восставал. Что же касается духовенства и дворянства, то они решительно отказывались пожертвовать чем бы то ни было из своих привилегий ради пользы государства. При таких условиях крестьянские восстания быстро приближали революцию. И вот посреди всех этих затруднений министр Калонн созвал в Версале 22 февраля 1787 г. Собрание нотаблей («лучших» людей).

Созыв Собрания нотаблей был как раз то самое, чего Неккеру не следовало делать в данный момент, так как эта полумера, с одной стороны, неизбежно вела к созыву Национального Законодательного собрания, а с другой — вызывала недоверие ко двору и ненависть к привилегированным сословиям — дворянству и духовенству. Через нотаблей стало известным, что государственный

долг достиг цифры в 1646 млн. ливров, сумма для того времени громадная, и что ежегодный дефицит дошел до 140 млн. И это — в такой разоренной стране, какой была тогда Франция!

Все это стало известным; об этом заговорили; а когда все уже говорили об этом, тогда нотабли, избранные из высших классов общества и представлявшие собою в сущности министерское собрание, разошлись 25 мая, ровно ничего не сделав, ровно ничего не решив. Во время их заседаний на место Калонна назначили министром Ломени де Бриенна, архиепископа города Сане; но он своими интригами и «мерами строгости» только восстановил против себя парламенты, а потом вызвал повсюду бунты тем, что захотел распустить парламенты, и еще больше возбудил общественное мнение против двора. Когда он был отставлен (25 августа), по всей Франции устроили празднества. Но он так наглядно доказал невозможность самовластного режима, что двору уже не осталось ничего другого, как подчиниться. И вот 8 августа 1788 г. Людовик XVI был вынужден, наконец, созвать Ге-

неральные штаты. Их открытие было назначено на 1 мая 1789 г.

Но даже и тут двор и Неккер, снова призванный в 1788 г. в министерство, устроили так, что усилили всеобщее недовольство. Общественное мнение во Франции требовало, чтобы в Генеральных штатах, где три существующие сословия имели каждое свое отдельное представительство, третьему сословию было предоставлено двойное число мест и чтобы голосования происходили по числу депутатов, а не по сословиям. В этом направлении высказались уже провинциальные собрания (т. е. провинциальные земства). Но Людовик XVI и Неккер воспротивились этому и даже созвали (6 ноября 1788 г.) второе Собрание нотаблей, которые — они надеялись — отвергнут и двойное представительство третьего сословия, и поголовное голосование. Нотабли так и поступили, но и это ничему не помогло. Благодаря провинциальным собраниям общественное мнение было уже так настроено в пользу третьего сословия, что Неккер и двор были все-таки вынуждены уступить. Третье сословие получило двойное

представительство, т. е. из тысячи депутатов оно имело право на столько же представителей, как духовенство и дворянство, вместе взятые.

Одним словом, двор и Неккер сделали все, что могло восстановить против них общественное мнение, ничего не выиграв. Сопротивление двора созыву представителей народа было побеждено, и 5 мая 1789 г. Генеральные штаты собрались, наконец, в Версале.

Крестьянское восстание в первые месяцы 1789 года

Было бы совершенно ошибочно думать, что французский народ накануне 1789 г. состоял из героев. Кине был вполне прав, когда разрушил эту легенду. Конечно, если собрать и изложить на нескольких страницах все примеры, впрочем, очень немногочисленные, открытого сопротивления буржуазии старому режиму — как, например, протест Д'Эпремениля, — то картина получится довольно внушительная. Но если посмотреть на Францию в целом, то особенно поражает нас именно редкость серьезных протестов, редкость проявления личности, даже, можно сказать, раболепие в среде буржуазии. «Никто ни в чем не дает о себе знать, — вполне справедливо говорит Кине. — Человеку нет даже случая самого себя по знать». «Где были в то время, — спрашивает он, — Барнав, Туре, Сиейес, Верньо, Гюаде, Ролан, Дантон, Робеспьер и многие другие, скоро ставшие героями революции?»

В провинциях, в городах царило молчание, тишина. Для того чтобы третье сословие составило свои знаменитые указы, нужно было, чтобы центральная власть пригласила людей вслух высказать то, что они до тех пор говорили потихоньку, промеж себя. Да и то! Если мы находим в некоторых указах смелые слова протеста, зато в большинстве их сколько покорности, сколько робости, какая умеренность требований! Рядом с правом ношения оружия и некоторыми судебными гарантиями против произвольных арестов указы третьего сословия требуют главным образом немножко больше свободы в делах городского самоуправления. И только позднее, когда депутаты третьего сословия почувствовали, что их поддерживает народ Парижа, и когда начали слышаться раскаты крестьянского восстания, их поведение по отношению к двору стало более смелым.

К счастью, начиная с движений, вызванных роспуском парламентов, летом и осенью 1788 г. народ не переставал бунтовать повсюду; волны поднимались все выше и выше, вплоть до большого крестьянского восстания

в июле и августе 1789 г.

Мы уже говорили о том, что положение крестьян и городского населения было таково, что одного неурожая достаточно было, чтобы вызвать страшное повышение цен на хлеб в городах и голод в деревне. Крестьяне не были крепостными: крепостное право давно уже было уничтожено во Франции, по крайней мере во владениях частных лиц. А с тех пор как Людовик XVI отменил его и в своих поместьях (в 1779 г.), во Франции осталось очень мало крепостных. В Юре, например, было не более 80 тыс. человек, подчиненных праву «мертвой руки», а во всей стране — самое большее около 1,5 млн., а может быть, и меньше 1 млн.; да и эти зависимые крестьяне не были в точном смысле слова крепостными. Большинство французских крестьян давно уже перестали быть крепостными. Но они все еще продолжали платить деньгами и своим трудом (отчасти барщиной) за свое личное освобождение. Эти повинности были крайне тягостны и разнообразны, но они не были произвольными: они считались выкупом за право владения землею, общинного,

или частного, или же арендного; на каждой земле лежали свои многочисленные и разнообразные повинности, тщательно занесенные в земельные записи, или «уставные грамоты». /.../

Что касается обязательных барщинных работ, то они были разнообразны до бесконечности: работа на помещичьих полях, в парке, в садах, разные работы ради удовлетворения помещичьих капризов и т. д. В некоторых деревнях существовало даже обязательство хлопать ночью палками по воде в пруде, чтобы лягушки не мешали спать барину.

Лично крестьянин был свободен; но вся эта сеть платежей и взысканий, мало-помалу сплетенная за долгие века крепостного права хитростью помещиков и их управляющих, продолжала опутывать крестьянское население.

В довершение являлось государство со своими налогами (подушные, «двадцатые») и все растущими натуральными повинностями. Подобно помещикам и их управляющим государство и его чиновники тоже все время изощрялись в выдумывании предлогов для

обложения крестьян новыми формами поборо-
ров.

Правда, со времени реформ Тюрго крестьяне перестали платить некоторые феодальные повинности, а некоторые губернаторы провинций даже отказывались прибегать к силе при взыскании тех платежей, которые они сами считали вредными злоупотреблениями. Но крупные феодальные повинности, связанные с землей, все еще платились целиком, и они становились еще более тягостными от непрерывного роста присоединявшихся к ним государственных и провинциальных налогов. Вот почему в мрачных картинах из крестьянской жизни, рисуемых всеми историками революции, нет ни слова преувеличения.

Но точно так же не преувеличивают и те, кто говорит, что в каждой деревне было несколько крестьян, достигших известного благосостояния, и что они в особенности стремились сбросить с себя феодальные обязательства и завоевать свободу личности. Оба типа, изображенные Эркманом-Шатрианом в его «Истории одного крестьянина», — тип

сельского буржуа и тип крестьянина, подавленного нуждой, верны. Оба они существовали. Первый доставил третьему сословию его политическую силу, а революционные банды, которые еще зимою 1788/89 г. начали принуждать дворян отказываться от взыскания феодальных повинностей, внесенных в земельные записи, вербовались преимущественно среди деревенской бедноты, жильем которой служили землянки, а пищей — главным образом каштаны да подобранные после помещичьей жатвы колосья.

То же самое можно сказать и о городах. Феодальное право существовало и в городах. Бедные классы городского населения точно так же изнывали под тяжестью феодальных платежей, как и крестьяне. Право сеньора на отправление правосудия удержалось во многих городах, и хижины городских ремесленников и чернорабочих точно так же платили налог барину в случае продажи или наследования, как и крестьянские избы. Некоторые города даже платили известную дань помещикам, духовным и светским, как выкуп из бывшего феодального подчинения. Кроме того,

большинство их платило еще дар благодарности (d'ongratitude) королю за сохранение некоторой тени городской независимости, и все эти платежи ложились своею тяжестью на бедные классы. Если прибавить к этому тяжелые королевские налоги, провинциальные платежи и натуральные повинности, затем налоги на соль и т. п., также произвол чиновников, большие расходы при ведении дел в судах и невозможность для непривилегированного добиться у суда справедливости против дворянина или даже богатого буржуа и если представить себе все угнетение, все оскорбления и обиды, которым подвергался ремесленник, то мы сможем составить себе понятие о положении бедных классов городского населения накануне 1789 г.

Из этих бедных классов и исходило революционное движение городов и деревень, которое дало третьему сословию смелость сопротивляться в Генеральных штатах королю и объявить себя Учредительным собранием.

Засуха погубила урожай 1788 г., и зима стояла очень суровая. Бывали, конечно, и раньше почти такие же суровые зимы и такие же

плохие урожаи; бывали и народные бунты. Почти каждый год в какой-нибудь местности Франции бывал недород, и нередко он захватывал целую четверть или треть страны. Но на этот раз явилась надежда, пробужденная всеми предшествовавшими событиями: провинциальными собраниями, созывом нотаблей, восстаниями в городах по поводу парламентов — восстаниями, которые (мы видели это по крайней мере на примере Бретани) распространялись и по деревням. И вот бунты 1789 г. приняли в силу этого широкие и угрожающие размеры. /.../

Характер этих бунтов был почти везде один и тот же. Вооруженные вилами, косами, дубинами крестьяне сбегались в город и там заставляли землевладельцев и фермеров, привезших на рынок хлеб, продавать его по известной «честной» цене (например, 3 ливра за четверик, *boisseau*) или же брали хлеб у хлебных торговцев и «делили его между собою по уменьшенным ценам» с обещанием заплатить после следующего урожая; в деревнях же иногда заставляли помещика отказываться на двухмесячный срок от взимания по-

шлин за муку или вынуждали городские управления назначить таксу на хлеб, а иногда «повысить на 4 су плату за рабочий день». Там, где голод свирепствовал всего сильнее, например в Тьерри, рабочие шли из городов снимать хлеб в деревнях. Часто взламывали хлебные амбары религиозных общин, торговцев-скупщиков или частных лиц и муку отдавали булочникам. Кроме того, именно в то же время стали собираться шайки, состоявшие из крестьян, дровосеков, а иногда и контрабандистов, которые ходили по деревням, захватывали хлеб, и мало-помалу они начали жечь земельные записи и принуждать помещиков отказываться от своих феодальных прав. Эти банды дали буржуазии в июле 1789 г. предлог вооружить свою городскую милицию.

Начиная с января в этих бунтах слышится уже крик: «Да здравствует свобода!» — и с января же, а еще более решительно с марта крестьяне начинают там и сям отказываться от уплаты десятины и феодальных повинностей и даже налогов. Кроме тех трех провинций — Бретани, Эльзаса и Дофине, на которые указы-

вает Тэн, следы этих движений можно найти почти по всей восточной части Франции.

На юге, в Агде, во время бунта 19, 20 и 21 апреля «народ, — как писали потом мэр и консулы (городское управление), — безумно вообразил себе, что он — все и что он все может, ввиду того что король якобы желает уравнивания состояний». Народ грозил совершенно разграбить город, если не будет понижена цена на все продукты и не будут уничтожены провинциальные пошлины на вино, рыбу и мясо; кроме того, и в этом уже виден коммуналистический, т. е. общинный, здравый смысл народных масс во Франции, «они хотят назначать консулов из состава своего класса». Этим требованиям восставшего народа дано было удовлетворение. Через три дня народ потребовал, чтобы налог на помол был уменьшен наполовину, и в этом ему также должны были уступить.

В этом восстании повторялось то, что происходило в сотне других. Первым поводом для движения являлся вопрос о хлебе. Но скоро к нему присоединился ряд требований из такой области, где экономические условия и

политическая организация соприкасаются, области, в которой народное движение идет всегда наиболее уверенным шагом и достигает непосредственных результатов.

В Провансе все в том же марте и апреле 1789 г. больше 40 местечек и городов, в том числе Экс, Марсель и Тулон, отменили налог на муку; повсюду толпа громила дома чиновников, на обязанности которых было собирать налоги на муку, кожи, мясо и т. д. Цены на жизненные припасы были понижены, и на все продукты была назначена такса; когда же господа буржуа запротестовали, толпа стала бросать в них камнями; иногда начинали на их глазах рыть могилу, чтобы похоронить их, и даже приносили заранее гроб для вящего устрашения упорствующих, которые, конечно, спешили уступить. Все это происходило тогда, в апреле 1789 г., без всякого кровопролития. Это — «род войны, объявленной собственникам и имуществам», говорится в докладах интендантов и городских властей; «народ продолжает заявлять, что не хочет ничего платить: ни налогов, ни повинностей, ни долгов».

С этого времени, т. е. с апреля, крестьяне начали также грабить замки и помещичьи усадьбы и принуждали помещиков отказываться от своих прав. В Пенье помещика заставили «подписать акт, в котором он отказывался от взимания всяких помещичьих платежей» (письмо в архиве); в Риезе требовали, чтобы епископ сжег архивы. В Иере (Hueres) и других местах сжигали старые бумаги, в которых были записаны феодальные повинности и налоги. Одним словом, уже с апреля мы видим в Провансе начало того большого крестьянского восстания, которое заставило дворянство и духовенство сделать первые уступки 4 августа 1789 г...

Бунты в Париже и его окрестностях

Понятно, что при таких условиях Париж не мог оставаться спокойным. Голод свирепствовал в окрестностях столицы, как и повсюду; в самом Париже, как и в других больших городах, не хватало припасов; а наплыв бедняков, ищущих работы, все усиливался, особенно в предвидении крупных событий, приближение которых чувствовалось всеми.

В конце зимы (в марте и апреле) мы находим в докладах интендантов упоминание о голодных бунтах и о захватах хлебного зерна в целом ряде городов: в Орлеане, в Конне (Cosnes), в Рамбуйе, в Жуйи (Jouy), в Пон-Сент-Максансе, в Брэ-на-Сене, в Сансе, в Нанжи, в Вирофле, в Монлери и т. д. В других местностях той же области, в лесах вокруг Парижа крестьяне начали в марте уничтожать зайцев и кроликов; даже леса, принадлежавшие аббатству Сен-Дени, и те рубились, и срубленные деревья увозились на глазах у всех.

Париж жадно набрасывался на революции-

онные брошюры, которых каждый день выходило по 10, 12 и по 20, и они быстро переходили из рук богатых в руки самого бедного населения. Брошюра Сиейеса «Что такое третье сословие?», «Соображения о нуждах третьего сословия» Рабо де Сент-Этьенна, несколько окрашенная социализмом, «Права Генеральных штатов» д'Антрега и сотни других, менее известных, но часто еще более резких, читались нарасхват. Весь Париж страстно негодовал против двора и дворянства, и именно в беднейших рабочих кварталах, в самых жалких кабачках городских предместий буржуазия скоро начала вербовать руки и пики, нужные ей, чтобы нанести удар королевской власти. Пока же, 24 апреля, вспыхнуло движение, которое впоследствии получило название «ревельонового дела» и явилось как бы предвестником знаменитых революционных дней.

27 апреля был днем созыва избирательных собраний в Париже, и, по-видимому, во время составления наказов в предместье Сент-Антуан произошло какое-то столкновение между буржуа и рабочими. Рабочие выставили свои

жалобы, буржуа ответили им грубостями. Особенно выделился своею наглостью некто Ревельон, собственник бумажной и обойной фабрики, сам когда-то бывший рабочим, но сумевший при помощи ловкой эксплуатации стать хозяином фабрики, на которой теперь работало до 300 рабочих. То, что он говорил, много раз пришлось слышать впоследствии: «Для рабочего достаточно черного хлеба и чечевицы; белый хлеб — не для него» и т. д.

Есть ли какая-нибудь доля истины в сопоставлении, которое делали позднее богатые во время следствия по делу Ревельона, когда они указывали на факт, засвидетельствованный чиновниками у застав, а именно, что будто бы «громадная толпа» бедняков, обрванцев и всяких мрачных фигур явилась в те дни в Париж, об этом можно только строить предположения, в конце концов совершенно праздные. При том состоянии умов, какое было в Париже, и при гуле восстаний кругом столицы поведение Ревельона по отношению к рабочим само по себе служит достаточным объяснением того, что произошло на другой день.

27 апреля народ, раздраженный сопротивлением и словами богатого фабриканта, стал носить по улицам его чучело, чтобы судить его и сжечь на площади Грэвы, причем на площади Пале-Рояля распространился слух, что третье сословие присудило Ревельона к смерти. Но с наступлением вечера толпа рассеялась и только всю ночь наводила страх на богатых своими криками. Наконец, на следующее утро, 28-го, толпа явилась к фабрике Ревельона и принудила рабочих бросить работу; затем она взяла приступом самый дом Ревельона и разграбила его. Явились войска, но народ сопротивлялся, бросая из окон и с крыш что попало: камни, черепицы, мебель. Тогда войска стали стрелять, а народ ожесточенно защищался в течение нескольких часов. В результате оказалось 12 убитых и 80 раненых солдат, а со стороны народа — 200 убитых и 300 раненых. Рабочие завладели трупами своих убитых братьев и понесли их по улицам предместья.

Несколько дней спустя в Вильжюифе собралась толпа, человек с 500 или 600, и пыталась взломать ворота Бисетрской тюрьмы.

Так началось первое столкновение между парижским народом и богатыми, и оно произвело сильное впечатление. Это было первое появление на улице народа, доведенного до ожесточения; и призрак ожесточенной толпы глубоко повлиял на выборы, удалив от них реакционные элементы.

Нечего и говорить, что господа буржуа попытались выставить этот бунт делом врагов Франции. «Разве мог добрый парижский народ восстать против фабриканта?» — «Они подкуплены были английскими деньгами», — говорили одни. — «Недаром на некоторых из убитых оказались деньги!» — «Деньги принцев», — говорили революционеры из буржуазии. И никто не хотел понять, что народ взбунтовался просто потому, что он страдал и что ему надоело терпеть высокомерие богатых, оскорбляющих даже самые его страдания!

Таким образом, тогда же начала складываться мало-помалу легенда, которая впоследствии пыталась свести всю революцию к ее парламентской деятельности, а все народные восстания первых четырех лет революции

выставляла случайными явлениями: делом разбойников или же агентов, находившихся на жалованье у английского министра Питта или у реакции. Впоследствии эту легенду стали повторять и историки: «Так как этот бунт мог быть использован двором как предлог, чтобы отложить открытие Генеральных штатов, следовательно, он мог быть только делом реакции». Сколько раз сталкивались мы с подобными же рассуждениями и в наши дни!

В действительности дни 24–28 апреля — предвестники дней 8–14 июля. С этого времени парижский народ проявляет свой революционный дух, зарождающийся в рабочих слоях предместий. Рядом с садами Пале-Рояля, которые стали революционным клубом буржуазии, вставали рабочие предместья — центры народного восстания. С этого момента Париж становится очагом революции, и взор Генеральных штатов, имеющих собраться в Версале, будет обращен с надеждою к Парижу. В нем будут они искать той силы, которая поддержит их и будет толкать их вперед, к борьбе за выставленные ими требования, против козней двора.

Генеральные штаты

4 мая 1789 г. тысяча двести народных представителей, собравшись в Версале, присутствовали в церкви С в. Людовика на молебне по случаю открытия Генеральных штатов, а на другой день король в присутствии многочисленной публики открыл заседание. И уже в этом первом заседании почувствовалась вся неизбежность трагедии, которою должна была стать революция.

Король прежде всего отнесся с полным недоверием к созванным им народным представителям. Он согласился наконец созвать их; но он жаловался перед теми же представителями на «беспокойство в умах» и на всеобщее брожение, точно это беспокойство было нечто искусственное, а не было вызвано самим положением дел во Франции; точно это собрание было не что иное, как бесполезное и произвольное нарушение королевских прав.

Поставленная в течение долгого времени невозможность провести какие бы то ни было реформы, Франция чувствовала теперь по-

требность в полном пересмотре всех своих учреждений, а король говорил лишь о нескольких легких изменениях в системе финансов, для которых достаточно будет небольшой экономии в расходах. Он хотел «согласия между сословиями», в то время как провинциальные собрания уже показали, что самое существование отдельных сословий отжило свой век в умах, что оно не более как балласт, как пережиток прошлого. И тогда, когда являлась необходимость всеобщего преобразования, король опасался главным образом «нововведений»! В его речи уже намечалась, таким образом, борьба не на жизнь, а на смерть, которая скоро должна была завязаться между королевским самовластием и народным представительством.

Что касается до народных представителей, то существовавший уже среди них самих раскол служил предвестником того глубокого разделения, которое прошло впоследствии через всю революцию: раскол между теми, кто старался удержать свои привилегии, и теми, кто стремился их уничтожить.

Наконец, здесь был замечен и основной

недостаток национального представительства. Народ совершенно не был представлен в нем; крестьяне отсутствовали. Буржуазия бралась говорить от имени всего народа; а что касается до крестьян, то в этом собрании, составленном из юристов, законников, адвокатов, было всего, может быть, пять или шесть человек, знавших истинное или даже только правовое положение громадной массы крестьянства. В качестве горожан они умели защищать интересы городских жителей; но что касается крестьян, то они даже не знали, что им полезно и что им вредно.

Гражданская война уже ясно намечается в этом первом заседании, где король, окруженный дворянами, обращается к третьему сословию как повелитель и попрекает его своими «благодеяниями». Истинные желания короля обнаружил в своей речи хранитель печати Барантен, настаивавший главным образом на том, какую роль должны ограничиться Генеральные штаты. Они будут обсуждать налоги, которые им предложат, они займутся пересмотром гражданских и уголовных законов, выработают закон о печати, которую

необходимо обуздать ввиду вольностей, присвоенных ею за последнее время. Вот и все. Не нужно опасных реформ: «Справедливые требования удовлетворены; король не захотел обращать внимания на слишком нескромные выражения недовольства и соблаговолил отнестись к ним снисходительно; он простил даже выражение тех ложных и крайних взглядов, под прикрытием которых стремятся ввести опасные химеры взамен незыблемых принципов монархии. Вы, господа, отвергните с негодованием эти опасные нововведения».

Вся борьба последующих четырех лет заключается в этих словах, и речь Неккера, говорившего после короля и хранителя печати, — речь, продолжавшаяся три часа, насколько не подвинула вперед ни существенного вопроса о представительном правлении, занимавшем буржуазию, ни вопроса о земле и феодальных повинностях, интересовавших крестьян. Хитрый контролер финансов сумел проговорить целых три часа так, чтобы не скомпрометировать себя ни в глазах двора, ни в глазах народа.

Король, по-прежнему верный взглядам, высказанным им еще Тюрго, совершенно не понимал глубокой серьезности этой минуты. Он предоставлял королеве и принцам вести их интриги с целью помешать тем уступкам, которых от него требовали. Но и Неккер также не понимал, что дело шло не только о финансовом, но и о глубоком политическом и социальном кризисах и что при таких условиях политика лавирования между двором и третьим сословием неизбежно окажется губительной. Он не видел, что если еще не поздно предотвратить революцию, то нужно в таком случае выступить с открытой политикой уступок в вопросах управления и поставить, хотя в общих чертах, существенный вопрос — вопрос земельный, так как от него зависит нищета или благосостояние целого народа.

Какой же другой выход был возможен при таких условиях, как не столкновение и не борьба? Народные бунты, крестьянское восстание и восстание рабочих и вообще бедноты в городах — одним словом, революция со всею взаимною ненавистью партий, со страшными столкновениями интересов, с ее

актами мести и взаимного устранения!

В течение пяти следующих недель депутаты третьего сословия пытались путем переговоров склонить депутатов двух других сословий к тому, чтобы заседать вместе, в то время как роялистские комитеты агитировали, чтобы удержать разделение между сословиями. Переговоры ни к чему не приводили. Но тем временем поведение народа в Париже становилось все более и более угрожающим. Пале-Рояль, превратившийся в клуб на открытом воздухе, куда все имели доступ, возбуждался все больше и больше. Брошюры сыпались изо дня в день, и их читали нарасхват. «Каждый час появляется новая брошюра, — писал Артур Юнг, — сегодня их вышло тринадцать, вчера — шестнадцать, а на прошлой неделе — девяносто две. Девятнадцать из двадцати говорят в пользу свободы... Брожение превосходит всякое воображение». Ораторы обращаются с речами к толпе, стоя на стульях около кафе, и уже говорят о том, чтобы захватить дворцы и замки. Слышатся уже угрозы террора, а в Версале у дверей Национального собрания каждый день собираются толпы на-

рода, чтобы выразить свое озлобление против аристократов.

Депутатов третьего сословия поддерживают. Мало-помалу они становятся смелее, и, наконец, 17 июня они объявляют себя, по предложению Сиейеса, Национальным собранием. Это был первый шаг к упразднению привилегированных классов, и парижский народ приветствовал его шумными овациями. Набираясь еще больше смелости. Собрание постановило тогда, что существующие налоги, как неустановленные законом, будут взиматься лишь временно и только покуда заседает Собрание. Как только оно будет распущено, народ не обязан больше платить налоги. Назначен продовольственный комитет для борьбы с голодом. После чего Собрание поспешило успокоить капиталистов, торжественно признав и утвердив государственный долг. Акт, очевидно, в высшей степени благоразумный в такой момент, когда главное было просуществовать и когда нужно было обезоружить такую силу, как заимодавцы-капиталисты, которые стали бы весьма опасными, если бы они перешли на сторону

двора.

Но все это значило идти наперекор королевской власти. Поэтому принцы (герцог Артуа, герцог Конде и герцог Конти) в сообществе с хранителем печати стали готовить государственный переворот. В намеченный ими день король должен был торжественно явиться в Собрание, отменить все его постановления, предписать разделение сословий и самому указать несколько реформ, которые должны будут провести сословия, заседая порознь.

Что же думал противопоставить этому перевороту, подготавливавшемуся двором, типичный представитель буржуазии того времени Неккер? Компромисс; ничего более. Он тоже хотел, чтобы король в торжественном заседании заявил и утвердил свои права, свою личную власть, после чего он даровал бы голосование по числу депутатов без различия сословий по всем вопросам о налогах. Во всем же том, что касалось привилегий дворянства и духовенства, должен был быть сохранен порядок заседаний каждого сословия порознь.

Это было, очевидно, еще менее осуществи-

мо, чем проект принцев. Прибегать к рискованному средству — перевороту силой королевской власти ради такой полумеры, которая все равно не могла бы продержаться дольше двух недель, было совершенно нелепо. И притом, как же можно было провести реформы в налогах, не затрагивая именно привилегий двух высших сословий?

Тогда 20 июня депутаты третьего сословия, ободряемые все более угрожающим поведением парижского и даже версальского населения, решили воспротивиться проектам роспуска Собрания и для этого взаимно связать себя торжественной клятвой. Найдя свою залу закрытой ввиду происходивших в ней приготовлений к королевскому заседанию, они отправились процессией в первую попавшуюся частную залу — в залу Jeu de Paume. Толпа народа сопровождала эту процессию, когда она с Байи во главе проходила по улицам Версаля. Солдаты-добровольцы предложили свои услуги для ее охраны. Энтузиазм окружавшей их толпы увлекал депутатов.

Придя в залу Jeu de Paume, взволнованные и потрясенные, они все, за исключением од-

ного, в благородном порыве торжественно присягнули, что не разойдутся до тех пор, пока не выработают конституцию для Франции.

Правда, то были только слова. В этой присяге было даже нечто театральное. Но бывают минуты, когда такие слова, заставляющие биться сердца людей, необходимы. А присяга, принесенная в зале Jeu de Paume, действительно заставила горячо биться сердца революционной молодежи во Франции. Горе тем собраниям, которые не сумеют даже найти таких слов, не сумеют сделать даже такого торжественного заявления!

Последствия этого смелого акта не замедлили обнаружиться. Через два дня, когда депутаты третьего сословия находились в церкви С в. Людовика, где им пришлось заседать за неимением залы, туда явились представители духовенства и присоединились к ним для совместной работы.

Королевское заседание, на котором должны были совершиться великие дела, произошло на другой день, 23 июня. Но его эффект уже заранее был ослаблен присягой в Jeu de Paume и заседанием в церкви С в. Людовика.

Король явился к депутатам. Он отменил все постановления Собрания, т. е. собственно третьего сословия. Он велел сохранить разделение на сословия и их заседания порознь; он определил пределы предстоящих реформ и грозил Генеральным штатам роспуском в случае неповиновения. Пока же он повелел депутатам разойтись.

Дворянство и духовенство повиновались и оставили залу; но депутаты третьего сословия остались на своих местах. Тогда-то Мирабо произнес свою прекрасную и знаменитую речь, в которой он сказал депутатам, что король — не больше как их уполномоченный, что источник их власти — в народе и что раз они принесли присягу, они не имеют права разойтись, не создав конституции. «Находясь здесь по воле народа, они разойдутся, только уступая силе штыков».

Но именно силы у двора уже не было. Еще в феврале Неккер вполне справедливо говорил, что никто больше не повинуется и что даже в войске нельзя быть уверенным.

Что касается до парижского народа, то события 27 апреля показали, каково было его

настроение. В Париже с минуты на минуту ждали общего восстания народа против богатых, и, несомненно, некоторые из смелых революционеров ходили в темные закоулки предместий, чтобы искать там поддержки против двора. В самом Версале накануне королевского заседания народ чуть не убил одного из депутатов духовенства, аббата Мори, а также депутата третьего сословия д'Эпремениля, перешедшего на сторону дворянства. В самый день заседания хранитель печати и архиепископ парижский были так «освистаны, опозорены, оплеваны и осмеяны, — пишет современник, — что можно было умереть от стыда и бешенства»; а секретарь короля Пасере, сопровождавший министра, действительно «в тот же день внезапно умер». 24 июня епископа города Бовэ чуть не убили в Париже камнем, брошенным ему в голову. 25 июня толпа освистала депутатов дворянства и духовенства. Во дворце архиепископа парижского были выбиты все окна. «Войска отказались бы стрелять в народ», — прямо говорит Артур Юнг.

Граф Оноре де Мирабо

При таких условиях угроза короля оставалась пустым словом. Настроение народа было слишком грозно, чтобы двор осмелился прибегнуть к силе штыков; и тогда Людовик XVI воскликнул:

«А впрочем, черт с ними; пусть заседают!»

Но и сами заседания третьего сословия происходили на глазах и под угрозами народа, сидевшего на хорах залы. Уже 17 июня, когда третье сословие объявило себя Национальным собранием, это памятное решение

было принято при криках одобрения со стороны публики на хорах и двух- или трехтысячной толпы, окружавшей залу заседаний. Список имен тех трехсот депутатов третьего сословия, которые протестовали против этого решения и сплотились вокруг роялиста Маллуэ, ходил по рукам в Париже, и народ собирался сжечь их дома. А когда во время присяги депутатов в Jeu de Paume Мартен Дош высказался против этой присяги, председатель Собрания Байи из предосторожности должен был выпустить его через заднюю дверь, чтобы ему не пришлось встретиться с народом, стоявшим у дверей залы; в течение нескольких дней Дош вынужден был скрываться.

Не будь этого давления народа на Собрание, наиболее смелым из депутатов третьего сословия, тем, о которых воспоминание осталось в истории, никогда не удалось бы победить упорство более робких.

А в Париже между тем народ открыто готовился к восстанию в ответ на военный переворот, который подготовлялся двором против Парижа на 16 июля.

Приготовление к перевороту

Обычное представление о событиях 14 июля сводится приблизительно к следующему: Национальное собрание заседало. В конце июня, после двухмесячных переговоров и колебаний, все три сословия наконец объединились. Власть ускользала из рук двора. Тогда придворная партия начала готовить переворот. Были созваны войска и расположены вокруг Версаля; в назначенный День они должны были разогнать Собрание и усмирить Париж.

11 июля, говорится все в том же ходячем изложении событий, Двор решается начать действия: Неккер получает отставку и отправляется в ссылку, 12-го Париж узнает об этом. Устраивается процессия, которая шествует по главным улицам, неся бюст изгнанного министра. В Пале-Рояле Камилл Демулен призывает к оружию. Предместья поднимаются и в 36 часов выковывают 50 тыс. пик; 14-го народ двигается на Бастилию, которая скоро спускает свои висячие мосты и сдается. Революция одержала свою первую победу.

Таков рассказ о 14 июля, который обыкновенно повторяют на официальных празднествах Французской Республики. Но он верен только наполовину. Как сухое изложение фактов он не содержит неточностей; но он не передает того, что следует сказать о роли народа в восстании и об истинных отношениях между обеими силами движения: народом и буржуазией. А между тем в парижском восстании, разрешившемся взятием Бастилии, как и во всей революции, существовало уже два течения различного происхождения: политическое движение буржуазии и движение народное. В некоторые моменты — в великие дни революции — оба эти течения временно сливались и одерживали над старым строем крупные победы. Но буржуазия всегда относилась с недоверием к своему временному союзнику — народу. Так было и в июле 1789 г. Союз был заключен буржуазией поневоле, и на другой же день после 14 июля и даже во время самого движения она уже спешила организовать, чтобы быть в силах обуздать восставший народ. /.../

Несомненно, что до известной степени за-

мыслы двора сперва удались. После королевского заседания 23 июня и приказа Собранию разойтись дворянство устроило королю, а особенно королеве, овацию во дворце, а на другой день в общее заседание остальных двух сословий явилось всего 47 дворян. Только несколько дней спустя, когда разнесся слух, что 100 тыс. парижан идут на Версаль, большинство дворян посреди общего уныния, царившего во дворце по получении этого известия, решили присоединиться к духовенству и третьему сословию; но и это было сделано по приказанию короля, подтвержденному плачущей королевой (на короля дворянство больше не рассчитывало). Впрочем, и тут дворяне почти не скрывали своей надежды на то, что «бунтовщики» Национального собрания скоро будут разогнаны силой.

Между тем все интриги двора, все его секреты и даже слова, произнесенные тем или другим принцем или аристократом, скоро становились известными у революционеров. Тысячами тайных путей, об установлении которых позаботились в свое время передовые люди, все узнавалось в Париже; и слухи, дохо-

дившие из Версаля, поддерживали брожение в столице. Бывают такие времена, когда сильные мира не могут больше рассчитывать даже на своих слуг; и такое именно время наступило в Версале. Пока дворянство радовалось ничтожному успеху королевского заседания, несколько революционеров из буржуазии основали в самом Версале клуб под названием Бретонского клуба, скоро ставший объединяющим центром, куда стекались все сведения. Туда приходили даже слуги короля и королевы и рассказывали все, что тайно говорилось при дворе. Основателями этого клуба были несколько бретонских депутатов, между прочими, Ле-Шапелье, Глезен и Ланжюинэ; Мирабо, герцог Эгийон, Сиейес, Барнав, Петион, аббат Грегуар и Робеспьер также были его членами. Впоследствии он превратился в Клуб якобинцев.

Со времени открытия Генеральных Штатов в Париже царило большое оживление. Пале-Рояль с его садами и многочисленными кафе превратился в клуб на воздухе, куда стекалось до десяти тысяч человек всевозможных общественных положений поделиться

новостями, поговорить о новой брошюре, окунуться в толпу и почерпнуть из нее силу для будущего дела; познакомиться, столкнуться друг с другом. Все слухи, все новости, узнанные в Версале Бретонским клубом, тотчас же передавались в Пале-Рояль бурному клубу парижской толпы. Оттуда они распространялись по предместьям, и если по дороге к ним иногда присоединялись легенды, то эти легенды, как это часто бывает с народными легендами, были вернее самой истины, потому что они забежали вперед, вскрывали в легендарной форме тайные побуждения поступков и очень часто инстинктивно судили о людях и вещах вернее, чем судят люди «осторожные и благоразумные». Кто оценил Марию-Антуанетту, герцогиню Полиньяк, лукавого короля, бесшабашных принцев лучше, чем неизвестные массы рабочих в предместьях? Кто лучше народа сумел понять, разгадать их?

На другой же день после королевского заседания в великом городе уже чувствовалось дыхание революции. Городская дума послала Национальному собранию выражение своего одобрения, а Пале-Рояль обратился к нему с

адресом, составленным в боевом тоне. Для народа, голодного и презираемого, в торжестве Собрания над дворцовой партией блеснул луч надежды, и восстание явилось в глазах народа единственным средством добыть себе хлеб. Голод свирепствовал в Париже все больше и больше; даже плохой, желтой и горелой муки, которую оставляли обыкновенно для бедных, и той все время не хватало; а между тем народ знал, что в Париже и его окрестностях имеется достаточно хлеба, чтобы накормить всех, и бедняки приходили к мысли, что пока народ не восстанет, спекуляторы будут по-прежнему морить его голодом.

Между тем по мере того, как население темных закоулков Парижа роптало все громче и громче, парижская буржуазия и представители народа в Версале все больше и больше боялись восстания. «Лучше король и двор, чем восставший народ!» — решали они. В самый день соединения сословий, 27 июня, после первой победы третьего сословия, Мирабо, до того времени взывавший к народу, резко отделился от него; он старался увлечь за собой и других представителей, предостере-

гая их против «помощников-бунтовщиков». В Собрании уже намечалась таким образом будущая программа жирондистов. Мирабо хотел, чтобы Собрание содействовало «поддержанию порядка, общественного спокойствия и власти законов и министров». Он шел даже дальше. Он хотел, чтобы Собрание сплотилось вокруг короля, потому что король желает добра, а если иногда и делает зло, то только потому, что его обманывают, что ему дают дурные советы!

И Собрание ему рукоплескало. «Дело в том, — совершенно верно говорит Луи Блан, — что вместо того, чтобы стараться свергнуть престол, буржуазия уже стремилась стать под его защиту. Отвергнутый дворянством, Людовик XVI нашел самых верных и самых заботливых служителей в среде Общин, на мгновение казавшихся такими непреклонными. Он перестал быть королем дворян и становился королем собственников». Этот коренной недостаток революции будет, как мы увидим дальше, тяготеть над нею все время, вплоть до самой реакции.

Между тем нищета в столице росла и рос-

ла. Правда, Неккер принял кое-какие меры для предотвращения голода. 7 сентября 1788 г. он приостановил вывоз хлеба из Франции и назначил премии для поощрения ввоза; 70 млн. ливров было истрачено на покупку хлеба за границей. Вместе с тем он придал широкую гласность решению королевского совета от 23 апреля 1789 г., которое предоставляло судьям и полицейским чиновникам право производить осмотр хлебных складов, принадлежавших частным лицам, делать опись находившегося в них зерна и в случае надобности посылать его на рынок. Но исполнение этих мер было поручено старым властям, и в результате получилось то, что хотя правительство и давало премии тем, кто ввозил хлеб в Париж, но ввезенный хлеб тотчас же вывозился тайными путями и потом ввозился вторично, чтобы снова получить премию. В провинции скупщики закупали хлеб специально для этой спекуляции; они скупали даже на корню будущий урожай.

В этом деле вполне проявился истинный характер Национального собрания. В момент присяги в *Jeu de Raume* оно было, несомненно,

прекрасно; но по отношению к народу оно всегда прежде всего оставалось буржуазным. 4 июля Собрание, выслушав доклад своего Продовольственного комитета, обсуждало меры, которые следует принять, чтобы обеспечить народу хлеб и работу. Говорили целые часы, предложения сыпались одно за другим. Петион предложил заем, другие говорили о том, чтобы предоставить провинциальным собраниям принять необходимые меры, но ничего не было решено, ничего не было предпринято; дело ограничилось выражением сожалений о народе. А когда один из членов заговорил о спекуляторах и назвал некоторых из них, все Собрание оказалось против него. Через два дня, 6 июля, Буш заявил, что виновные известны и что через день они будут формально названы. «Общий страх овладел Собранием», — писал Горсас. Но пришел следующий день, и на этот счет не было больше произнесено ни слова. В промежутке между двумя заседаниями дело было замято. Почему? Как показали дальнейшие события, из боязни скандальных разоблачений.

Во всяком случае Собрание настолько боя-

лось народного бунта, что, когда 30 июня в Париже произошли волнения по поводу ареста 11 солдат из французской гвардии, отказавшихся заряжать ружья боевыми патронами, Собрание послало королю адрес, составленный в самых раболепных выражениях и полный уверений в «глубокой привязанности к королевской власти».

Как только король предоставил буржуазии малейшую долю участия в управлении, она уже начала спланировать вокруг него и всей силой своей организованности стала помогать ему против народа. Но — и пусть это послужит предостережением для будущих революции — в жизни личностей, партии, а также и учреждений есть своя логика, которой никто не в силах изменить. Королевский деспотизм не мог поладить с буржуазией, требовавшей себе долю власти. Он логически, фатально должен был с ней вступить в бой и, раз вступивши в борьбу, должен был погибнуть и уступить место представительному правлению, т. е. форме, наиболее подходящей для буржуазии. Точно так же не мог он, не изменяя своей естественной опоре — дворян-

ству, стать на почву народной демократии. Он старался поэтому всеми силами защищать дворянство и его привилегии, причем эти привилегированные дворяне при первом же испытании изменили ему.

Между тем сведения о тайных придворных интригах притекали со всех сторон, как к сторонникам герцога Орлеанского, собиравшимся в Монруже, так и к революционерам, посещавшим Бретонский клуб. В Версале и по дороге из Версаля в Париж стягивались войска. В самом Париже они заняли один из самых важных пунктов на дороге к Версалю. Говорили, что на пространстве между Версалем и Парижем размещено уже 35 тыс. человек и что на днях к ним присоединятся еще 20 тыс. Принцы и королева стоваривались между собой, чтобы распустить Собрание, раздавить в случае восстания Париж, арестовать и убить не только главных зачинщиков и герцога Орлеанского, но также и таких членов Собрания, как Мирабо, Мунье, Лалли-Толандаля, стремившихся превратить Людовика XVI в конституционного монарха. Двенадцать депутатов должны были быть принесены в жерт-

ву, рассказывал впоследствии Лафайет. Для осуществления этого плана были вызваны барон де Бретейль и маршал де Брольи, и оба были готовы действовать. «Если нужно сжечь Париж, — говорил де Бретейль, — сожжем Париж!». А маршал де Брольи писал принцу Конде, что «довольно будет одного пушечного залпа, чтобы разогнать всех этих спорщиков и снова поставить самодержавную власть на место нарождающегося республиканского духа». /.../

Что же делало в это время Национальное собрание? То, что всегда делали и всегда неизбежно будут делать все собрания. Оно не принимало никаких решительных мер.

В тот самый день, когда парижский народ начал уже восставать, т. е. 8 июля, Собрание поручило не кому иному, как своему трибуну Мирабо, изложить почтительнейшую просьбу к королю, в которой Собрание ходатайствовало перед Людовиком XVI о том, чтобы он убрал своих солдат. Просьба была написана в самых льстивых выражениях. В ней говорилось о том, как народ любит своего короля, как он благословляет небо за тот дар, кото-

рый ему ниспослан в любви короля! И такие же слова, такую же мысль мы еще не раз встретим во время революции в обращениях народных представителей к королю.

Чтобы понять революцию, нужно не упускать из вида эти постоянные усилия имущих классов привлечь к себе королевскую власть и сделать себе из нее щит для охраны против народа. В этой просьбе, поданной Национальным собранием за несколько дней до 14 июля, уже находятся в зародыше драмы, разыгравшиеся впоследствии, в 1793 г., в Конвенте.

Париж накануне 14 июля

Внимание историков обыкновенно бывает почти всецело поглощено Национальным собранием. Представители народа, собранные в Версале, кажутся им олицетворением революции, и каждое слово, каждый их жест отмечается с благоговением. А между тем в эти июльские дни сердце революции и революционный почин были не там. Они были в Париже.

Не будь Парижа, не будь парижского народа, Собрание было бы ничто. Если бы не страх перед восставшим народом, двор, наверное, распустил бы Собрание, как это делалось не раз впоследствии: 18 брюмера — Наполеоном I и 2 декабря — Наполеоном III во Франции, а в самое недавнее время — в Венгрии и в России. Депутаты, конечно, протестовали бы; ими было бы сказано немало красивых фраз и, может быть, даже сделана была бы попытка поднять провинцию. Но без готового восстать народа, без предварительной революционной работы, оставившей след в массах, без призыва народа к восстанию — при-

зыка, сделанного несколькими смелыми людьми и переданного из уст в уста в народе, без этого собрание представителей бессильно перед установленным правительством, с его сетью чиновников, с его послушной армией!

К счастью, Париж не дремал. Пока Национальное собрание, обманутое кажущейся безопасностью, спокойно принималось 10 июля за продолжение прений о проекте конституции, парижский народ, к которому, наконец, обратились наиболее смелые и дальновидные деятели из буржуазии, готовился к восстанию. В предместьях передавали друг другу все подробности военного разгрома, который подготавливался двором на 16-е число; все было известно там, даже угроза короля удалиться в Суассон и отдать Париж в руки войска. И вот это громадное горнило — Париж стал организовываться в своих «округах» (districts), чтобы противопоставить силу силе. «Помощники-бунтовщики», которыми Мирабо грозил двору, были действительно призваны на помощь; в темных кабачках предместий бедный, одетый в лохмотья Париж совещался о средствах «спасти отечество» и вооружался

как мог.

Сотни агитаторов-патриотов, конечно, «неизвестных», делали все возможное, чтобы поддержать агитацию и вызвать народ на улицу. Одним из излюбленных средств, пишет Артур Юнг, были петарды и фейерверки; их продавали за полцены, и когда на каком-нибудь перекрестке собиралась толпа, чтобы посмотреть на фейерверк, кто-нибудь обращался к ней с речью и передавал ей известия о заговоре двора. Чтобы рассеять эти сборища, «прежде достаточно было бы одной роты швейцарцев; теперь же понадобился бы целый полк, а через несколько дней понадобится целое войско», — писал Артур Юнг перед 14 июля.

И действительно, уже начиная с половины июня парижский народ волновался и готовился к восстанию. Еще в начале июня ожидалась бунты вследствие дороговизны хлеба, говорит английский книгопродавец Гарди, живший в то время в Париже; и если Париж оставался спокойным до 25 июня, то только потому, что до королевского заседания народ все еще надеялся, что Собрание что-нибудь

сделает в его пользу. Но 25-го Париж понял, что у него остается одна надежда — восстание.

Часть парижан в этот день направилась уже к Версалю, готовясь к столкновению с войсками. В самом Париже повсюду устраивались сборища, «готовые на самые ужасные крайности», читаем мы в тайных докладах, адресованных министру иностранных дел и изданных Шассеном. «Народ волновался всю ночь, устраивал иллюминации и пускал множество ракет перед Пале-Роялем и государственным контролем». Раздавались крики: «Да здравствует герцог Орлеанский!»

В тот же день, 25 июня, солдаты французской гвардии, покинув казармы, пили и братались с народом, который увлекал их за собой в разные кварталы города и ходил по улицам с криками: «Долой попов!»

Между тем парижские «округа», т. е. собрания выборщиков первой степени, которые продолжали сходиться и после выборов, правильно организовывались, особенно в рабочих кварталах, и принимали меры для боевого сопротивления Парижа. «Округа» находи-

лись между собой в постоянных сношениях, и их представители старались составить из себя род независимого городского управления помимо буржуазной ратуши. 25 июня в собрании избирателей Бонвиль уже призывал к оружию и предлагал избирателям составить «коммуну», ссылаясь на исторические данные из средних веков для подкрепления своего предложения. На следующий день после предварительного собрания в музее на улице Дофин представители округов отправились, наконец, на общее собрание в городскую ратушу; 1 июля уже происходило их второе заседание, протокол которого приводит Шассен. Так образовался тот Постоянный комитет, который потом заседал в день 14 июля, и так создавалась революционная организация Парижа, сыгравшая впоследствии такую видную роль в дальнейшем ходе революции.

30 июня такого простого случая, как арест и заключение в тюрьму Аббатства (Abbaye) 11 солдат французской гвардии, отказавшихся зарядить свои ружья боевыми патронами, оказалось достаточно, чтобы вызвать в Париже целый бунт. Когда Лустало, редактор «Les

Revolutions de Paris», взобрался на стул в Пале-Рояле против кафе Фуа и обратился с речью по этому поводу к толпе, взывая к действию, четыре тысячи человек тотчас же направились к тюрьме Аббатства и освободили арестованных солдат. Увидав приближающуюся толпу, тюремщики поняли, что всякое сопротивление было бы бесполезно, и сами передали заключенных народу. В это время прискакали в карьер драгуны, готовые броситься на народ; но и они поколебались, вложили сабли в ножны и стали брататься с толпой — обстоятельство, нагнавшее страх на Национальное собрание, когда оно на другой день узнало, что войско оказалось заодно с бунтовщиками. «Неужели мы станем трибунами разнузданного народа?» — спрашивали господа депутаты.

Бунт начинался и в окрестностях Парижа. В Нанжи народ отказался платить налоги до тех пор, пока они не будут установлены Собранием. Хлеба там не хватало (каждому покупателю продавали не больше двух четвериков пшеницы), и рынок был постоянно окружен драгунами. Но, несмотря на присутствие

войска, и в Нанжи, и в других городках вокруг Парижа произошло несколько бунтов. /.../

В Париже 30 июня патриоты начали уже записываться в кафе Погребка (du Caveau) ввиду восстания; а когда на другой день узнали, что де Брольи назначен командующим войсками, население, доносили тайные доклады полиции, стало повсюду говорить и объявлять, что, «если войска дадут хоть один выстрел, все будет сожжено и разнесено... Оно говорит и многое другое, еще более страшное... Благоразумные люди не решаются выходить на улицу», — прибавляет тот же полицейский агент.

2 июля народный гнев направляется против герцога Артуа и семейства Полиньяков — приближенных королевы. Их собираются убить, а их дома — разгромить. Собираются также завладеть всеми пушками, размещенными по Парижу. Сборища становятся все многочисленнее; «ярость народа невообразима», говорится в тех же полицейских докладах. В этот же день, пишет в своем дневнике книгопродавец Гарди, «около восьми часов

вечера, из сада Пале-Рояля разъяренная толпа» чуть было не двинулась в Версаль спасать депутатов третьего сословия, так как пронесся слух, что дворяне хотят их перебить. При этом начинают уже говорить о захвате оружия из Дома инвалидов, где имеются склады ружей и пушки.

Одновременно с негодованием против двора росло и раздражение, вызванное голодом. 4 и 6 июля власти стали принимать меры ввиду возможного грабежа булочных; по улицам, рассказывает Гарди, ходили патрули из французской гвардии, наблюдавшие за Распределением хлеба.

8 июля в самом Париже среди 20 тыс. безработных, которых правительство занимало земляными работами на Монмартре, разыгралась прелюдия к восстанию; а через два дня, 10-го, уже лилась кровь, и в тот же день народ начал жечь городские заставы. На шоссе д'Антен народ воспользовался тем, что застава была сожжена, чтобы ввозить, не платя пошлины, разную провизию и вино.

Очевидно, что Камилл Демулен никогда не решился бы 12 июля призывать народ к ору-

жию, если бы он не был уверен из опыта предыдущих дней, что на его призыв откликнутся; если бы он не знал, что уже за 12 дней до того Лустало поднял толпу по менее значительному поводу и что теперь предместья Парижа только ждут первого сигнала, первого толчка, чтобы восстать.

Нетерпение принцев, уверенных в успехе своего переворота, ускорило удар, подготовившийся двором на 16-е. Королю пришлось действовать, таким образом, не дождавшись прибытия новых подкреплений в Версаль.

Неккер был уволен 11-го, причем герцог Артуа поднес свой кулак под нос министру, когда он направлялся в залу заседаний совета министров. Король же со свойственным ему лицемерием сделал вид в совете, что ничего не знает, тогда как распоряжение об отставке министра уже было подписано им. Неккер беспрекословно подчинился приказаниям своего господина. Он даже предвосхитил его намерения, устроив свой отъезд в Брюссель так, чтобы не возбудить в Версале ни малейшего шума.

Париж узнал об этом только на другой

день, в воскресенье 12-го, около полудня. Отставку Неккера, которая должна была быть первым актом военного переворота, все уже ожидали. Везде передавались также слова герцога де Брольи, говорившего, что он со своими 30 тыс. солдат, поставленных между Парижем и Версалем, «отвечает за Париж». А так как с утра стали носиться зловещие слухи о подготовлявшихся двором избиениях в столице, то «весь революционный Париж» направился к Пале-Роялю. Там и получено было известие о ссылке Неккера.

«Итак, двор решился начать войну?!» Тогда Камилл Демулен, выйдя из одного из палерояльских кафе, из кафе Фуа, со шпагой в одной руке и пистолетом в другой, взобрался на стул и обратился к толпе с призывом к оружию. Отломив ветку от дерева, он, как известно, сделал себе из зеленого листа кокарду, которая должна была служить знаком объединения. И его крик: «Нельзя терять ни минуты времени! К оружию!» — разнесся по всем предместьям.

После обеда громадная процессия с бюстами герцога Орлеанского и Неккера, обвитыми

крепом (говорили, что герцог Орлеанский также сослан), двинулась через Пале-Рояль и улицу Ришелье к площади Людовика XV (теперешняя площадь Согласия). Площадь была занята войсками: швейцарцами, французской пехотой, гусарами и драгунами — под командой маркиза Безанваля. Войска скоро оказались окруженными народом; они старались оттиснуть толпу саблями и даже дали залп по народу; но под давлением несметной, все растущей толпы, которая толкала, давила, обволакивала их и разбивала их ряды, они вынуждены были отступить. С другой стороны, пронесся слух о том, что солдаты французской гвардии стреляли в королевский немецкий полк, верный королю, и что швейцарцы отказываются стрелять в народ. Тогда Безанваль, кажется, впрочем, не особенно доверявший двору, отступил перед растущей народной волной и увел свои войска на Марсово поле.

Борьба, таким образом, началась. Но каков еще будет ее конечный исход, если войско, оставшееся верным королю, получит приказание идти на Париж? И вот буржуазные ре-

волюционеры скрепя сердце решаются прибегнуть к крайнему средству: обратиться с призывом к народу. По всему Парижу бьют в набат и предместья начинают ковать пики. Мало-помалу население выходит на улицу, вооруженное. Всю ночь люди из народа требуют у прохожих денег на покупку пороха. Заставы горят. Все заставы на правом берегу, от предместья Сент-Антуан до предместья Сент-Онорэ, а также у предместий Сен-Марсель и Сен-Жак, сожжены: съестные припасы и вино свободно, беспошлинно ввозятся в Париж. Всю ночь слышится набат и буржуазия дрожит за свои имущества, потому что люди, вооруженные пиками и дубинами, ходят по городу, грабят дома некоторых врагов народа и спекуляторов и стучатся в двери богатых, прося хлеба и оружия.

На другой день, 13-го, народ направляется прежде всего туда, где есть хлеб, а именно в монастырь Сен-Лазар, и осаждает его при криках: «Хлеба, хлеба!» Нагружают 52 повозки, но хлеб не грабят, а везут его на Центральный рынок, на площадь у ратуши, чтобы досталось всем. Туда же направляет народ и те

припасы, которые беспошлинно ввозятся в Париж.

В то же время толпа овладевает тюрьмой Форс, где тогда содержались сидевшие за долги, и освобожденные заключенные идут по улицам Парижа и благодарят народ; но бунт заключенных в тюрьме Шатле оказался усмирненным, по-видимому, буржуазией, которая поспешно вооружалась и рассылала свои патрули по улицам. Около шести часов вечера сформировавшаяся буржуазная милиция уже направилась к ратуше, а в десять часов вечера, говорит Шассен, она уже вступила в должность. /.../

Что бы ни говорили теперешние буржуазные республиканцы, но революционеры 1789 г. обратились за содействием именно к тем «компрометирующим помощникам», о которых говорил Мирабо. Они пошли искать их в темных углах парижских предместий; и они поступили совершенно правильно, потому что если и было несколько случаев грабежа, то в общем эти «помощники», понимая важное значение этих дней, отдали свое оружие на служение общему делу гораздо боль-

ше, чем на удовлетворение своей личной мести или на облегчение своей личной нужды, как бы тяжела она ни была.

Несомненно, что случаи грабежа были очень редки. Наоборот, настроение вооруженной толпы стало очень серьезно, как только она узнала о столкновении, происшедшем между войсками и вооруженными буржуа. «Люди с пиками» считали себя, очевидно, защитниками города, несущими на себе большую ответственность. Гак, например, Мармонтель, заведомый противник революции, отмечает тем не менее следующую черту: «Сами разбойники, заразившись общим ужасом (?), не сделали ничего вредного. Единственные лавки, которые они заставили открыть, были лавки оружейников, и оттуда взяли оружие», — говорит он в своих «Мемуарах». А когда народ привез на площадь Грэвы (около ратуши) карету принца Ламбеска с тем, чтобы сжечь ее, то он отдал сундук и все найденные в ней вещи в городскую ратушу. У монахов-лазаристов народ отказался взять деньги и отобрал только муку, оружие и вино, которые и были привезены на площадь Грэвы.

Ничего в этот день не тронули ни в казначействе, ни в учетном банке, говорит в своем до-несении английский посол.

Что правда, так это то, что при виде толпы в лохмотьях и голодных людей, вооруженных дубинами и пиками «всех видов», при виде вышедших на улицу призраков голода, буржуазию обуял такой ужас, от которого она с тех пор не могла опомниться. Впоследствии, в 1791 и 1792 гг., даже те из буржуа, которые стремились уничтожить монархию, предпочитали реакцию и иностранное нашествие новому призыву народа к революции. Воспоминание о голодном и вооруженном народе, который они на мгновение увидели на улицах 12, 13 и 14 июля 1789 г., не давало им покоя.

«Оружия!» — таков был общий крик, после того как народу удалось получить немного хлеба. Оружия искали повсюду, но не находили, и в предместьях день и ночь ковали из всего, что попадалось под руку, пики всевозможных форм.

Между тем буржуазия, не теряя ни минуты, организовывала свою власть, свое город-

ское управление в ратуше и свою милицию.

Как известно, выборы в Национальное собрание были двухстепенными; но после окончания выборов выборщики третьего сословия, к которым присоединилось несколько выборщиков дворянства и духовенства, продолжали собираться, и начиная с 27 июня выборщики из разных избирательных округов собирались в ратуше с разрешения официальных властей муниципалитета, т. е. городского «бюро» и «министра города Парижа». Эти выборщики и взяли на себя организовать буржуазную милицию. Мы видели, что 1 июля происходило уже второе их заседание.

12 июля они образовали Постоянный комитет под председательством городского головы Флесселя и решили, что каждый из 60 избирательных округов Парижа выберет 200 граждан, известных и способных носить оружие, которые образуют милицию в 12 тыс. человек для охраны общественной безопасности. В течение четырех дней предполагалось довести численность этой милиции до 48 тыс. человек, причем Комитет в то же время старался обезоружить бедный народ.

«Таким образом, — говорит вполне справедливо Луи Блан, — буржуазия образовала для себя преторианскую гвардию в 12 тыс. человек. Народ хотели обезоружить во что бы то ни стало, хотя бы даже рискуя снова подпасть под власть двора».

Вместо зеленого цвета кокарды первых дней милиция должна была носить кокарду красную с синим, и Постоянный комитет принял меры, чтобы простой народ, вооружаясь, не наводнил бы собой ряды этой милиции. Он издал распоряжение, по которому всякий, кто будет носить оружие и красную с синим кокарду, не будучи записанным в одном из округов, будет предан суду Комитета. В ночь с 13 на 14 июля Постоянным комитетом был назначен и главнокомандующий этой национальной гвардии; это был человек дворянского происхождения — герцог д'Омон. Он отказался; тогда начальство было дано другому дворянину, маркизу де ла Салль, который сперва был назначен помощником главнокомандующего.

Словом, пока народ ковал пики и вооружался, пока он принимал меры, чтобы из Па-

рижа не вывозили пороха, пока он захватывал муку и отправлял ее на Центральный рынок или на площадь Грэвы; пока он 14 июля строил баррикады, чтобы помешать королевским войскам вступить в Париж; пока он овладевал оружием из Дома инвалидов и толпой направлялся к Бастилии, чтобы заставить ее сдаться, — буржуазия заботилась о том, чтобы власть не ускользнула из ее рук. Она образовала буржуазную Парижскую коммуну, которая старалась препятствовать народному движению, и она поставила во главе этой коммуны городского голову Флесселя, который переписывался с г-жою Полиньяк о том, как помешать восстанию Парижа. Известно также, что 13 июля, когда народ пришел к Флесселю за оружием, он выписал из складов вместо ружей ящики со старым бельем, а на другой день употребил все свое влияние, чтобы помешать народу взять Бастилию.

Так было положено ловкими жожаками буржуазии начало той политике измены, с которой мы встретимся на всем дальнейшем протяжении революции.

Взятие Бастилии

С утра 14 июля внимание восставшего парижского народа стало направляться на Бастилию — мрачную крепость с массивными, высокими башнями, возвышавшуюся среди домов рабочего квартала, в начале предместья Сент-Антуан. Историки до сих пор доискиваются, кто именно обратил внимание народа в эту сторону, и некоторые из них высказали предположение, что Постоянный комитет, заседавший в ратуше, направил народ против этой эмблемы королевской власти, желая, говорят они, таким образом дать восстанию определенную цель. Это предположение, однако, ничем не подтверждается, и многие факты говорят против него. Вернее, что уже начиная с 12-го и 13-го числа народ инстинктивно понял, что в планах подавления парижского восстания Бастилия должна была играть важную роль, а потому решил овладеть ею.

В самом деле известно, что в западной части Парижа у двора имелось 30 тыс. солдат, расположенных на Марсовом поле под на-

чалством Безанваля; а на востоке точку опоры для нападающего на Париж войска представляла Бастилия, пушки которой были направлены на революционное предместье Сент-Антуан и на его главную улицу, а также на другую большую артерию — улицу Сент-Антуан, ведущую к ратуше, к Пале-Роялю и к дворцу Тюильри. Угрожающее значение Бастилии было поэтому очевидно, и уже с раннего утра 14 июля, рассказывают «Два друга свободы», «слова к Бастилии! переходили из уст в уста от одного конца города до другого».

Правда, гарнизон Бастилии состоял всего из 114 человек, 84 инвалидов и 30 швейцарцев, и известно теперь, что комендант не позаботился о припасах. Но это доказывает только, что самая мысль о возможности серьезного нападения на грозную крепость считалась нелепой. Между тем народ знал, что заговорщики-роялисты рассчитывают на Бастилию; от жителей окрестных домов узнали, что в ночь с 12-го на 13-е из Арсенала были доставлены в Бастилию запасы пороха. Известно было также, что с утра 14 июля комендант крепости маркиз де Лонэ поставил пуш-

ки так, чтобы они были наготове для стрельбы по народу, если толпа направится к городской ратуше.

Нужно сказать также, что народ всегда ненавидел тюрьмы: Бисертскую тюрьму, Венсеннский замок, Бастилию. Во время волнений 1783 г., когда дворянство протестовало против произвольных арестов, министр Бретейль отменил заключение в Венсенне, после чего знаменитый замок был превращен в хлебный амбар, и Бретейль в угоду общественному мнению даже разрешил публике осматривать страшные каменные мешки этого замка. Об ужасах, виденных там посетителями, много говорили в ту пору, пишет Дроз, и нет сомнения, что, говоря о Венсеннском замке, вспоминали и Бастилию, где заключение должно было быть еще ужаснее.

Как бы то ни было, известно, что уже 13-го вечером отряд вооруженных парижан, проходивший мимо Бастилии, и защитники крепости обменялись несколькими выстрелами и что 14-го, с раннего утра, более или менее вооруженные толпы народа, загромаждавшие улицы в течение всей предыдущей ночи, ста-

ли собираться на улицах, ведущих к Бастилии. Еще ночью разнесся слух, что королевские войска приближаются со стороны Тронной заставы к Сент-Антуанскому предместью, так что толпы народа направились в восточную часть города и баррикадировали улицы к северо-востоку от городской ратуши.

Утром 14 июля удачное нападение на Дом инвалидов дало возможность народу вооружиться и добыть пушки.

Еще накануне несколько буржуа, уполномоченных своими округами, явились в Дом инвалидов и требовали оружия, говоря, что их домам угрожает нападение разбойников. Барон Безанваль, командовавший королевскими войсками в Париже, находился в это время в Доме инвалидов и обещал испросить у маршала Брольи разрешения на выдачу оружия. Но на другой день, 14-го, разрешения еще не было получено, когда около семи часов утра, в то время как инвалиды под начальством Сомбрейля стояли у своих пушек, расставленных перед Домом инвалидов, с фитилями в руках, готовые открыть огонь, из трех соседних улиц вдруг высыпала бегом

толпа в 7 или 8 тыс. человек. Моментально, говорят очевидцы, эта толпа перешла, помогая друг другу, через рвы в восемь футов глубиной и двенадцать — шириной, окружавшие площадку перед Домом инвалидов, заполнила эту площадку и захватила 12 пушек (24-, 18- и 10-фунтовых) и одну мортиру. Инвалиды, уже затронутые «духом возмущения», не защищались. Затем толпа мало-помалу пробираясь повсюду, добралась до подвалов и до церкви, где было спрятано 32 тыс. ружей и некоторое количество пороха. Эти ружья и пушки в тот же день послужили для взятия Бастилии. Что же касается до пороха, то народ еще накануне задержал 36 бочонков, отсылавшихся в Руан; они были привезены в ратушу, и порох раздавался всю ночь вооружавшемуся народу.

Ружья увозились народом из Дома инвалидов очень медленно, и известно, что к двум часам дня они еще далеко не все были вывезены. Времени, следовательно, было бы достаточно, чтобы привести войска и разогнать народ, тем более что пехота, кавалерия и даже артиллерия стояли очень близко, в Военной

школе и на Марсовом поле. Но офицеры этих полков не рассчитывали на своих солдат, а может быть, и сами колебались ввиду несметной толпы людей всех возрастов и состояний, свыше 300 тыс. человек, наводнявшей улицы за последние два дня. Все предместья, вооруженные отчасти ружьями, а главное, пиками, молотами, топорами или просто дубинами, тоже высыпали на улицу, и массы народа толпились на площади Людовика XV (теперешняя площадь Согласия), а также вокруг городской ратуши, Бастилии и на улицах между ратушей и Бастилией. Народа было столько, что буржуазия пришла в ужас при виде этой массы вооруженной бедноты.

Узнав, что народ наводнил улицы, прилежащие к Бастилии, Постоянный комитет, заседавший в ратуше, о котором мы говорили выше, послал с утра 14-го парламентаров к коменданту крепости де Лонэ с просьбой убрать пушки, направленные на улицы, и не предпринимать ничего против народа. С своей стороны Комитет принимал на себя обязательство, на которое он никем не был уполномочен: он обещал, что и «народ не предпри-

мет против крепости ничего враждебного». Делегаты Комитета были очень хорошо приняты комендантом, который даже оставил их у себя на завтрак, протянувши таким образом дело почти до 12 часов. Де Лонэ, по всей вероятности, старался выиграть время в ожидании определенных распоряжений из Версаля; но они не приходили, потому что еще утром были перехвачены народом. Как всякий военный начальник, де Лонэ, очевидно, предвидел, что ему трудно будет сопротивляться парижскому народу, толпами высыпавшему на улицу, и он старался затянуть дело переговорами. Пока он приказал отодвинуть назад пушки на четыре фута, а чтобы народ не видел их извне, он велел забрать амбразуры досками.

Около 12 часов округ Сен-Луи-ла-Кюльтюр прислал со своей стороны двух депутатов к коменданту, и один из них, адвокат Тюрио де ла Розьер, получил от коменданта маркиза де Лонэ форменное обещание не стрелять, если на него не будут нападать. Затем около часу и около трех часов к коменданту были посланы еще две депутации от Постоянного комитета,

но они не были приняты. Обе они просили коменданта передать крепость в руки буржуазной милиции, которая будет охранять ее вместе с солдатами и швейцарцами, составлявшими гарнизон Бастилии.

К счастью, все эти сделки были сведены на ничто народом, который отлично понимал, что ему нужно во что бы то ни стало овладеть Бастилией. После того как толпе удалось добыть ружья и пушки в Доме инвалидов, дух народа стал подниматься все выше и выше. Толпа наводнила прилежащие к Бастилии улицы и дворы, окружавшие крепость. Скоро между народом и инвалидами, стоявшими на крепостной стене, завязалась перестрелка. Пока Постоянный комитет пытался охладить пыл нападающих и собирался объявить на площади Грэвы, что де Лонэ обещал не стрелять, если на него не будут нападать, толпа с криками: «Мы хотим Бастилию! Спустить мосты!» — двигалась к крепости. Говорят, что, увидавши с высоты стен, что улица предместья Сент-Антуан и соседние с ней черны отдвигающегося к Бастилии народа, комендант, поднявшийся на стену вместе с адвокатом

Тюрио, чуть не упал в обморок. Он, по-видимому, даже готов был сейчас же сдать крепость милиции Комитета; но этому воспротивились швейцарцы.

Вскоре первые подъемные мосты той внешней части Бастилии, которая называлась передовой (L'avancee), были спущены, как это всегда бывает в таких случаях, благодаря смелости горсти людей. Восемь или десять человек, среди которых был бакалейный лавочник Паннетье, человек высокого роста и сильный, воспользовались тем, что к внешней стене Передовой части крепости был пристроен какой-то дом. При помощи этого дома они взобрались на стену; затем, подвигаясь по стене верхом, они добрались до кордегардии, стоявшей около маленького подъемного моста Передовой части, а оттуда спрыгнули в первый двор собственно Бастилии — Губернаторский двор, в котором помещался дом коменданта. Двор этот оказался пустым, так как после ухода Тюрио инвалиды вместе с де Лонэ удалились во внутрь крепости. Попавши на Губернаторский двор, эти восемь или девять человек спустились прежде всего маленький

подъемный мост Передовой части, выломали его ворота топорами, и затем спустили и большой мост. Тогда больше трехсот человек ворвались в Губернаторский двор и побежали к двум другим подъемным мостам, малому и большому, служившим для перехода через широкий главный ров в самую крепость. Оба моста были, однако, уже подняты изнутри защитниками крепости.

Здесь произошло то, что сразу довело ярость парижского народа до высшей точки и позднее стоило жизни де Лонэ. Когда толпа наводнила Губернаторский двор, защитники Бастилии стали стрелять по ней; была даже сделана кем-то попытка поднять большой подъемный мост Передовой части, чтобы помешать толпе уйти из Губернаторского двора и взять ее в плен или уничтожить. Таким образом, в тот самый момент, когда Тюрио и Корни объявили народу на площади Грэвы, что комендант обещал не стрелять, солдаты с высоты крепостной стены обстреливали Губернаторский двор ружейными залпами, а пушки Бастилии обстреливали ядрами соседние улицы.

После всех переговоров, происходивших утром, этот огонь, открытый по толпе, естественно был понят как измена со стороны де Лонэ, и народ стал обвинять его в том, что он сам спустил первых два подъемных моста Передовой части с целью заманить толпу под огонь с крепостной стены.

Все это произошло приблизительно в час пополудни.

Известие, что орудия Бастилии стреляют по народу, немедленно разнеслось по всему Парижу и привело к двум последствиям. Постоянный комитет парижской милиции со своей стороны поспешил отправить новую депутацию к коменданту с предложением принять в крепость отряд милиции, который будет защищать ее вместе с войсками. Но эта депутация не дошла до коменданта вследствие сильной перестрелки, продолжавшейся все время между инвалидами и нападающими, которые, стоя под стенами окружающих построек, стреляли в особенности по солдатам, стоявшим на стене у орудий. Народ, кроме того, понимал, что депутации Комитета только мешают осаде. «Они не хотят больше

депутаций, они требуют сдачи Бастилии и хотят разрушить эту ужасную тюрьму: они громко требуют смерти коменданта», — рассказывали вернувшиеся депутаты.

Это не помешало, однако, Комитету, заседавшему в ратуше, послать еще третью депутацию. Королевскому и городскому прокурору Этису де Корни и еще несколькими гражданами было поручено охладить пыл народа, помешать осаде и войти в соглашение с де Лонэ, с тем чтобы он впустил в крепость комитетскую милицию. Стремление помешать народу овладеть Бастилией обнаружилось здесь очень ясно.

Что же касается до парижского народа вообще, то он со своей стороны, как только весть о перестрелке распространилась по городу, стал действовать, не ожидая ничьих приказаний, а руководствуясь одним своим революционным чутьем. Он привез к ратуше захваченные в Доме инвалидов пушки, и около трех часов, когда депутация Корни возвращалась с рассказом о своей неудаче, она встретила на пути приблизительно триста солдат французской гвардии и множество во-

оруженных буржуа под командой бывшего солдата Юлена, направлявшихся к Бастилии с пятью пушками. В это время стрельба продолжалась уже около трех часов. Народ не отступал, несмотря на многих убитых и раненых, и продолжал осаду, прибегая к разного рода уловкам: были, например, привезены два воза соломы и навоза, чтобы дым от них составил своего рода завесу и облегчил осаду двух входных ворот (у малого и у большого подъемного моста). Здания, расположенные на Губернаторском дворе, уже были сожжены.

Пушки явились как раз вовремя. Их ввезли на Губернаторский двор и поставили против подъемных мостов и ворот всего в 15 саженьях от них.

Легко себе представить, какое впечатление должны были произвести на осажденных эти пушки в руках народа! Ясно было, что висячие мосты скоро упадут и ворота будут выбиты. Толпа все более и более грозная становилась все многочисленнее.

Наступил, наконец, момент, когда защитники крепости поняли, что сопротивляться дольше значило бы осудить себя на верную

смерть. Де Лонэ решил сдаться. Инвалиды, видевшие, что им не устоять против всего Парижа, ведущего на них осаду, еще раньше советовали капитуляцию, и около четырех часов или между четырьмя и пятью комендант выбросил белый флаг и велел бить отбой, т. е. приказ прекратить огонь и сойти с крепостной стены.

Гарнизон сдавался и просил оставить за ним право выйти с оружием. Возможно, что военные Юлен и Эли, находившиеся против большого подъемного моста, дали свое согласие на такое условие, но народ и слышать о нем не хотел. Раздавались ожесточенные крики: «Спустить мосты!»

Тогда в пять часов комендант передал через одну из бойниц около малого подъемного моста записку следующего содержания: «У нас есть 20 бочек пороха; если вы не примете капитуляции, мы взорвем весь квартал и гарнизон». Это были одни слова, так как если бы даже комендант думал привести свою угрозу в исполнение, то гарнизон никогда не допустил бы до этого. Как бы то ни было, де Лонэ сам отдал ключ от ворот маленького подъем-

ного моста.

Ворота отперли изнутри, и народ тотчас же наводнил крепость, обезоруживая швейцарцев и инвалидов, и захватил самого де Лонэ, которого потащили в городскую ратушу. По дороге толпа, разъяренная его изменой, осыпала его всякими оскорблениями. Двадцать раз рисковал он быть убитым, несмотря на героические усилия некоего Шола и еще одного, заслонявших его собой. В нескольких сотнях шагов от ратуши его, впрочем, вырвали из их рук и отрубили ему голову. Де Гю, начальник швейцарцев, спас свою жизнь тем, что заявил, что сдается городу и нации, и выпил за их процветание; но три офицера генерального штаба Бастилии и три инвалида были убиты. Что касается городского головы Флесселя, находившегося в сношениях с Безанвалем и герцогиней Полиньяк, в руках которого, как это выясняется из одного его письма, было еще много других тайн, сильно компрометировавших королеву, то народ готовился уже казнить его, когда какой-то неизвестный застрелил его из пистолета. Не решил ли этот неизвестный, что

«мертвые лучше всех хранят тайны»?

Как только подъемные мосты Бастилии были спущены, народ бросился во дворы и стал разыскивать заключенных, заживо погребенных в Бастилии. При виде этих призраков, выходявших из темных казематов и совершенно растерявшихся от света и от гула приветствовавших их голосов, растроганная толпа проливала слезы. Мучеников королевского деспотизма торжественной процессией по вели по улицам Парижа. И скоро при известии, что Бастилия в руках народа, восторг овладел всем городом, причем население сейчас же стало еще ревностнее заботиться о том, чтобы сохранить за собой свое завоевание. Переворот, задуманный двором, кончился полнейшей неудачей.

Так началась революция. Народ одержал первую свою победу. Такая осязательная победа была необходима. Нужно было, чтобы революция выдержала борьбу и вышла из нее победительницей. Народ должен был показать свою силу, чтобы заставить своих врагов считаться с ним, чтобы повсюду в стране возбудить бодрость и всюду дать толчок к

восстаниям, к завоеванию свободы.

Последствия 14 июля в Версале

Во всякой революции, раз она началась, каждое отдельное ее событие не только подводит итоги тому, что уже совершилось, но и заключает в себе главные зачатки будущего; так что, если бы современники способны были отрешиться от впечатлений минуты и отделить в происходившем вокруг них существенное от случайного, они уже на другой день после 14 июля могли бы предвидеть весь дальнейший ход революции.

При дворе еще накануне вечером, т. е. 13 июля, совершенно не понимали важности движения, происходившего в Париже. В Версале в этот вечер было устроено празднество. Во дворце танцевали в оранжерее и пили за будущую победу над взбунтовавшейся столицей. Королева со своей приятельницей Полиньяк и другими придворными дамами и вместе с ней принцы и принцессы расточали в казармах любезности иностранным солдатам, чтобы возбудить их к предстоящему бою.

С безумным легкомыслием французский двор, живший, как и всякий двор, в мире заблуждений и условной лжи, не подозревал даже, что завладеть Парижем уже невозможно, что момент был упущен. Сам Людовик XVI знал о положении дел не больше, чем королева или принцы. Когда 14-го вечером Собрание, испуганное народным восстанием, бросилось к нему и в раболепных выражениях стало умолять его вернуть министров и удалить войска, он ответил тоном властелина, все еще уверенного в победе. Он верил в план, который ему присоветовали, а именно: поставить во главе буржуазной милиции верных людей, обуздать с помощью этой милиции народ, а затем ограничиться изданием нескольких распоряжений относительно удаления войск. Вот в каком искусственном мире, населенном призраками, жили король и двор и продолжали жить, несмотря на краткие моменты пробуждения, до той самой минуты, когда оставалось только погибнуть на эшафоте.

И как хорошо определяются уже тогда характеры всех действующих лиц! Король, оту-

маненный своей неограниченной властью, готов всегда сделать именно тот шаг, который приведет к катастрофе. Затем, когда катастрофа подходит, он проявляет в борьбе с ней свое упорство, свою косность, только косность, и, наконец, как раз тогда, когда все думают, что он выдержит и будет упорно сопротивляться, он уступает — всегда только для вида. А вот королева: порочная, испорченная до глубины души своей неограниченной властью, она прямо толкает короля к катастрофе. Сперва она резко сопротивляется событиям, не хочет признавать их; затем вдруг решается уступить и впадает со своими приятельницами в ребячество куртизанки. А принцы? Они советуют королю самые губительные решения и покидают его при первой же неудаче; они оставляют Францию и становятся эмигрантами тотчас же после взятия Бастилии и едут интриговать в Германии или в Савойе. Как быстро обрисовываются все эти характеры, в несколько дней, от 8 до 15 июля!

А с другой стороны, мы видим народ, с его пылким энтузиазмом, с его великодушием, с его готовностью погибнуть за торжество сво-

боды; но вместе с тем — народ, ищущий руководителей, готовый подчиниться новым господам, водворяющим в городской ратуше. Он так хорошо понимает все интриги двора, так ясно видит — лучше самых проникательных людей — развитие заговора, подготовлявшегося уже с конца июня, и вместе с тем он дает себя опутать другим заговорщикам, т. е. имущим классам, которые скоро загонят назад в трущобы голодных пролетариев, вооружившихся пиками. Их призвали на помощь, когда нужно было противопоставить силе армии силу народного восстания, а теперь их выживают с улицы, надававши им разных обещаний, и они повинуются.

С самых первых дней в поведении буржуазии уже намечаются все будущие великие драмы революции. 14 июля, по мере того как королевская власть становится все менее и менее опасной, представители третьего сословия, собравшиеся в Версале, все более и более начинают бояться народа. И, несмотря на пылкие слова Мирабо по поводу праздника, происходившего в оранжерее, королю достаточно появиться в Собрании, признать власть

представителей и обещать им личную неприкосновенность, чтобы они разразились рукоплесканиями, пришли в восторг и вышли на улицу провожать короля, составляя ему почетный караул и оглашая Версаль криками: «Да здравствует король!» И это происходит в то самое время, когда в Париже народ избивают во имя того же короля, когда в Версале толпа грозит королеве и герцогине Полиньяк, а про обещания короля люди спрашивают себя, не надо ли видеть в них одну его обычную лживость.

Парижский народ действительно не поддался на обещания короля удалить войска. Он ему не поверил. Он предпочел организовать революционную Коммуну, и эта Коммуна, наподобие средневековых коммун, приняла нужные меры для защиты города от короля. Улицы Парижа были перерезаны траншеями или перегорожены баррикадами; народные патрули стали ходить по городу, готовые при малейшей тревоге забить в набат. Даже посещение Парижа королем не успокоило народа.

17 июля, видя себя побежденным и поки-

нутым всеми, Людовик XVI решился поехать в Париж, в городскую ратушу, чтобы помириться там со своей столицей. Буржуазия постаралась сделать из этого посещения торжественный акт примирения между ней и королем. Буржуазные революционеры, из которых весьма многие были франкмасонами, оказали королю великую почесть, составивши из своих скрещенных над его головой шпаг так называемый стальной свод, когда он поднимался в ратушу; а Байи, назначенный мэром Парижа, приколот к его шляпе трехцветную кокарду. В буржуазии стали даже поговаривать о том, чтобы поставить Людовику XVI статую на месте разрушенной Бастилии. Но народ отнесся ко всему этому весьма сдержанно и недоверчиво, и такое отношение не исчезло после посещения королем ратуши. Король буржуазии — сколько угодно, но не король народа!

С своей стороны двор отлично понял, что после восстания 14 июля между королевской властью и народом примирения быть не может. Герцогиню Полиньяк спровадили в Швейцарию, несмотря на слезы Марии-Анту-

анетты, и на другой же день начали выезжать за границу принцы. Те, кто был душой неудавшегося заговора — принцы и министры, спешили покинуть Францию. Герцог д'Артуа скрылся ночью и так боялся за свою жизнь, что тайно проехал через город, а в пути его сопровождал целый полк с двумя пушками. Король обещал при первой возможности отправиться вслед за милыми его сердцу эмигрантами; и с тех пор уже создан план бегства короля за границу, с тем чтобы вернуться во Францию во главе немецких войск.

В сущности, 16 июля все уже было готово к отъезду короля. Людовик XVI должен был доехать до Меца, стать там во главе войска и идти войной на Париж. Экипажи уже были запряжены, и их готовы были подать, чтобы увезти короля и королеву под прикрытием войск, расположенных между Версалем и немецкой границей. Но герцог Брольи отказался везти короля в Мец, а принцы слишком торопились убежать сами по себе. Тогда Людовик XVI, он сам рассказывал об этом впоследствии, видя себя покинутым принцами и дворянством, отказался от плана вооружен-

ного сопротивления, внушенного ему историей английского короля Карла I, и решил съездить в Париж, выразить свое подчинение воле народа.

Мария-Антуанетта

Некоторые историки-роялисты стараются набросить сомнение на самое существование при дворе заговора против Национального собрания и города Парижа. Но заговор доказан множеством документов. Минье — историк,

как известно, весьма умеренный и притом писавший вскоре после самих событий — не выражает на этот счет ни малейшего сомнения, и все позднейшие исследования подтвердили его взгляд. 13 июля король должен был повторить заявление, сделанное им 23 июня, после чего Собрание должно было быть распущено. Заявление короля уже было отпечатано в 40 тыс. экземпляров для рассылки по всей Франции. Командующий войсками, стянутыми на пространстве между Версалем и Парижем, получил неограниченные полномочия, чтобы устроить избиение парижского народа и принять строгие меры против Собрания, в случае если бы оно стало сопротивляться.

Сто миллионов кредитных билетов уже было отпечатано без разрешения Собрания для покрытия издержек двора. Все было готово; и когда 12-го пришло известие, что Париж восстал, на это восстание сперва взглянули при дворе как на бунт, способствующий замыслам придворных. Потом, немного позже, когда узнали, что движение растет, король собрался уезжать, предоставляя министрам

разогнать Собрание при помощи наемных иностранных войск — немецких полков и швейцарцев. Но министры этому воспротивились, так как видели, что волна движения все растет и растет. Вот почему после 14 июля при получении известия о взятии Бастилии и убийстве де Лонэ двором овладела такая паника и почему полиньяки, принцы и многие другие аристократы, бывшие душой заговора и боясь доносов, поспешили бежать за границу.

Но народ не дремал. Он смутно понимал, чего ищут эти беглецы по ту сторону границы, и крестьяне начали задерживать их. В числе их были задержаны Фуллон и Бертье.

Мы уже говорили о нищете, свирепствовавшей в Париже и его окрестностях, и о спекуляторах хлебом, преступления которых Собрание не решалось расследовать. Среди этих спекуляторов, обогащавшихся народной нищетой, особенно указывали на Фуллона, нажившего себе громадное состояние как финансовыми операциями, так и в своей должности интенданта армии и флота. Вместе с тем известна была его ненависть к народу и

революции. Брольи, когда подготовлялся переворот на 16 июля, приглашал Фуллона в министры. Хитрый финансист, правда, отказался от этого опасного поста, но на советы он не скупился: по его мнению, следовало разом избавиться от всех тех, кто приобрел влияние в революционном лагере.

После взятия Бастилии, когда он узнал, как по улицам носили голову де Лонэ, Фуллон понял, что ему не остается ничего другого, как последовать примеру принцев и бежать; но так как сделать это было уже трудно вследствие бдительного надзора парижских «округов», то он воспользовался смертью одного из своих лакеев, чтобы распуścić слух, что Фуллон умер и похоронен, а сам тем временем выехал из Парижа и скрылся у одного из своих приятелей в окрестностях Фонтенбло.

Там Фуллона открыли и задержали крестьяне, и тогда они отомстили ему за все свои долгие страдания, за всю свою нужду. Взяв ему на плечи охапку сена — намек на его похвальбу, что он заставит парижан есть сено, озлобленная толпа потащила спекулятора в Париж. Там, в ратуше, Лафайет попытался

спасти его. Но разъяренный народ не послушал революционного генерала и повесил Фуллона на фонаре.

Его зять Бертье — тоже участник в королевском заговоре и к тому же интендант войска Брольи — был задержан в Компьене и тоже приведен толпой в Париж, где его тоже собирались повесить на фонаре; но он стал сопротивляться в надежде спастись и был убит.

Несколько других заговорщиков, направившихся за границу, было задержано на севере и на северо-востоке Франции, и они возвращены были в столицу.

Легко себе представить, какой ужас охватил придворных при известии об этих актах народной расправы и неусыпной бдительности крестьян. Все высокомерие придворной партии, вся их решимость бороться против революции исчезли. Теперь они желали одного: чтобы их забыли. Реакционная партия поняла, что ее дела обстоят очень плохо.

Народные восстания

Расстроивши все планы двора, Париж нанес королевской власти смертельный удар. Вместе с тем появление на улицах самых бедных слоев народа в качестве деятельной силы революции придавало всему движению новый характер: оно вносило в него новые требования — требования равенства. Богатые и властные сразу поняли смысл того, что произошло за эти дни в Париже, а бегство за границу сначала принцев, а потом и придворных фаворитов и спекуляторов только подчеркнуло смысл народной победы. Двор стал искать за границей поддержки против революционной Франции.

Тем не менее если бы движение ограничилось одной столицей, то революция никогда не выросла бы до того, чем она стала впоследствии, т. е. до разрушения всего старого строя. Восстание в центре было, само собой, необходимо для того, чтобы нанести удар центральному правительству, чтобы поколебать его, чтобы обескуражить его защитников. Но для того, чтобы сломить силу правительства в

провинции, на местах, чтобы уничтожить старый порядок в его правительственных отправлениях и в его экономических привилегиях, необходимо было широкое народное восстание в городах, местечках и деревнях. Такое восстание и произошло в июле в значительной части Франции.

Историки, которые все сознательно или бессознательно руководствуются первой историей революции, написанной «Двумя друзьями свободы», обыкновенно изображают это движение в городах и деревнях как последствие взятия Бастилии. Известие об успехе народа в Париже подняло, говорят они, движение в деревнях; крестьяне начали жечь замки, и это крестьянское восстание навело такой ужас, что 4 августа дворянство и духовенство отказались от всех своих феодальных прав.

Но такое толкование верно только отчасти. В городах, действительно, многие восстания произошли под влиянием взятия Бастилии. Один из них, например в Труа — 18 июля, в Страсбурге — 19-го, в Шербурге — 21-го, в Руане — 24-го, в Мобеже — 27-го, последо-

вали вскоре за парижским движением. Другие — совершились в течение следующих трех или четырех месяцев, пока Национальное собрание не провело муниципального закона 14 декабря 1789 г., установившего правление буржуазии в городах при очень значительной независимости от центрального правительства.

Но что касается крестьян, то — при медленности сообщения в те времена — трех недель, протекших между 14 июля и 4 августа, было совершенно недостаточно для того, чтобы взятие Бастилии могло вызвать движение в деревнях, а крестьянское восстание в свою очередь могло повлиять на решения Национального собрания. Представлять себе события в таком виде — значит, в сущности, умалять глубокое значение движения, происходившего в деревнях.

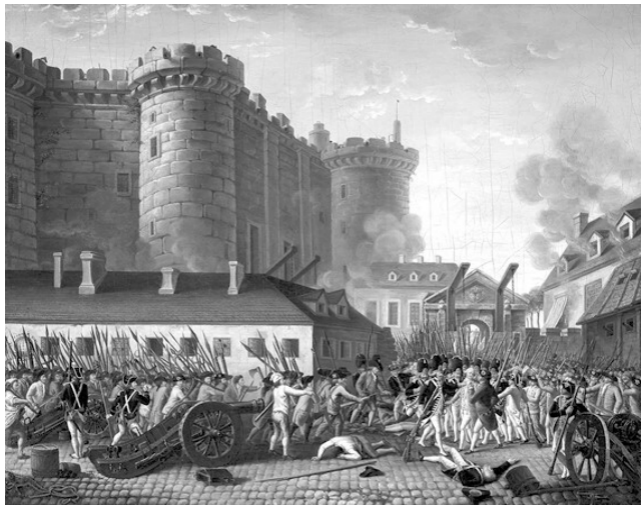
Восстание крестьян с целью уничтожения феодальных прав и возврата общинных земель, отнимавшихся у деревенских общин еще с XVII в. светскими и духовными помещиками, — это самая сущность, истинная основа Великой революции. На этой основе кре-

стьянского и городского восстания разыгралась вся борьба буржуазии из-за политических прав. Без крестьянского движения никогда революция не получила бы того глубокого значения, какое она имела в Европе. Именно это широкое крестьянское восстание, начавшееся с января 1789 г., даже с 1788 г., и продолжавшееся с переменной силой целых пять лет, дало революции возможность выполнить ту громадную разрушительную работу, которой мы ей обязаны. Оно дало ей возможность заложить первые основы политической жизни, построенной на идее равенства: оно развило во Франции республиканский дух, которого ничто впоследствии не могло убить, и оно дало возможность приступить в 1793 г. к выработке принципов земледельческого коммунизма. Это восстание составляет, наконец, характерную черту Французской революции в отличие от Английской революции 1648–1657 гг.

В Англии буржуазия после борьбы, продолжавшейся девять лет, также низвергла неограниченную власть короля и разрушила политические привилегии придворных при-

служников. Но рядом с этим отличительную черту Английской революции составляет борьба за право каждого человека исповедовать избранную им веру, толковать Библию, как он сам ее понимает, и избирать самому своих пастырей; словом, право личности идти по тому пути умственного и религиозного развития, который она сама выберет. Другую отличительную черту Английской революции составляет борьба за местную независимость приходов, а следовательно и городов. Но на такое восстание, какое было во Франции, чтобы уничтожить феодальные повинности и вернуть отобранные у сельских общин земли, английские крестьяне не поднялись. Если крестьяне и банды Кромвеля разрушили немало замков, представлявших настоящие крепости феодализма, то они не объявили войны ни феодальным притязаниям помещиков на землю, ни даже их праву суда над своими вассалами. Вот почему Английская революция хотя и завоевала драгоценные для личности права, но не уничтожила феодальную власть помещика; она только слегка изменила ее, сохраняя, однако, за по-

мещиками захваченные ими права на землю — права, уцелевшие и до наших дней.

Революционный Париж

Английская революция упрочила, конечно, политическую власть за буржуазией; но, чтобы добиться этой власти, буржуазии пришлось разделить ее с землевладельческой аристократией. И если революция дала ан-

глийской буржуазии процветание торговли и промышленности, то только под условием, что буржуазия, которая воспользуется этим процветанием, не тронет землевладельческих привилегий дворянства. Мало того, Английская революция даже содействовала развитию этих привилегий, по крайней мере в смысле увеличения их ценности. Она помогла помещикам овладеть общинными землями путем законодательства в парламенте, посредством закона об огораживании этих земель (Enclosure Acts); вследствие чего деревенское население, доведенное до нищеты, было отдано на произвол помещиков и вынуждено было выселяться в города, где обезземеленные крестьяне подпадали под ничем не ограниченную эксплуатацию промышленной буржуазии. При этом английская буржуазия помогла дворянству сделать из своих громадных имений не только источник доходов, иногда баснословных, но и источник местной политической и судебной власти благодаря восстановлению в вопросах о продаже земли монополии землевладения, тогда как потребность в земле чувствовалась все сильнее в

стране, где непрерывно развивались промышленность и торговля.

Мы знаем теперь, что французская буржуазия, особенно высшая промышленная и торговая буржуазия, хотела последовать примеру английской. «Конституция на английский лад» была ее идеалом. Она охотно вошла бы в соглашение с королем и дворянством, чтобы получить власть. Но это ей не удалось, потому что во Франции основа революции оказалась шире, чем она была в Англии. Во Франции движение не было только восстанием для завоевания религиозной свободы, или личной политической свободы, или свободы торговли и промышленности, или же борьбой за установление городского самоуправления в руках небольшой кучки местных буржуа. Это было главным образом крестьянское восстание, т. е. народное движение с целью овладеть землей и освободить ее от тяготевших над ней феодальных поборов. И хотя мы находим в нем сильный индивидуалистический элемент, т. е. стремление овладеть землей в личную собственность, но был в нем и элемент коммунистический, общинный,

утверждавший право на землю всего народа — право, которое, как мы увидим ниже, громко провозглашалось бедными в 1793 г.

Вот почему изображать крестьянские восстания, происходившие летом 1789 г., как кратковременную вспышку, вызванную подъемом духа после взятия Бастилии, значило бы суживать значение движения, имевшего глубокие корни в самой жизни значительной доли французских крестьян...

Крестьянское восстание

Мы видели, что уже начиная с зимы 1788 г. и особенно с марта 1789 народ переставал платить повинности помещикам. Что в этом его поощряли буржуазные революционеры, в этом нет сомнения: среди буржуазии 1789 г. было немало людей, понимавших, что без народного восстания им никогда не одолеть королевской неограниченной власти. Что прения в собрании нотаблей, во время которых говорилось об отмене феодальных прав, способствовали волнениям и что составление приходских наказов, которыми должны были руководствоваться выборщики при первых выборах, влияло в том же направлении, все это вполне понятно. Революции никогда не бывают результатом отчаяния, как это часто думают молодые революционеры, предполагающие, что от избытка зла может произойти добро. Напротив того, в 1789 г. народ увидел проблески близкого освобождения и тем охотнее стал восставать. Но одной надежды еще мало: нужно действовать, нужно платить жизнью за первые бунты, подготавли-

ющие революцию, и народ так и делал.

Даже в те времена, когда бунт карался еще железным ошейником, пытками и виселицей, крестьяне все-таки восставали. Уже в ноябре 1788 г. интенданты доносили министру, что подавить все бунты нет возможности. В отдельности каждый из них не имел большого значения, но, вместе взятые, они подрывали самые основы государства.

В январе 1789 г. началось составление наказов, а затем приступили к выборам. И тогда уже крестьяне стали отказываться во многих местах от барщины помещику и от натуральных повинностей государству. Среди них стали возникать тайные общества и от времени до времени тот или другой помещик оказывался казненным жаками. В одном месте сборщика податей встречали дубинами; в другом — захватывали и пахали помещичьи земли.

С каждым месяцем эти волнения становились все многочисленнее. В марте восстание охватило всю восточную часть Франции. Движение, конечно, не было ни непрерывным, ни повсеместным; крестьянские восстания

никогда такими не бывают. Очень вероятно даже, что, как это всегда случается с крестьянскими восстаниями, они утихали во время полевых работ, в апреле и летом, при начале уборки хлеба. Но после уборки, во второй половине июля и в августе 1789 г., волнения возобновились с новой силой, особенно на востоке, северо-востоке и юго-востоке Франции.

Точных данных относительно этих восстаний очень мало. То, что было напечатано о них, очень неполно и, кроме того, носит на себе следы партийных взглядов. Если, например, обратиться к «Moniteur'у», начавшему выходить, как известно, только 24 ноября 1789 г., так что его первые 93 номера были составлены лишь впоследствии, в IV году, то в нем видна склонность приписывать все крестьянское движение врагам революции — бессовестным людям, пользовавшимся невежеством крестьян. Другие писатели доходят до того, что говорят, что крестьян подняли дворяне, помещики или англичане. Что же касается до материалов, изданных Комитетом изысканий (Comitedesrecherches) в январе 1790 г., то в них все дело изображается скорее

как продукт недоразумения: какие-то разбойники опустошали страну, буржуазия вооружилась и истребила их. Вот и все.

Теперь уже ясно, как неправильно подобное толкование событий, и если бы кто-нибудь взял на себя труд разобрать архивы и основательно изучить находящиеся там документы, это была бы, несомненно, в высшей степени ценная работа, тем более необходимая, что крестьянские восстания продолжались вплоть до августа 1793 г., т. е. до того времени, когда Конвент отменил, наконец, феодальные права без выкупа и деревенские общины получили право вернуть себе земли, отнятые у них в продолжение двух предыдущих веков. В настоящее же время, пока архивы не разработаны, нам приходится ограничиваться тем, что дают нам некоторые истории отдельных провинций, кое-какие мемуары и указания отдельных авторов; причем лучше известные нам движения последующих годов проливают некоторый свет на первые восстания 1789 г.

Голод, несомненно, играл в крестьянских бунтах важную роль. Но главными двигателя-

ми их были стремление к уничтожению занесенных в земельные описи феодальных повинностей, платившихся помещикам, и «десятины», платившейся духовенству, а также желание захватить землю, когда-то принадлежавшую крестьянским общинам, но понемногу отнятую у них помещиками.

В этих восстаниях есть, кроме того, одна любопытная черта. В центре Франции, на юге и на западе за исключением Бретани они остаются единичными фактами; но на востоке, северо- и юго-востоке они разливаются широкой волной. Ими охвачены в особенности Дофине, Франш-Конте и Маконне. Во Франш-Конте, говорит Дониоль, почти все замки были сожжены; в Дофине из каждых пяти замков было разрушено три. Затем следуют Эльзас, Ниверне, Божоле, Бургундия, Овернь. Вообще, как я уже имел случай заметить в другом месте, если составить карту местностей, где происходили восстания, эта карта будет поразительно похожа на карту «трехсот шестидесяти трех», изданную в 1877 г., т. е. карту округов, в которых были выбраны радикальные депутаты во время выбо-

ров, упрочивших существование теперешней республики. Дело революции защищала в особенности восточная часть Франции, и эта же часть осталась политически наиболее передовой до наших дней.

Дониоль очень верно заметил, что источник этих восстаний лежал еще в наказах, составленных перед выборами 1789 г. Раз крестьяне были призваны высказать свои жалобы, они были уверены, что для них что-нибудь будет сделано. Вера в то, что или король, к которому они обращались с этими жалобами, или Собрание, или какая-нибудь другая сила придет им на помощь и уничтожит несправедливость или по крайней мере развяжет им руки, если они захотят взяться за дело сами, — вот что толкнуло их к бунтам тотчас же после выборов, даже раньше, чем открылось Собрание.

Когда же начались заседания Генеральных штатов, то слухи, доходившие до крестьян из Парижа, как они ни были неопределенны, все-таки наводили на мысль, что пришло время требовать отмены феодальных прав и захватывать земли.

Малейшей поддержки со стороны революционеров, или даже со стороны партии герцога Орлеанского, или каких бы то ни было агитаторов было достаточно при тревожных известиях из Парижа и из других восставших городов, чтобы поднять деревни.

Что для агитации в деревнях пользовались именем короля и Национального собрания, в этом также нет теперь никакого сомнения: о подложных указах (декретах) от имени короля и Национального собрания, распространявшихся среди деревенского населения, упоминается во многих документах. Во всех крестьянских восстаниях во Франции, в России, в Германии более решительные крестьяне всегда старались подействовать таким путем на менее решительных; скажу даже больше: они старались убедить и самих себя в том, что есть какая-то сила, готовая их поддержать. Это придавало действиям крестьян большую согласованность, а кроме того, в случае неудачи и преследований могло послужить некоторым извинением: крестьяне всегда могли сказать, что они думали — и в большинстве они действительно думали, — что повинуются ес-

ли не прямым распоряжением, то желанием короля или Собрания.

И вот как только летом 1789 г. был убран первый хлеб и деревенское население несколько утолило голод, а вести из Версаля и из Парижа пробудили некоторую надежду, крестьяне начали восставать. Они пошли войной на помещичьи замки и усадьбы, чтобы уничтожать всякие хартии, росписи и уставные грамоты, где записаны были их повинности; и там, где помещики не соглашались добровольно отказаться от феодальных прав, занесенных во все эти хартии и росписи во время личного освобождения крестьян, замки помещиков и их усадьбы были сожжены.

В окрестностях Везуля и Бельфора крестьянское восстание началось 16 июля; в этот день крестьяне разгромили замок Санси, а затем — замки Люр, Битэн и Моланс. Восстание скоро охватило всю Лотарингию. «Уверенные в том, что революция водворит равенство состояний и положений, крестьяне повсюду поднялись против помещиков». В Саарлуи, в Форбах, в Саргемине, в Фальсбурге, в Тионви-

ле сборщики податей были изгнаны, а их конторы разграблены и сожжены. Соль продавалась беспошлинно по три су за фунт. Окрестные деревни последовали примеру городов.

В Эльзасе крестьянское восстание разлилось почти повсеместно. В течение восьми дней в конце июля было разрушено три аббатства, окончательно разгромлены одиннадцать замков и усадеб и многие другие ограблены. Крестьяне захватили и уничтожили все поземельные росписи, а также все реестры (уставные грамоты) феодальных налогов, барщинных и всяких других повинностей. В некоторых местах образовались целые подвижные отряды из нескольких сот, а иногда и из нескольких тысяч крестьян, собиравшихся из соседних деревень; эти отряды двигались к наиболее укрепленным замкам, осаждали их, захватывали все бумаги и торжественно сжигали их. Аббатства были разгромлены и ограблены наравне с домами богатых торговцев в городах. В Мюрбахском аббатстве, вероятно оказавшем сопротивление, все было разрушено. /.../

В Оверни крестьяне очень старались пока-

зять, что законное право на их стороне: когда они являлись в какой-нибудь замок, чтобы жечь хартии и уставные грамоты, они всегда заявляли помещику, что действуют по приказу короля. Но и в восточных провинциях прямо говорилось, что третье сословие не позволяет больше дворянству и монахам господствовать над собой. И без того слишком долго держали они власть в своих руках; теперь же им пришло время отказаться от нее. Ко многим обедневшим помещикам, жившим по деревням, и к тем, которые пользовались любовью окрестного населения, восставшие крестьяне относились очень мягко. Они не делали им никакого зла, не трогали их личной собственности, но к земельным записям и к документам, устанавливавшим феодальные права, они были неумолимы. Их они сжигали, заставив предварительно помещика клятвенно заявить, что он отказывается от своих прав.

Подобно городской буржуазии, отлично знавшей, чего она хочет и чего ждет от революции, крестьяне тоже отлично понимали свою цель: вернуть себе отнятые у общин

земли и отменить все повинности, возникшие на почве крепостного строя. Мысль о том, что вообще богатые должны исчезнуть, может быть, проглядывала кое-где; но в общем крестьяне уничтожали только вещи, людей же не трогали. Если и встречались нападения на самих помещиков, то это были единичные случаи, обыкновенно объяснявшиеся тем, что крестьяне считали того или другого помещика скупщиком, спекулирующим на голоде. Если помещик выдавал крестьянам земельные росписи и заявлял о своем добровольном отказе от феодальных прав, все обходилось мирно; росписи сжигали, в деревне сажали «майское дерево», к ветвям которого привешивали разные эмблемы феодализма, и народ танцевал вокруг дерева. В противном же случае, если крестьяне встречали сопротивление или если помещик или его управляющий обращались к властям, дело кончалось вооруженным нападением; тогда в замке все бывало разгромлено, и сам замок часто поджигали. В Дофине было таким образом разграблено и сожжено 30 замков; во Франш-Конте — около 40; в Маконне и Божоле — 72; в

Оверни — всего 9; в Виеннуа — 12 монастырей и 5 замков. Заметим мимоходом, что в отношении политических убеждений крестьяне, по-видимому, различия не делали и нападали на замки «патриотов» наравне с замками «аристократов».

Как же отнеслась к этим бунтам буржуазия?

Если в Национальном собрании и были люди, понимавшие, что крестьянское восстание представляло в то время революционную силу, то вся масса провинциальной буржуазии видела в нем прежде всего опасность, с которой нужно бороться. В местностях, где происходили движения, многие города были охвачены, как тогда говорили, «великим страхом». В Труа, например, крестьяне, вооруженные косами и цепями, вошли в город и, вероятно, разгромили бы дома спекуляторов, если бы «все, что есть честного в буржуазии», не вооружилось против «разбойников» и не разогнало их. То же произошло и во многих других городах. Паника овладевала буржуазией. «Разбойников» ждали постоянно. Люди рассказывали, что видели, как «шесть тысяч»

их двигалось на город, чтобы все разнести. И вот из опасения, чтобы городская беднота, присоединившись к «разбойникам», не напала на богатых, буржуазия брала оружие в ратуше или у оружейников и организовывала свою национальную милицию.

В Перонне, столице Пикардии, население взбунтовалось во второй половине июля. Оно сожгло городские заставы, бросило в воду таможенных чиновников, захватило денежные суммы из государственных учреждений и освободило всех заключенных. Все это произошло до 28 июля. В ночь на 28-е, писал мэр города, когда получились известия из Парижа, провинции Гэно, Фландрия и вся Пикардия взялись за оружие; повсюду, в городах и в деревнях, зазвонили в набат. Патрули буржуазии, всего до 300 человек, стояли наготове; и все это было направлено против 2 тыс. «разбойников», которые, по слухам, ходили по деревням и жгли хлеб. В действительности же, как кто-то совершенно справедливо разъяснил Артуру Юнгу, все эти «разбойники» были не грабители, а вполне честные крестьяне, которые действительно восставали, вооружа-

лись вилами, дубинами и серпами и принуждали помещиков отказываться от феодальных прав. Эти крестьяне останавливали также по дорогам прохожих и спрашивали их, стоят ли они «за нацию» или против нее. Мэр города Перонна тоже очень верно заметил: «Мы сами хотим быть в страхе. Благодаря ему мы могли поднять на ноги во всей Франции трехмиллионную армию из буржуазии и крестьян».

Очевидно, что часть французской буржуазии прекрасно поняла в эти дни, что одной ей в Париже не справиться с самодержавной королевской властью. И смелые люди из городской буржуазии не задумались поднять крестьян во имя уничтожения феодальных прав и [ради] крестьянских прав на землю, чтобы дать революции силу, которую король уже не мог сокрушить.

Адриан Дюпор, один из очень известных членов Национального собрания и Бретонского клуба, даже гордился тем, что ему удалось вооружить таким образом буржуазию во многих городах. У него было два или три агента — «люди решительные, но неизвестные»,

писал он. Городов они избегали, но когда приезжали в какую-нибудь деревню, то возвещали, что «разбойники идут», что их — 500, 1 тыс., 3 тыс.; что они жгут повсюду хлеб, чтобы морить народ голодом. Тогда крестьяне ударяли в набат и вооружались чем попало. По мере того как звон набата разносился все дальше по деревням, слухи росли и становились все тревожнее; а когда они доходили до ближайшего большого города, то «разбойников» оказывалось уже 6 тыс. Их даже «видели» в двух-трех верстах от города в таком-то лесу; и вот народ, а особенно буржуазия, вооружались и посылали патрули в лес, где, конечно, никого не находили. Но оружие было уже в их руках, и тогда худо будет королю! Когда в 1791 г. он вздумает бежать за границу, крестьянские войска преградят ему дорогу и вернут его в Париж.

Легко себе представить, какой ужас навели на всю страну эти восстания и какое впечатление производили они в Версале. Под влиянием этого ужаса Национальное собрание и собралось вечером 4 августа с намерением обсудить меры для подавления бунтов,

а кончило тем, что провозгласило в принципе уничтожение феодальных прав.

4 августа и его последствия

Ночь 4 августа — одно из великих событий Революции. Подобно 14 июля и 5 октября 1789 г., подобно 21 июня 1791 г., 10 августа 1792 и 31 мая 1793 она отмечает собой один из главных шагов в развитии революционного движения и определяет характер всего последующего периода.

Историческая легенда с любовью останавливается на этой ночи и разукрашивает ее, и большинство историков, следуя рассказу нескольких современников, описывают ее, как минуту святого вдохновения и чистого самопожертвования.

«Со взятием Бастилии, — говорят нам историки, — революция одерживает первую свою победу. Весть о ней распространяется в провинции и вызывает повсюду подобные же восстания. Она доходит и до деревень, и там по наущению всяких бесшабашных людей крестьяне начинают нападать на своих помещиков и жгут их замки. Тогда духовенство и дворянство в порыве патриотического чувства, видя, что они еще ничего не сделали для

крестьян, отказываются в эту памятную ночь от своих феодальных прав. Дворяне, духовные, самые бедные священники и самые богатые феодалы, города, провинции — все приносят на алтарь отечества отказ от своих вековых привилегий. Собрание охвачено энтузиазмом; все стремятся принести что-нибудь в жертву...» «Это заседание было священным празднеством, трибуна стала алтарем, зала — храмом», — говорит один историк, обыкновенно довольно спокойный. «Это была Варфоломеевская ночь собственности», — говорят другие. «И когда на другой день первые проблески зари осветили Францию, старого, феодального строя уже не существовало. Франция возродилась, сжегши в одном аутодафе все злоупотребления привилегированных классов».

Такова легенда. Правда, что, когда два аристократа — виконт де Ноай и герцог д'Эгийон предложили уничтожение феодальных прав и различных дворянских привилегий, а два епископа (городов Нанси и Шартра) стали говорить в пользу отмены десятины, — Собранием овладел глубокий восторг. Правда и то,

что этот восторг все возрастал и что дворяне и духовные в течение этого ночного заседания один за другим всходили на трибуну и наперерыв отказывались от права помещичьего суда, требуя свободного, дарового и равного правосудия для всех; правда и то, что светские и духовные помещики отказались также от права охоты. Собрание действительно было охвачено энтузиазмом. И посреди этого энтузиазма даже не заметили, что оба аристократа и оба епископа ввели в свои речи условие выкупа феодальных прав и десятины — условие, ужасное вследствие своей неясности, так как оно могло означать или все, или ничего. Благодаря ему действительная отмена феодальных прав, как мы увидим дальше, была отложена на четыре года, вплоть до 1793 г. Но кто из нас, читая прекрасные рассказы современников об этой ночи, не поддавался сам тому же энтузиазму? И кто не пропустил без внимания коварных слов «выкуп по 30-летней сложности»? Кто понял их значение? Так случилось и во Франции в 1789 г.

Прежде всего вечернее заседание 4 августа

началось вовсе не с энтузиазма, а со страха, с паники. Как мы видели, в течение предыдущих двух недель было сожжено или разграблено много замков. Начавшись на востоке, крестьянское восстание распространилось затем к югу, к северу и к центру Франции; оно грозило сделаться повсеместным. В некоторых местах крестьяне обошлись со своими господами жестоко, а в известиях из провинции события рассказывались, кроме того, в преувеличенном виде. Дворяне с ужасом видели, что на местах нет силы, способной остановить движение.

Заседание открылось поэтому чтением проекта заявления, протестующего против крестьянских бунтов. Собранию предлагалось выразить бунтовщикам сильное и строгое порицание и громко призвать их к уважению собственности, феодальной или иной, каково бы ни было ее происхождение, до тех пор, пока Собрание не разрешит вопроса о феодальных правах законодательным порядком.

«Собственность всякого рода подвергается, по-видимому, самому преступному разбою», — говорил комитет докладов. «Повсюду

поджигают замки, разрушают монастыри, грабят фермы. Налоги, повинности, платимые помещикам, — все уничтожено. Законы бессильны, власть судей не существует...» Затем в докладе предлагалось Собранию ясно высказать свое порицание этим беспорядкам и заявить, что «старые (феодальные) законы остаются в силе до тех пор, пока власть нации не отменит или не изменит их; что все повинности и накопившиеся недоимки должны быть платимы сполна по-прежнему, до тех пор пока Собрание не решит иначе».

«Это делают вовсе не разбойники! — воскликнул тогда герцог д'Эгийон. — Во многих провинциях весь народ составляет одну лигу с целью уничтожения замков и опустошения земель и особенно с целью захватить уставные грамоты, в которые занесены права феодальной собственности». Как видно, здесь говорил вовсе не энтузиазм, а скорее страх.

Собрание намеревалось ввиду этого просить короля, чтобы он принял против бунтовщиков суровые меры. Об этом уже поднимался вопрос накануне, 3 августа. Но за несколько дней до того небольшая группа дворян из

наиболее передовых и дальновидных — виконт де Ноай, герцог д'Эгийон, герцог Ларошфуко, Александр Ламет и еще некоторые другие начали втайне сговариваться между собой о том, какое положение занять по отношению к крестьянскому восстанию. Они поняли, что единственное средство спасти феодальные права — это пожертвовать некоторыми «почетными», но малоценными правами и предложить крестьянам выкуп тех феодальных повинностей, которые были связаны с землей и имели действительную ценность. Герцогу д'Эгийону было поручено развить эту мысль, что и было исполнено им и виконтом де Ноаем.

Сельское население требовало отмены феодальных прав с самого начала революции. Теперь же, говорили эти два уполномоченных либерального дворянства, крестьянство, недовольное тем, что в течение трех месяцев для него еще ничего не сделано, начало восставать, и теперь оно уже не знает удержа; так что в настоящее время приходится выбирать «между разрушением общества и некоторыми уступками». Уступки эти виконт де

Ноай формулировал так: равенство всех по отношению к налогам, которые должны быть распределяемы пропорционально доходу каждого; все обязаны нести общественные тягости; затем «выкуп всех феодальных прав общинами» на основании среднего годового дохода и, наконец, «отмена без выкупа барщины, права мертвой руки и других форм личной (крепостной) зависимости».

Нужно, впрочем, сказать, что все повинности последнего рода крестьяне уже за некоторое время до того перестали платить; об этом ясно свидетельствуют доклады интендантов (губернаторов). После же июльского восстания стало ясно, что их вовсе платить не будут и впредь, откажутся ли от них помещики или нет.

Но и эти уступки, предложенные виконтом де Ноайем, подверглись урезанию как со стороны дворян, так и со стороны буржуа, из которых многие владели землями и феодальными правами, связанными с землевладением. Выступивший после Ноая герцог д'Эгийон, уполномоченный от тех либеральных дворян, о которых сказано выше, выразил в сво-

ей речи некоторую симпатию к крестьянам. Он даже извинял их бунты, но прибавил: «Варварские остатки феодальных законов, существующие еще во Франции, представляют собой, нужно в этом сознаться, известную собственность, а всякая собственность священна. Справедливость запрещает требовать от собственника отказа от своей собственности без соответственного вознаграждения». Вот почему герцог д'Эгийон смягчил фразу Ноайя относительно налогов, сказав, что все граждане должны нести их «пропорционально тому, что они могут платить». Что же касается феодальных прав, то он требовал, чтобы все они, личные и неличные, были выкуплены вассалами, «если они этого пожелают»; причем уплата должна производиться «audenier 30», т. е. уплачиваемая сумма должна быть равна годовому платежу, увеличенному в 30 раз. Выкуп делался, таким образом, на деле невозможным, так как выкуп земельной ренты считается тяжелым даже при условии платежа «audenier 25»; обыкновенно же при продаже земель берут 20 или даже только 17 раз годовую ренту.

Тем не менее эти речи Ноая и Эгийона вызвали восторг третьего сословия и перешли в историю как акты высокого самопожертвования со стороны дворянства, хотя в действительности Национальное собрание, приняв программу, предложенную герцогом д'Эгийоном, создало тем самым условия для страшной, кровавой борьбы последующих четырех лет. Те немногие крестьяне, которые заседали в Собрании, не сделали никаких возражений и не показали, как мало цены имел такой якобы «отказ» дворянства от своих прав. Большинство же депутатов третьего сословия, будучи горожанами, имели лишь самое смутное понятие как о феодальных правах, так и о размерах крестьянского восстания. Отказ от феодальных прав, даже при условии выкупа, казался им великой жертвой на алтарь революции.

Ле Ген дю Керангаль, бретонский депутат, «одетый по-крестьянски», произнес в свою очередь красивую и прочувствованную речь. Его слова, когда он говорил о «гнусных дворянских грамотах», в которых перечислены личные повинности — остатки крепостного

права, заставляли и до сих пор заставляют биться сердца. Но и он не возражал против выкупа всех феодальных прав, в том числе и «гнусных» повинностей, созданных «во времена невежества и мрака» и несправедливость которых он сам так красноречиво доказывал.

Впрочем, в эту ночь 4 августа, когда дворяне и духовные отказывались от привилегий, считавшихся неоспоримыми в течение веков, Собрание должно было действительно представлять красивое зрелище. С великолепными порывами, в прекрасных выражениях дворяне отказывались от налоговых изъятий, духовные — от десятины, самые бедные священники — от платы за требы, крупные помещики — от права помещичьего суда, и все единогласно требовали отмены права охоты, а также уничтожения помещичьих голубятен, на которые особенно жаловались крестьяне. Прекрасное зрелище представлял и отказ целых провинций от привилегий, создававших для них исключительное положение в государстве. /.../

Все свидетели этого памятного заседания

рассказывают о нем с восторгом. После того как дворянство приняло в принципе выкуп феодальных прав, наступает очередь духовенства. Оно также вполне соглашается на выкуп феодальных прав духовных владельцев с условием, что стоимость выкупа пойдет не на создание личных богатств духовных лиц, а на общественные нужды. Один епископ говорит о вреде, причиняемом крестьянским полям сворами помещичьих собак, и требует уничтожения права охоты; дворянство громкими и горячими криками заявляет о своем согласии. Энтузиазм доходит тогда до высшей точки, и, когда в два часа ночи Собрание расходится, все чувствуют, что ими заложен фундамент нового общества.

Не станем и мы умалять значение этой ночи. Для того чтобы двигать событиями, подобный энтузиазм необходим. Он будет необходим и для социальной революции. В революции вызвать энтузиазм, сказать такое слово, от которого забьются сердца, в высшей степени важно. Уже одно то, что в это ночное заседание дворянство, духовенство и всевозможные обладатели привилегий признали успе-

хи революции и ее права и решили подчиниться ей, вместо того чтобы бороться против нее, уже это одно было крупной победой человеческой правды. И эта победа была тем значительнее, что отказ произошел в порыве вдохновения, правда, при свете зарева пылавших замков; но сколько раз такое же зарево толкало привилегированные классы только на упорную борьбу и вызывало одни только взрывы ненависти и крики об истреблении бунтующих. В эту же ночь 4 августа далекое зарево пожаров вызвало иные слова — слова сочувствия к восставшим и иные поступки, шаги к примирению.

Дело в том, что начиная с 14 июля дух революции — результат брожения, происходившего во Франции, — царил надо всем, что жило и чувствовало; и этот дух, выражавший волю миллионов, создавал вдохновение, которого не существует в обыкновенное время.

Но, отметив прекрасные порывы, которые может вызвать только революция, историк должен также бросить на них спокойный взгляд и указать, докуда дошли порывы владеющих классов и чего они не посмели пере-

ступить, что они дали народу и что они отказались ему дать.

Границы эти ясно обозначены: Собрание подтвердило в принципе и обобщило то, что во многих местностях народ уже сам осуществлял. Дальше этого оно не пошло ни на деле, ни в теории.

Вспомним, что сделал народ в Страсбурге и во многих других городах. Он, как мы видели, подчинил всех граждан — дворян и буржуа — обязанности платить налоги и провозгласил подоходный налог, и Собрание также приняло подоходный налог в принципе. Народ уничтожил все почетные, покупные должности, и в ночь 4 августа дворяне отказались от них, признавая таким образом и утверждая революционный акт. Народ отменил помещичьи суды и сам назначил своих судей путем избрания, и Собрание приняло это. Наконец, народ уничтожил привилегии некоторых городов и границы между провинциями (это было сделано в восточной Франции), и Собрание распространило теперь на всю страну то, что было уже совершившимся фактом в одной части Франции.

В деревнях духовенство согласилось в принципе на выкуп десятины; но во многих местах народ и так уже не платил ее, не дожидаясь выкупа. И когда Собрание потребовало в 1790 г., чтобы десятину продолжали платить вплоть до 1791 г., то только угроза смертной казни могла заставить крестьян повиноваться. И то не всех. Можно, конечно, радоваться тому, что духовенство согласилось на уничтожение десятины, хотя бы и под условием выкупа; но надо заметить также, что оно поступило бы несравненно лучше, если бы не настаивало на выкупе. Какой борьбы, какого ожесточения, какого кровопролития избегла бы Франция, если бы в эту ночь 4 августа духовенство прямо отказалось от десятины и предоставило всей нации или — еще лучше — своим прихожанам позаботиться о доставлении средств существования избранному ими священнику.

Что касается до феодальных прав, то точно так же, какой ожесточенной борьбы можно было бы избежать, если бы Собрание тогда же, 4 августа 1789 г., вместо проекта герцога д'Эгийона приняло хотя бы очень скромное,

по существу, предложение Ноая: уничтожение всех личных повинностей без выкупа и выкуп одной только земельной ренты. Мы увидим в последующих главах, сколько крови было пролито впоследствии в продолжение трех лет, чтобы добиться, наконец, этой меры в 1792 г.! Я уже не говорю о той кровавой борьбе, которую пришлось вести для того, чтобы достигнуть в 1793 г. полной отмены всех феодальных прав без выкупа.

Но последуем пока примеру людей 1789 г. После заседания 4 августа все ликовало; все радовались «Варфоломеевской ночи», постигшей феодальные злоупотребления. И это показывает, до какой степени важно бывает в революционное время признать или по крайней мере провозгласить новый принцип. Гонцы из Парижа разнесли по всем углам Франции великую весть: «Все феодальные права уничтожены!» Не уничтожатся, а уже уничтожены. Народ понял решения Собрания именно так, и именно так был формулирован первый пункт постановления 5 августа. Все феодальные права уничтожены! Нет больше десятины! Нет чинша, нет платы при продажах

и наследовании крестьянской усадьбы; нет больше доли помещика и священника в жатве; нет барщины, нет подушных! Нет больше барского права охоты! Долой голубятни! Всякий может охотиться! Барские голуби не будут больше опустошать крестьянские поля! Наконец, нет больше ни дворян, ни привилегированных особ, ни крепостных: все равны перед избираемым всеми судьей!

Так по крайней мере была понята в провинции ночь 4 августа. Гораздо раньше, чем Собрание изложило в законной форме постановления, принятые им между 5 и 11 августа, в которых разграничивалось то, что подлежит еще выкупу, и то, что отменяется сейчас же, — гораздо раньше, чем все эти отказы от привилегий были облечены в форму статей закона, гонцы уже принесли крестьянину благую весть. И теперь, даже под угрозой расстрела, крестьянин уже ничего больше платить не будет!

После этого крестьянское восстание вспыхнуло с новой силой. Оно распространилось на такие области, в которых до того времени все было довольно спокойно, как, например, на

Бретань. И если помещики требовали уплаты каких бы то ни было повинностей, крестьяне захватывали замки и усадьбы и сжигали уставные грамоты и земельные росписи. «Они не хотят подчиняться августовским декретам и разбирать, какие права подлежат выкупу и какие не подлежат», — говорит Дю Шателье...

Феодальные права остаются

Когда Национальное собрание вновь собралось 5 августа и стало придавать форму законных постановлений происшедшему накануне отречению привилегированных сословий от своих прав, в нем сразу сказался его «собственнический» дух. Оно стало отстаивать все денежные права, связанные с теми самыми феодальными правами, от которых оно отказалось за несколько часов перед тем.

Во Франции еще существовали тогда под названием права мертвой руки, баналитетов и т. д. различные остатки прежнего крепостного права. Во Франш-Конте, в Ниверне, в Бургундии были еще крестьяне, подчиненные так называемому «праву мертвой руки». Они были крепостными в полном смысле слова, т. е. не могли продавать своей земли или передавать ее по наследству иначе как детям, живущим с ними; они оставались, таким образом, сами и их потомки прикрепленными к земле. Сколько их было — в точности неизвестно, но предполагают, что цифра в 300 тыс., которую приводит Бонсерф, наиболее

лее вероятно.

Привилегированным сословиям — дворянам и духовенству принадлежало тогда, вообще говоря, около половины всех земель в каждой деревне; кроме того, они взимали разные феодальные платежи с земель, принадлежавших крестьянам. Исследователи, занимавшиеся этим вопросом, говорят, что уже в то время мелкие собственники были во Франции очень многочисленны; но, прибавляет Саньяк, лишь немногие «владели землей в полную собственность и не обязаны были платить хотя бы чинша или какой-нибудь другой подати в качестве признания помещичьего права владения». Почти со всех земель платилось что-нибудь деньгами или частью урожая какому-нибудь владельцу. /.../

И вот теперь Собрание, провозгласив отмену всех пережитков феодального строя, когда ему пришлось выразить все эти отказы от привилегий в форме определенных законов, отступило и стало на сторону владельцев.

Казалось бы, например, что раз помещики сами отказались от «права мертвой руки», то о нем больше не может быть и речи и остается

ся только придать этому отказу форму закона. Но даже и по этому вопросу начались прения. Пытались установить различие между личной зависимостью, которая должна быть уничтожена без вознаграждения, и зависимостью, которая связана с землей и передается от одного владельца другому при аренде или покупке земли, а потому подлежит выкупу. И если Собрание, наконец, решило отменить без выкупа все права и обязанности, как феодальные, так и чиншевые, «связанные с вещным или личным „правом мертвой руки“ и с личной зависимостью», то оно устроило так, что и здесь, даже в этом вопросе, осталось некоторое сомнение во всех тех случаях, когда «право мертвой руки» трудно было отделить от феодальных прав вообще.

Тот же шаг назад был сделан Собранием в вопросе о церковной десятине, платимой духовенству. Десятина доходила, как известно, очень часто до пятой части или даже до четверти всего урожая; притом духовенство требовало даже свою долю сена, собранных орехов и т. п. Эта подать ложилась на крестьян очень тяжело, особенно на бедняков. Поэтому

4 августа духовенство отказалось от всех форм десятины натурой с условием, однако, что эти платежи будут выкуплены плательщиками. Но так как при этом не указывались ни условия выкупа, ни процедура, посредством которой выкуп будет происходить, то отказ сводился к простому пожеланию. Духовенство соглашалось на выкуп; оно позволяло крестьянам, если они захотят и смогут, выкупать десятину, устанавливая ее стоимость по соглашению с владельцами. Но когда 6 августа захотели формулировать относящийся к десятине закон, то Собрание встретило с крупным затруднением.

В продолжение ряда веков отдельные духовные лица продавали свои права на взимание десятины частным людям; такие десятины назывались светскими, или закрепленными (*infeodees*), и по отношению к ним Собрание сочло выкуп совершенно необходимым ради охраны права собственности последнего покупателя. Мало того, десятины, платимые крестьянами самому духовенству, оказались, в речах некоторых ораторов Собрания, как бы налогом, который нация платит для содержа-

ния своего духовенства; и мало-помалу по мере обсуждения этого предмета в Собрании взяло верх мнение тех, кто говорил, что о выкупе десятины может быть речь только в том случае, если нация возьмет на себя обязанность платить духовенству правильное жалованье. Эти прения продолжались целых пять дней, до 11-го числа, когда несколько священников, а за ними и архиепископы заявили, что они приносят десятину в жертву отечеству, а в остальном полагаются на справедливость и щедрость нации.

Таким образом было решено, что все виды десятины, платимые духовенству, будут отменены; но до тех пор, пока не будут найдены иные средства на покрытие жалованья духовенству, десятина должна платиться по-прежнему. Что же касается до закрепленной десятины, то она должна будет выплачиваться до тех пор, пока не будет выкуплена!

Можно себе представить, какое разочарование и какие волнения вызвало такое постановление среди крестьян. Десятина отменялась в теории, но на деле должна была взиматься по-прежнему. «До каких пор?» — спра-

шивали крестьяне. — «Пока государство не найдет средств платить духовенству как-нибудь иначе!». А так как финансовое положение государства ухудшалось, то крестьяне вполне справедливо начали сомневаться в том, что десятина будет когда-либо уничтожена. Безработица и революционные бури неизбежно затруднили поступление налогов; а в то же время расходы на новые судебные учреждения и на новую администрацию неизбежно возрастали. Демократические реформы всегда обходятся очень дорого и только мало-помалу народу, в среде которого происходит революция, удается восстановить равновесие бюджета и покрывать вызванные революцией издержки. Пока крестьяне, стало быть, должны были платить по-прежнему десятину, и до самого 1791 г. десятину продолжали взыскивать с них очень строго. А так как они больше платить не хотели, то Собрание издавало против недоимщиков закон за законом со всевозможными карательными мерами.

То же самое нужно сказать и о праве охоты. В ночь 4 августа дворяне отказались от

этого права. Но когда пришлось точно выразить в законе, что значил их отказ, то оказалось, что он должен был означать только то, что право охоты предоставляется всем и каждому. Между тем Собрание отступило перед таким решением и ограничилось тем, что распространило право охоты «на своих землях» на всех собственников, или владельцев недвижимых имуществ. Но даже и здесь, в окончательной редакции закона были оставлены неясности. Собрание отменило исключительное право охоты и право держать открытые парки для кроликов и заявило, что «всякий собственник имеет право истреблять сам или поручать другим истреблять дичь, исключительно на своих наследственных землях (heritages)». Распространилось ли это разрешение на арендаторов или нет, оставалось под сомнением. Впрочем, крестьяне не стали ждать разрешения начальства и не стали обращаться к судам за разрешением сомнений. Они истолковали постановления 4 августа в свою пользу и тотчас же после 4 августа принялись истреблять помещичью дичь. В течение долгих годов они видели, как

голуби и кролики уничтожали их посевы, и теперь, не дожидаясь ничего разрешения, они сами стали истреблять разорителей.

Наконец, в самом важном вопросе — в вопросе о феодальных правах, волновавшем больше 20 млн. французов, Собрание, когда ему пришлось облечь в законную форму разные отказы, заявленные в ночь 4 августа, ограничилось простым провозглашением в принципе уничтожения феодальных прав.

«Национальное собрание совершенно уничтожает феодальный строй», — гласил первый пункт его постановления 5 августа. Но дальнейшие пункты постановлений, сделанных от 6 до 11 августа, объясняют, что совершенно исчезает только личная зависимость как унижительная для достоинства человека. Все же остальные повинности, каковы бы ни были их происхождение и природа, остаются. Они могут быть выкуплены со временем, но в августовских постановлениях ничто не указывает, когда и на каких условиях сможет произойти выкуп. Не назначается никакого срока для выкупа и не дается никаких указаний относительно процедуры, посредством

которой выкуп может быть совершен. Нет ничего, ровно ничего, кроме принципа, кроме высказанного желания. А пока крестьяне должны платить все по-прежнему. /.../

Теперь, сто лет спустя, жаловаться на поведение Национального собрания не приходится. В сущности, оно сделало все, чего только можно было ожидать от собрания собственников и буржуа, может быть, оно сделало даже больше. Оно провозгласило принцип громадной важности и тем как бы призывало народ идти дальше. Но иметь в виду сделанные им ограничения необходимо, потому что, если мы примем в точном смысле первый пункт декрета 4 августа, в котором говорится о полном упразднении феодального строя, мы рискуем не понять ни истории последующих четырех годов революции, ни той жестокой борьбы между революционерами, которая произошла в Конвенте в 1793 г.

Постановления Собрания встретили страшное сопротивление. Если, с одной стороны, они нисколько не удовлетворили крестьян и послужили сигналом к новому взрыву крестьянского восстания, то, с другой сто-

роны, дворянство, высшее духовенство и король увидели в них попытку ограбить привилегированные сословия. С этого момента началась против революции подпольная, неустанная и все более и более ревностная агитация. Собрание думало, что охраняет права земельной собственности, и в обыкновенное время подобный закон мог бы даже достигнуть этой цели. Но все те, кто был тогда на местах, понимали, что ночь 4 августа нанесла решительный удар всем феодальным правам: что августовскими постановлениями, хотя они и требовали выкупа, все-таки на деле уничтожились феодальные права. Весь общий смысл этих постановлений, в том числе уничтожение десятины, права охоты и других привилегий, показывал народу, что его права выше исторических прав собственности. В августовских постановлениях заключалось осуждение во имя справедливости всех унаследованных привилегий феодализма. Теперь уже ничто не могло дать этим правам их прежнюю неприкосновенность в глазах крестьян.

Крестьяне поняли, что феодальные права

осуждены и вовсе не стали выкупать их; они просто перестали платить. Но Собрание, у которого не хватило смелости ни совершенно отменить феодальные права, ни установить возможный для крестьян способ выкупа, создало этим то неопределенное положение, которое должно было вскоре породить гражданскую войну во всей Франции. С одной стороны, крестьяне увидели, что им ничего не следует выкупать, ничего платить, что нужно продолжать революцию, чтобы добиться уничтожения феодальных прав без выкупа. А с другой стороны, богатые люди поняли, что в августовских постановлениях еще нет ничего определенного, что этими постановлениями еще ничего не сделано, кроме принесения в жертву «права мертвой руки» и права охоты, и что, став на сторону контрреволюции и короля как ее представителя, им еще удастся, может быть, сохранить и феодальные права, и земли, когда-то отнятые ими и их предками у деревенских общин.

Король, следуя, вероятно, мнению своих советников, отлично понял, чего ждет от него контрреволюция. Он увидел, что ему предсто-

ит сделаться объединяющим символом защиты феодальных привилегий, и он поспешил написать архиепископу города Арль, что никогда, иначе как под давлением насилия, он не даст своего согласия на августовские постановления. «Принесенная жертва (двух первых сословий государства) прекрасна, — говорит он, — но все, что я могу сделать, это выразить мое уважение перед ней: я никогда не соглашусь лишить мое духовенство и мое дворянство их имуществ. Я не дам своей санкции таким законам, которые разорили бы их».

И он действительно отказывался дать свое согласие на законное обнародование этих постановлений до тех пор, пока народ не привез его как пленника в Париж. И даже тогда, когда он уступил, он сделал все, что мог, вместе со всеми имущими классами: духовенством, дворянством и буржуазией, — чтобы эти постановления Соборания не вылились в форму законов, чтобы они остались мертвой буквой.

Мой друг Джемс Гильом, который был так добр, что прочел всю мою рукопись, написал по вопросу о королевской санкции постанов-

лениям 4 августа следующее весьма ценное примечание, которое я привожу целиком. Вот оно:

«Собрание имело власть учредительную и законодательную и много раз заявляло, что его действия в качестве власти учредительной независимы от власти короля. Королевская санкция требовалась только для законов (постановления Собрания назывались декретами до получения санкции и законами — после).

Акты 4 августа были учредительного характера: Собрание формулировало их в виде постановлений (*arretes*), но ни минуты не думало, что разрешение короля нужно было для того, чтобы привилегированные классы могли отказаться от своих привилегий. Характер этих постановлений — или этого постановления, так как о них упоминают то во множественном, то в единственном числе, — виден из 19-го и последнего параграфа, в котором говорится: „Национальное собрание займется тотчас же после конституции составлением законов, необходимых для развития начал, высказанных в настоящем постановлении,

которое будет немедленно разослано господам депутатам по всем провинциям“ и т. д. 11 августа текст постановлений был окончательно принят; вместе с тем Собрание дало королю титул восстановителя французской свободы и решило отслужить молебен в дворцовой часовне.

12 августа председатель Собрания (Ле Шапелье) отправился к королю узнать, когда он пожелает принять Собрание для этого молебна; король назначил прием на 13-е, в 12 часов, 13-го все Собрание является во дворец; председатель произносит речь, в которой он нисколько не просит короля санкционировать решение Собрания, а только объясняет королю, что именно сделало Собрание и сообщает о данном им королю титуле. Людовик XVI отвечает, что принимает титул с благодарностью, приветствует Собрание и выражает ему свое доверие. Затем в часовне отслужен был молебен.

Что король тайным образом выражал архиепископу Арльскому совсем иные чувства, это неважно: здесь речь идет лишь о том, что он делал публично.

Итак, в первое время король публично не оказал ни малейшего сопротивления постановлениям 4 августа.

Но 12 сентября вследствие происходивших в стране волнений партия патриотов предложила в видах успокоения страны придать постановлениям 4 августа форму торжественной декларации; для этого большинство решило представить эти постановления на санкцию короля, несмотря на сопротивление контрреволюционеров, которые предпочли бы, чтобы об этих постановлениях больше не было речи.

Уже в понедельник, 14 сентября, патриоты увидели, однако, что слово санкция может вызвать недоразумение. В Собрании речь шла как раз о „задерживающем вето“ (vetosuspensif), т. е. о праве задержать принятый Собранием закон, которое хотели представить королю, и Барнав заметил, что такое вето неприложимо к постановлениям 4 августа. В том же смысле говорил и Мирабо. „Постановления 4 августа, — сказал он, — составлены учредительной властью; поэтому они не подлежат санкции. Постановления 4 авгу-

ста — не законы, а принципы и основные конституционные положения. И когда мы обратились к королю за санкцией для актов 4 августа, вы собственно обратились к нему за обнародованием (promulgation) их“. Тогда Ле Шапелье предложил заменить по отношению к этим постановлениям слово санкция словом обнародование и прибавил: „Я считаю, что постановления, которым Его величество выразил свое бесспорное одобрение как в письме, переданном им мне, когда я имел честь говорить от имени собрания (в качестве представителя), так и служением благодарственного молебна в королевской часовне, не нуждаются в санкции короля“.

Тогда внесено было предложение, чтобы Собрание отложило обсуждение стоящего на очереди вопроса (о вето) до того времени, когда произойдет обнародование королем постановлений 4 августа. Общий шум. Заседание закрывается; никакого решения не принято.

15-го — новые прения без результата; 16-го и 17-го говорят совсем о другом: о порядке престолонаследия.

Наконец, 18-го получается ответ от короля. Он выражает свое одобрение общему духу постановлений 4 августа, но замечает, что по отношению к некоторым из них он может выразить свое согласие лишь условно; затем он заканчивает следующими словами: „Итак, я одобряю большую часть этих пунктов и санкционирую их, когда они будут составлены в виде законов“. Этот ответ, затягивавший дело, вызвал большое неудовольствие; депутаты повторяли, что от короля требуется только простое обнародование постановлений и что он не может отказать в этом. Было решено, что председатель отправится к королю и будет умолять его немедленно дать распоряжение об обнародовании. Ввиду угрожающего тона речей ораторов в Собрании Людовик XVI понял, что нужно уступить; но и тут он стал придирается к словам: 20 сентября, вечером, он передал председателю (Клермон-Тонеру) ответ, в котором говорилось: „Вы просили меня санкционировать постановления 4 августа... Я вам сообщил замечания, которые я мог сделать по поводу их... Теперь вы просите об обнародовании тех же самых постановле-

ний; обнаругованию подлежат законы... Но я уже сказал вам, что одобряю общий дух этих постановлений... Я издам распоряжение об их опубликовании по всему государству... Я не сомневаюсь, что смогу дать свою санкцию всем тем законам, которые вы издадите относительно разных предметов, указанных в этих постановлениях“.

Таким образом, если в постановлениях 4 августа выражены только одни принципы и теоретические взгляды, если мы напрасно стали бы искать в них конкретных мер и прочего, то это потому, что таков и должен был быть характер этих постановлений, ясно определенный Собранием в 19-м пункте. 4 августа было провозглашено в принципе уничтожение феодального строя; затем было сказано, что Собрание издаст законы для проведения этого принципа в жизнь и что это будет тогда, когда будет закончена конституция.

Можно, если угодно, критиковать такой метод работы, избранный Собранием; но нужно заметить, что оно никого не обманывало и не изменяло своему слову тем, что не издава-

ло законов сейчас же, раз оно обещало издать их лишь после конституции. А когда в сентябре 1791 г. конституция была закончена, Учредительному собранию пришлось удалиться и уступить место Законодательному собранию».

Это примечание Джемса Гильома проливает новый свет на тактику Учредительного собрания. Когда война крестьян против помещичьих замков поставила на очередь вопрос о феодальных правах, перед Собранием было два выхода. Оно могло заняться выработкой законопроектов о феодальных правах, обсуждение которых заняло бы целые месяцы или, вернее, годы и ввиду разногласий в среде самих представителей не привело бы ни к чему, кроме раскола в Собрании, который привел бы к его роспуску королем (В эту ошибку впала русская Дума 1905 г. при обсуждении земельного вопроса). Или же оно могло ограничиться провозглашением нескольких основных начал, которые должны были послужить впоследствии основанием для составления законов. Собрание избрало второй путь. Оно поспешило составить в несколько заседа-

ний ряд конституционных постановлений, которые королю в конце концов пришлось опубликовать. В деревнях же эти принципиальные постановления Собрания послужили приглашением к отмене феодальных прав революционным путем и настолько расшатали весь феодальный строй, что четыре года спустя Конвент уже мог провести закон о полной отмене феодальных прав, без всякого выкупа. Сознательно или нет был избран этот второй путь, во всяком случае он оказался целесообразнее первого.

Декларация прав человека

Через несколько дней после взятия Бастилии Конституционный комитет Национального Собрания поставил на обсуждение Декларацию прав человека и гражданина. Мысль о таком торжественном заявлении (декларации), внушенная знаменитой Декларацией независимости Соединенных Штатов, была очень удачна. Так как во Франции происходила революция, и в отношениях различных общественных слоев должны были в силу этого произойти глубокие изменения, то следовало, прежде чем эти изменения найдут себе выражение в пунктах какой бы то ни было конституции, установить их общие начала. Народ мог видеть, таким образом, как понимает революцию революционное меньшинство и во имя каких новых начал оно призывает к борьбе.

Такая декларация не была бы простым набором красивых слов. Она должна была выразить общий взгляд на то будущее, которое революция стремится завоевать, и этот взгляд, высказанный в форме заявления прав, сде-

данного целым народом, должен был получить значение торжественной народной клятвы. Выраженные в немногих словах начала, которые предполагалось провести в жизнь, должны были вдохнуть бодрость во французский народ и показать всему миру, куда он идет. Миром управляют идеи гораздо больше, чем это думают, а великие идеи, выраженные в решительной форме, всегда имели влияние на умы. Молодые североамериканские республики издали подобную декларацию, когда свергли английское иго, и с тех пор Декларация независимости Соединенных Штатов сделалась хартией, почти что десятью заповедями молодой североамериканской нации.

Вот почему, как только Собрание избрало (9 июля) комитет для подготовительной работы по выработке конституции, возникла мысль о составлении Декларации прав человека, и сейчас же после 14 июля представители принялись за дело. Декларация независимости Соединенных Штатов, сделавшаяся знаменитой с 1776 г. как лозунг демократии, как выражение ее стремлений, была принята

за образец. К несчастью, у этой декларации были заимствованы и ее недостатки. Следуя примеру основателей американской конституции, собравшихся на конгресс в Филадельфии, французское Национальное собрание тоже исключило из своего заявления все, что касалось экономических отношений между гражданами, и ограничилось провозглашением равенства всех перед законом, конституционных свобод личности и права нации выбирать себе желательное ей правительство. Что же касается собственности, то Декларация поспешила заявить о ее «ненарушимом и священном» характере и прибавила, что «никто не может быть лишен собственности иначе, как в том случае, если того потребует законом признанная общественная необходимость, и при условии справедливого предварительного вознаграждения». Это было прямым отрицанием права крестьян на землю и на революционную отмену даже повинностей крепостного происхождения.

Буржуазия таким образом провозглашала свою либеральную программу: юридическое равенство перед законом и правительство,

подчиненное народу, существующее только по его воле. И как все так называемые «программы-минимум» (перечисления наименьших требований), она оказалась программой-максимум, т. е. наибольших требований. Она означала, что, по мнению Собрания, дальше этого народу идти не следует, что он не должен касаться прав собственности, хотя они и установлены были крепостным строем и королевским деспотизмом, которые подлежали уничтожению...

Когда мы перечитываем теперь Декларацию прав человека и гражданина, составленную в 1789 г., мы естественно задаем себе вопрос: имела ли вообще эта Декларация то влияние на умы, какое ей приписывают историки? Нет сомнения, что некоторые пункты Декларации оказали такое влияние. Так, пункт 1-й провозглашал равенство в правах всех людей; в пункте 6-м говорилось, что закон должен быть «одинаков для всех» и что «все граждане имеют право участвовать, лично или через своих представителей, в его создании»; пункт 10-й гласил, что «никто не должен быть преследуем за убеждения, даже

религиозные, лишь бы проявление их не нарушало установленного законом общественного порядка», и, наконец, пункт 12-й заявлял, что общественная власть «учреждена на пользу всем, а не для личной пользы тех, кому она поручена». Нет никакого сомнения, что эти заявления в обществе, где еще существовали различные формы феодальной зависимости и где королевская фамилия смотрела на Францию как на свою вотчину, должны были произвести целую революцию в умах.

Но также несомненно и то, что Декларация 1789 г. никогда не имела бы того влияния, какое она приобрела впоследствии, в течение всего XIX в., если бы революция остановилась на этом заявлении буржуазного либерализма. К счастью, революция пошла дальше. И когда два года спустя, в сентябре 1791 г., Национальное собрание выработало текст конституции, оно присоединило к первой Декларации прав человека род Вступления в конституцию, заключавшего уже следующие слова: «Национальное собрание... безвозвратно отменяет учреждения, оскорблявшие свободу и равенство в правах». И дальше: «Не существует

больше ни дворянства, ни пэрства, ни наследственных отличий, ни сословных отличий, ни феодального строя, ни вотчинного суда, никаких титулов, наций и преимуществ, из них вытекавших: никаких рыцарских орденов, никаких корпораций или орденов, для которых требовались бы доказательства дворянского происхождения и которые предполагали бы те или другие прирожденные различия; никакого другого высшего положения, кроме положения чиновников при исполнении их обязанностей. Не существует больше ни цехов, ни старшин, ни корпораций в профессиях и искусствах или ремеслах (в этом последнем сказывается уже буржуазный идеал всемогущего государства). Закон не признает больше ни религиозных обетов, ни других обязательств, противных естественным правам и Конституции!»

Если мы вспомним, что этот вызов был брошен Европе, еще всецело погруженной в тьму всемогущей монархической власти и феодальных привилегий, мы поймем, почему Декларация прав человека, которую вообще не отделяли от Вступления в Конституцию,

увлекала народы во время войны республики, а впоследствии, в течение всего XIX в., служила лозунгом прогрессивного движения во всех европейских странах. Но не нужно забывать одного: в этом Вступлении вовсе не выражаются желания всего Собрания, ни даже желания вообще буржуазии 1789 г. Признать права народа и порвать с феодализмом заставила буржуазию продолжающаяся народная революция, и мы скоро увидим, ценой каких жертв были достигнуты эти уступки.

Дни 5 и 6 октября 1789 года

В глазах короля и двора Декларация прав человека и гражданина являлась наглым нарушением всех божеских и человеческих законов. Король решительно отказался утвердить ее. Правда, Декларация, подобно постановлениям 5–11 августа, представляла собой не что иное, как провозглашение известных основных начал: она имела, как тогда выражались, «учредительный характер» и, как таковая, не нуждалась в утверждении королем. Ему предстояло только обнародовать ее.

Но и от этого он отказывался под разными предлогами. Мы видели, что он ответил подобным же отказом и на постановления 5–11 августа об уничтожении феодальных прав, и мы легко можем себе представить, каким оружием послужили эти два отказа в руках Национального собрания. «Как? — говорилось в народе. — Собрание отменяет феодальный строй, личную зависимость и оскорбительные права помещиков; оно провозглашает, с другой стороны, равенство всех перед законом; а король, и в особенности принцы, коро-

лева, двор, полиньяки, ламбали и все остальные противятся этому! Если бы еще дело шло только о запрещении каких-нибудь речей, проникнутых идеями равенства! Но нет: все Собрание, в том числе дворяне и епископы, согласилось на том, чтобы издать закон в пользу народа и отказаться от своих привилегий (для народа, не вникающего в смысл юридических терминов, „постановления“ 5–11 августа были настоящими законами); и вдруг какая-то сила не позволяет провести в жизнь эти законы! Король, пожалуй, еще согласился бы принять их: братался же он с Парижем после 14 июля; но двор, принцы, королева не хотят, чтобы Собрание устроило счастье народа».

В начавшейся таким образом грозной борьбе между королевской властью и буржуазией последней удалось, благодаря ловкой политике и умению разбираться в законодательной деятельности, привлечь народ на свою сторону. Теперь народ горячо ненавидел принцев, королеву, высшую аристократию и горячо защищал Собрание, за трудами которого он начал следить с интересом.

Вместе с тем народ и сам оказывал давление на Собрание в демократическом направлении...

Между тем в Париже по-прежнему свирепствовала страшная нужда. Был сентябрь: жатва уже была кончена, но хлеба все-таки не хватало. У дверей булочных целые вереницы людей ждали с раннего утра своей очереди и часто после долгих часов ожидания люди уходили без хлеба. Муки не хватало. Несмотря на закупку зерна за границей, организованную правительством, несмотря на премии, выдаваемые за ввоз зерна в Париж, хлеба все-таки недоставало как в столице, так и в соседних с ней больших и малых городах. Все меры, принимавшиеся для продовольствия населения, оказывались недостаточными, да и тому немногому, что делалось, мешали разного рода мошенничества. Весь старый строй, все государственное сосредоточение власти, понемногу создававшееся с XVI в., проявили себя в этом вопросе о хлебе. На верхах утонченная роскошь достигала крайних пределов, а внизу народная масса, разоряемая всякими поборами, не находила себе пропитания на плодотворную работу.

родной почве и в прекрасном климате Франции!

Кроме того, против принцев королевского дома и высокопоставленных придворных лиц раздавались самые тяжелые обвинения: в народе говорили, что они снова заключили «голодный договор» и барышничают на высоких ценах на хлеб. Документы, напечатанные с тех пор, вполне подтверждают тогдашние слухи. И когда мы теперь знаем, что делали в России великие князья, всякое сомнение в этих обвинениях исчезает.

К тому же возможное банкротство государства висело как угроза над головами. Государственные долги требовали немедленного взноса процентов; расходы же все росли, и казна была пуста. Прибегать во время революции к тем жестоким мерам, которыми выколачивались подати при старом строе, когда у крестьянина продавали его последнее имущество за недоимки, теперь уже не решались, боясь бунтов; а с другой стороны, крестьяне в ожидании более справедливого распределения налогов перестали платить; богатые же, ненавидевшие революцию, не платили ниче-

го из тайного злорадства. Напрасно Неккер, вновь вступивший в министерство 17 июля 1789 г., придумывал всякие средства для предотвращения банкротства: он ничего не находил. И в самом деле, трудно представить себе, каким образом мог бы он помешать банкротству, не прибегая к принудительному займу у богатых или не завладевая имуществами духовенства. Он так и сделал. И буржуазии, действительно, скоро пришлось согласиться на эти меры, так как, вложивши свои деньги в государственные займы, она во все не хотела потерять их при банкротстве государства. Но как могли согласиться на такое посягательство на их имущества со стороны государства король, двор и высшее духовенство?

Странное чувство должно было овладевать умами в августе и сентябре 1789 г. Вот, наконец, исполнились желания стольких лет. Во Франции созвано, наконец, Национальное собрание, и оно облечено законодательной властью. Оно охотно поддается демократическим преобразовательным стремлениям, и все-таки оно бессильно до смешного. Собрание мо-

жет издать те или иные законы для предотвращения банкротства; но король, двор, принцы откажутся утвердить их. Точно выходяцы с того света, они еще имеют силу задуть представительство французского народа, парализовать его волю, протянуть до бесконечности временное положение.

Мало того, эти привидения все время собираются сделать решительный шаг против Собрания. Вокруг короля обсуждаются новые планы его побега. Он уедет в скором времени в Рамбулье или в Орлеан или же станет во главе войск, расположенных к западу от Версаля, и оттуда будет угрожать и Версалю, и Парижу. Или, наконец, он бежит к восточной границе и там будет ждать немецких и австрийских войск. Во дворце сталкиваются всевозможные влияния: влияние королевы, влияние герцога Орлеанского, мечтающего завладеть престолом после отъезда короля, влияние «Monsieur», т. е. брата Людовика XVI, который был бы очень рад, если бы и король, и Мария-Антуанетта, с которой у него личная вражда, могли бы куда-нибудь исчезнуть.

С сентября двор задумывал побег; обсужда-

лись различные планы, но ни на одном из них не решались остановиться. Нет сомнения, что Людовик XVI и в особенности королева мечтали повторить, но с большим успехом, историю английского короля Карла I и вступить, как он сделал, в открытую войну с парламентом. История английского короля, по-видимому, не давала им покоя; утверждают даже, что единственная книга, которую Людовик XVI выписал из своей версальской библиотеки в Париж после 6 октября, когда он должен был переселиться в Париж, была история Карла I. Эта история точно гипнотизировала их; но они читали ее так, как заключенные в тюрьме читают уголовные романы. Они не делали из нее выводов относительно необходимости своевременных уступок, а думали только: «Вот здесь нужно было сопротивляться; здесь нужно было действовать хитростью, а вот тут нужно было проявить решимость!»...

Поход 5 октября на Версаль произошел не так внезапно, как обыкновенно рассказывают. Всякое народное движение, даже во время революции, должно быть подготовлено агит-

таторами из народа, и ему всегда предшествует ряд неудавшихся попыток в том же направлении. Так, еще 30 августа маркиз де Сент-Юрюж, один из популярных ораторов Пале-Рояля, хотел идти на Версаль во главе полутора тысяч человек, чтобы требовать удаления «невежественных, подкупленных и подозрительных депутатов», отстаивающих «задерживающее вето короля». А народ в то же время грозился сжечь поместья и замки этих депутатов, и их извещали, что с этой целью уже разослано по провинциям две тысячи писем. Сборище маркиза Юрюжа было разогнано, но самый план не был оставлен.

31 августа из Пале-Рояля было отправлено в городскую ратушу пять deputаций (одна из них — под предводительством республиканца Лустало) с просьбой к парижскому муниципалитету оказать давление на Собрание и помешать принятию королевского вето. Среди членов этих deputаций одни грозили депутатам, другие же упрашивали их. В Версале толпа народа со слезами умоляла Мирабо отказаться от абсолютного вето на том совершенно справедливом основании, что если ко-

ролю будет предоставлено это право, то само Собрание сделается ненужным.

Тем временем в версальском дворце было удвоено число телохранителей (молодых людей из аристократии, охранявших дворец) и были вызваны в Версаль фландрский полк и драгуны. 1 октября телохранители устроили даже в честь фландрского полка большое празднество, на которое были приглашены драгунские и швейцарские офицеры версальского гарнизона.

Во время обеда Мария-Антуанетта и придворные дамы вместе с королем делали все возможное, чтобы довести до белого каления верноподданнические чувства офицеров. Дамы сами прицепляли офицерам и солдатам белые кокарды, а национальную трехцветную кокарду топтали ногами. Два дня спустя, 3 октября, был устроен второй, подобный же праздник.

Эти празднества ускорили ход событий. Слухи о них, может быть, преувеличенные, скоро дошли до Парижа, и народ понял, что если он не пойдет теперь же на Версаль, то Версаль пойдет на Париж.

Двор, очевидно, готовился нанести решительный удар. Если бы король уехал и скрылся где-нибудь среди своих войск, не было бы ничего легче, как разогнать Собрание или заставить его вернуться к системе трех сословий. В самом Собрании была партия, насчитывавшая от 300 до 400 человек, главари которой уже устраивали совещания у Малуэ и задумывали перенести Собрание в город Тур, подальше от революционного парижского народа. Но если бы план двора удался, все пришлось бы начинать сызнова. Потеряны были бы плоды 14 июля, плоды крестьянского восстания и паники 4 августа.

Что же нужно было предпринять, чтобы предотвратить переворот? Ни больше, ни меньше как поднять народ! И в этом состоит главная заслуга тех революционеров, которые в этот момент имели преобладающее влияние: они поняли истину, которая обыкновенно заставляет буржуазных революционеров бледнеть от страха; и они стали действовать. Поднять народ — темную, бедную массу парижского населения — вот чем с жаром занялись 4 октября революционеры. Дан-

тон, Марат и Лустало (имя которого мы уже упоминали перед взятием Бастилии) были самыми энергичными из них.

Горсть заговорщиков не может бороться с войском. Кучка людей, как бы решительны они ни были, не может победить реакцию. Войску нужно противопоставить либо войско же, либо народ — население целого города, сотни тысяч мужчин, женщин и детей, вышедших на улицу. Только они могут победить, только они побеждали войска, лишая их бодрости духа, парализуя их дикую силу.

5 октября в Париже действительно началось подготовлявшееся восстание при криках: «Хлеба! Хлеба!» Одна молодая девушка забила в барабан, и это послужило призывным сигналом для женщин. Скоро их собралась целая толпа, которая двинулась к городской ратуше. Здесь женщины выломали двери и требовали хлеба и оружия. А так как о походе на Версаль говорилось уже несколько дней, то крик: «В Версаль!» — скоро стал общим лозунгом. Предводителем своего отряда женщины избрали Майяра, прославившегося в Париже после 14 июля благодаря своему

участию во взятии Бастилии. Под его руководством двинулись в путь.

Тысячи разных мыслей, несомненно, роились в то время в их головах; но господствующей мыслью была, вероятно, мысль о хлебе. В Версале, думали они, готовятся заговоры против народного блага; там заключили «голодный договор», там мешают уничтожению феодальных прав, которые доводят народ до голода, и женщины шли на Версаль. Можно почти наверное сказать, что в глазах массы парижан король, как все короли, представлялся добродушным существом, желающим добра народу. Обаяние королевской власти еще коренилось в умах. Но королеву уже тогда ненавидели. О ней рассказывали самые ужасные вещи. «Где эта негодница?» — «Вот она... Нужно схватить эту... и свернуть ей шею», — говорили женщины, и можно удивляться тому, с какой готовностью, с каким, можно сказать, удовольствием уголовный суд Шателе повторил потом все эти слова в одной из своих бумаг, когда назначено было следствие о бунте 5 октября.

Народ и тут в общем был совершенно

прав. Если король, узнав о неудаче, которую потерпело королевское заседание 23 июня, сказал в конце концов: «Черт с ними, пусть остаются!», — то Мария-Антуанетта приняла эту неудачу за личное оскорбление. Она встретила с величайшим презрением «короля-разночинца», когда он вернулся с трехцветной кокардой на шляпе после посещения Парижа 17 июля, и с тех пор королева была центром всех придворных заговоров. С этих пор уже было заложено начало той переписке, которую она вела впоследствии со шведским бароном Ферзенем с целью привести иностранные войска в Париж. И в ту самую ночь 5 октября, когда женщины наводнили дворец, королева, по свидетельству даже такой реакционерки, как мадам Кампан, принимала Ферзена у себя в спальне.

Народ знал все это отчасти от самой дворцовой прислуги; и ум толпы — коллективный ум парижского народа понял то, что с таким трудом понимали отдельные личности из образованных классов. Он понял, что Мария-Антуанетта зайдет далеко в своей вражде к народу и что единственное средство предотвра-

тить придворные заговоры — это держать короля и его семью, а также и Собрание в самом Париже под контролем народа.

В первые моменты своего вступления в Версаль женщины, измученные усталостью и голодом, измокшие под проливным дождем, требовали только хлеба. Когда они ворвались в Собрание, то попадали в изнеможении на скамьи депутатов; но самое их присутствие в этом месте было уже победой. И Собрание немедленно воспользовалось этой победой, чтобы получить от короля утверждение Декларации прав человека.

Вслед за женщинами в путь тронулись и мужчины. Тогда во избежание какого-нибудь несчастья во дворце Лафайет в семь часов вечера двинулся в Версаль во главе буржуазной национальной гвардии.

Ужас охватил двор. Весь Париж, стало быть, идет походом на дворец? Немедленно был созван совет, но опять-таки он не пришел ни к какому решению. Между тем из сарая были уже поданы экипажи, чтобы король и его семья могли убежать; но отряд национальной гвардии заметил эти экипажи и ве-

лел убрать их назад.

Прибытие национальной гвардии, старания Лафайета, а в особенности, может быть, проливной дождь заставили разойтись толпу, наполнявшую улицы Версаля, залу Собраниа и окрестности дворца. Но около пяти или шести часов утра кучка мужчин и женщин из народа, не слушая ничьих советов, разыскала какую-то незапертую дверь, ведущую во дворец, и ворвалась туда. В несколько минут толпа была уже в спальне королевы, едва успевшей убежать к королю, иначе ее могли растерзать. Та же участь могла постичь и телохранителей, если бы Лафайет не прискакал вовремя им на помощь.

Вторжение народа во дворец нанесло королевской власти такой удар, от которого она уже не оправилась. Напрасно Лафайет устроил овацию королю, когда он вышел на балкон, она не помогла. Ему удалось даже вызвать в толпе рукоплескания в адрес королевы, когда она появилась по его настояниям на балконе вместе со своим сыном и Лафайет почтительно поцеловал ей руку. Но этот театральный эффект не подействовал: королеву

уже ненавидели и ей приписывали все злодеяния.

Народ, овладевший дворцом, понял свою силу и тотчас же воспользовался ею, чтобы заставить короля переехать в Париж. Король должен был подчиниться, и его карета, окруженная толпой народа, направилась в столицу. И какие сцены буржуазия ни разыгрывала во время этого возвращения короля, чтобы возродить его обаяние, народ понял, что король теперь его пленник. Впрочем, у самого Людовика XVI, когда он въехал в Париже в старый дворец Тюильри, покинутый королями со времен царствования Людовика XIV, не было на этот счет никаких сомнений. «Пусть размещаются, кто где хочет!» — ответил он на предложенный ему вопрос и велел принести себе из библиотеки... историю Карла I.

Великой версальской монархии приходил конец. После такого возврата в столицу могли еще быть короли-буржуа или императоры, заводевавшие престолом путем обмана и насилия. Но царствованию королей «божиею милостью» пришел конец.

Еще раз, как и 14 июля, народ напором сво-

ей массы и своим сильным выступлением нанес старому порядку громовой удар. Революция сразу сделала громадный шаг вперед.

Страх буржуазии. Новая городская организация

Казалось бы, что теперь революция начнет свободно развиваться. Реакционные попытки королевской власти были подавлены: «господин и госпожа Вето», как называли в шутку короля и королеву, находились пленниками в Париже; теперь, наверное, можно было думать, что Национальное собрание начнет решительную борьбу со старыми злоупотреблениями, окончательно сломит феодализм и приложит к жизни великие принципы выработанной им Декларации прав человека и гражданина. От ее обещаний так билось сердца в народе.

Но на деле оказалось, что ничего этого не было. Как ни трудно этому поверить, но после 5 октября начинается реакция. Она организует свои силы и проявляется все яснее и яснее в продолжение трех лет, вплоть до июня 1792 г.

Парижский народ возвратился в свои трущобы; буржуазия распустила его, отослала по

домам. И если бы не крестьянские восстания, которые шли своим чередом до того момента, когда в июле 1793 г. взаправду были отменены феодальные права, если бы не движения в провинции, следовавшие одно за другим и мешавшие буржуазии прочно установить свою власть, реакция могла бы восторжествовать еще в 1791 и даже в 1790 г.

«Король в Лувре, Национальное собрание в Тюильри, пути сообщения становятся свободны, рынки ломаются от мешков муки, государственная казна наполняется, мельницы работают, изменники бегут, духовенство низвергнуто, аристократия при последнем издыхании», — так писал Камилл Демулен в первом номере своей газеты (28 ноября). Но в действительности реакция повсеместно поднимала голову. В то время как революционеры торжествовали и считали революцию почти законченной, реакция понимала, что теперь-то и начнется в каждом провинциальном городе, большом или малом, в поселке и деревушке главная, настоящая борьба между прошлым и будущим; теперь-то настает для королевской реакции момент, когда нужно

заняться обузданием революции.

Реакция шла даже еще дальше в своем понимании общего положения. Она поняла, что буржуазия, до сих пор искавшая поддержки у народа, в виду достижения конституционных прав и победы над высшей аристократией теперь, раз она почувствовала народную силу, сделает все возможное, чтобы обуздать этот народ, обезоружить его и снова привести в повиновение.

В Национальном собрании страх перед народом проявился тотчас же после 5 октября. Больше 200 депутатов отказались переехать из Версаля в Париж и потребовали паспорта для возвращения по домам. Им было в этом отказано; их стали называть изменниками, но, несмотря на это, некоторые из них все-таки вышли в отставку на том основании, что никогда они не ожидали, чтобы дело зашло так далеко. Как и после 14 июля, началась эмиграция; только теперь пример подавал уже не двор, а депутаты, члены Собрания.

Тем не менее Собрание насчитывало в своей среде значительное большинство таких представителей буржуазии, которые не толь-

ко не думали удаляться, но и сумели воспользоваться обстоятельствами, чтобы установить господство своего класса на прочном основании. Еще до своего переезда в Париж, т. е. 19 октября, Собрание воспользовалось народным движением и ввело ответственность министров и членов администрации перед народным представительством и постановило, что налоги могут быть вводимы и устанавливаемы только Национальным собранием. Два основных условия конституционного правления были, таким образом, отвоеваны. Титул «короля Франции» был изменен на «короля французов».

В то время как Собрание пользовалось, таким образом, движением 5 октября для укрепления своих верховных прав, буржуазный муниципальный совет Парижа, т. е. Совет трехсот, взявший в свои руки городское управление после 14 июля, с своей стороны также воспользовался обстоятельствами, чтобы укрепить свою власть: 60 администраторов, избранных из числа трехсот, были поставлены во главе восьми отделов управления: продовольствие города, полиция, общественные

работы, больницы, воспитание, городские владения и другие доходы, налоги и национальная гвардия. Заведуя всеми этими отраслями жизни, в столице, Совет трехсот становился громадной силой, тем более что в его распоряжении было 60 тыс. человек национальной гвардии, вербовавшейся исключительно из зажиточных граждан.

Мэр Парижа Байи, а в особенности Лафайет, командующий национальной гвардией, становились теперь большими особами. Что же касается полиции, то буржуазия вмешивалась во все: в собрания жителей, в газеты, в уличную продажу, в объявления — и везде запрещала все, что было враждебно ей. Наконец, воспользовавшись убийством одного булочника (21 октября), Совет трехсот обратился к Национальному собранию, умоляя его издать закон о военном положении, что и было сделано. По этому закону стоило только городскому или деревенскому голове или судье развернуть красное знамя, чтобы тем самым в этом городе или деревне объявлено было военное положение; тогда всякие собрания становились противозаконными и войска,

призванные муниципальными чиновниками, имели право после трех предупреждений стрелять в толпу. Если толпа расходилась мирно, без сопротивления, раньше чем сделано было третье предупреждение, то преследовались только зачинщики скопищ и присуждались, если сборище было без оружия, к трем годам тюрьмы, а если оно было вооруженное — к смертной казни. Но если народ оказывал сопротивление, то всем участникам бунта грозила смерть. Смерть грозила также каждому солдату и офицеру национальной гвардии, если он устраивал сборища или подстрекал к ним.

Таким образом, случайного убийства, совершенного на улице, было достаточно, чтобы побудить Собрание издать такой свирепый закон, и во всей парижской печати, по очень верному замечанию Луи Блана, нашелся всего один голос — голос Марата, который протестовал против нового закона, доказывая, что во время революции, когда народ еще только разбивает свои оковы и должен вести тяжелую борьбу с врагами, закон о военном положении не имеет никакого смысла.

В Собрании против этого закона высказались только Робеспьер и Бюзон, да и то не в принципе, а потому, говори ни они, что нельзя вводить такой закон, пока не будет создан суд, который мог бы судить преступления, совершаемые против нации.

Пользуясь некоторым затишьем, неизбежно наступившим в народе после событий 5 и 6 октября, буржуазия занялась, таким образом, и в Собрании, и в муниципалитете организацией правительства средних классов; причем не обошлось, конечно, без некоторых столкновений и интриг из-за вопросов личного честолюбия.

Придворная партия, со своей стороны, не видела никакой причины отказываться от своих притязаний; она тоже интриговала и перетягивала на свою сторону политических деятелей, честолюбивых и нуждающихся в больших средствах, вроде Мирабо. Мирабо был тогда же подкуплен двором.

Так как второй брат короля, герцог Орлеанский, оказался скомпрометированным в движении 5–6 октября, которому он тайно способствовал, то двор послал его в изгнание,

назначив его посланником в Англию. Но тогда начал вести всякие интриги следующий брат короля, герцог Прованский, который старался заставить Людовика XVI уехать из Парижа. Цель его была та, что в случае бегства короля (которого он называл «чурбаном») он предъявил бы свои права на французский престол. В Мирабо, который приобрел после 23 июня большое влияние в Собрании, но вечно нуждался в деньгах, он думал найти союзника. Мирабо стремился стать министром; но когда Собрание разрушило его планы, постановив, что никто из членов Собрания не может быть министром, Мирабо сошелся с герцогом Прованским в надежде добиться власти через его посредство. В конце концов он, однако, продался королю и принял от него жалованье в 50 тыс. ливров в месяц на четыре месяца с обещанием назначить его впоследствии послом. За эту плату Мирабо обзывался, как сказано в его письме, «помогать королю своими советами, своими силами и своим красноречием во всем том, что герцог Прованский найдет полезным для нужд государства и интересов короля»...

Задержки в уничтожении феодалных прав

По мере того как революция шла вперед, те два течения, о которых мы говорили вначале — течение народное и течение буржуазное — обозначались все яснее и яснее, особенно в вопросах экономических.

Народ стремился к уничтожению феодального строя. Он страстно желал равенства вместе со свободой. Видя, как медленно велась даже борьба с королем и духовенством, он терял терпение и старался довести революцию до конца. Предвидя, что силы революционного порыва рано или поздно истощатся, народ пытался сделать окончательно невозможным возвращение помещичьего ига, королевского деспотизма, феодального порядка и царства богачей и духовенства. Для этого он хотел по крайней мере в большей половине Франции возврата земли народу, земельных законов, которые бы дали возможность каждому обрабатывать столько земли, сколько он может сам возделывать, и законов, уравнивающих

богатых и бедных в гражданских правах.

И вот народ восставал, когда его заставляли платить десятину, и силой захватывал власть в городах и деревнях, чтобы воспользоваться ею против привилегированных классов — дворянства и духовенства. Одним словом, он поддерживал революционное брожение в целой половине Франции, а в Париже зорко наблюдал за законодателями с высоты трибун Собрания, в клубах и в секциях.

Наконец, когда приходилось бороться с королевской властью силой, он организовался для восстания и 14 июля 1789 и 10 августа 1792 г. боролся с оружием в руках.

Со своей стороны буржуазия, как мы видели, упорно работала над «завоеванием власти» (самое выражение было пущено в ход уже тогда). По мере того как власть короля и двора разрушалась и падала под тяжестью общего презрения, буржуазия овладевала этой властью и создавала для нее прочные основания в провинциях. Вместе с тем она обеспечивала себе возможность обогащения в настоящем и в будущем...

Но что в особенности хорошо узнала про-

свещенная буржуазия (ее научил этому пример революции 1648 г. в Англии) — это то, что теперь пришла ее очередь завладеть правительством Франции и что тот класс, который будет стоять у власти, будет иметь возможность наживаться. Это было тем более возможно, что деятельности государства предстояло громадное расширение благодаря образованию многочисленной постоянной армии и переустройства народного образования, правосудия, налогов и т. д. Английская революция уже показала это на деле.

Понятно, что при таких условиях пропасть между буржуазией и народом во Франции должна была все более и более расширяться. Буржуазия стремилась к революции и толкала к ней народ только до тех пор, пока не увидела, что дело «завоевания власти» уже заканчивается в ее пользу. Народ же искал в революции средства освободиться от двойного гнета — нужды и политического бесправия.

На одной стороне оказались, таким образом, те, кого «государственные люди», «люди порядка» называли уже тогда «анархистами», и с ними несколько поддерживавших их че-

ловец из буржуазии — большей частью члены Клуба кордельеров и некоторые члены Клуба якобинцев. Что же касается до «государственных людей» и «защитников имуществ», как говорили тогда, то их точной выразительницей была та политическая партия, которая впоследствии получила название жирондистов, т. е. партия политиков, группировавшихся в 1792 г. вокруг Бриссо и министра Ролана.

Мы уже говорили в гл. XV о том, к чему сводилась так называемая отмена феодальных прав в ночь на 4 августа и каковы были постановления, принятые Собранием между 5 и 11 августа; посмотрим теперь на дальнейшее развитие этого законодательства в 1790 и 1791 гг.

Но ввиду того, что вопрос о феодальных правах — главный вопрос революции и что он был разрешен только в 1793 г., после изгнания жирондистов из Конвента, мы вновь изложим вкратце, рискуя даже некоторыми повторениями, в чем заключались августовские законы 1789 г., а затем уже перейдем к тому, что было сделано в два последующих

года. Это тем более необходимо, что, несмотря на то что отмена феодальных прав была главным делом Великой революции, по этому вопросу в исторической литературе царствует печальное смешение понятий. На этом вопросе произошли самые ожесточенные и кровопролитные столкновения повсеместно в земледельческой Франции, а также и в Париже, в стенах палаты; и из всего, сделанного революцией, отмена феодальных прав оказалась самым прочным завоеванием, удержавшимся, несмотря на все дальнейшие превратности в политических судьбах Франции в течение XIX в. На этом следует остановиться.

Раньше 1789 г. те, кто стремился к обновлению общественного строя, были, несомненно, далеки от мысли, чтобы феодальные права могли быть вполне отменены. Даже об уничтожении злоупотреблений феодального строя думали немногие, и дело шло лишь о том, возможно ли, как выражался Неккер, «уменьшение особенных прав помещика». Вопрос об уничтожении феодальных прав был поставлен уже революцией.

«Всякая собственность без исключения

останется неприкосновенной, — вот слова, которые были вложены в уста короля при открытии Генеральных штатов, — и Его величество понимает под названием собственности десятину, ренту, обязательства феодальные и по отношению к помещику, и вообще все права и прерогативы (права классовые), полезные или почетные, связанные с землями и поместьями, принадлежащими частным лицам».

Никто из будущих революционеров не протестовал тогда против такого понимания прав помещиков и землевладельцев...

Понятно поэтому, что крестьянские восстания должны были продолжаться. В докладе, представленном Собранию от имени Феодального комитета в феврале 1790 г. аббат Грегуар показал, что начиная с января крестьянское движение разгорелось с новой силой, распространяясь от востока к западу.

В Париже тем временем, начиная с 6 октября, реакция уже сделала, однако, значительные успехи; и когда под влиянием доклада Грегуара Национальное собрание принялось за рассмотрение феодальных прав, его

законодательная работа уже оказалась проникнутой реакционным духом. Оно «одумалось». Декреты, изданные им от 28 февраля до 5 марта и 18 июня 1790 г., вели уже к закреплению феодального порядка во всех его существенных чертах...

Бегство короля. Конец учредительного собрания

Великая революция полна самых трагических событий. Взятие Бастилии, поход женщин на Версаль, осада Тюильри и казнь короля прогремели по всему миру. Мы с детства помним дни этих событий.

Но рядом с этими великими днями были другие дни, не менее важные по своим последствиям. О них часто забывают, хотя они имели, по нашему мнению, еще большее значение для выражения духа революции в известный момент и для определения ее дальнейшего пути. Так, для свержения монархии самым важным днем революции, лучше всего выразившим первый ее период и придавшим всему последующему ходу событий известный народный характер, было 21 июня 1791 г. — та памятная ночь, когда неизвестные люди из народа задержали в Варение короля и его семью как раз в то время, когда они уже готовы были переехать границу и броситься в объятия иностранных армий. С

этого дня начинается быстрое падение монархии. Народ выступает на сцену и оттесняет на задний план политических вожаков.

Само это событие хорошо известно. Чтобы дать королю возможность убежать из Парижа за границу и стать там во главе эмигрантов и немецких войск, был устроен целый заговор. План его составлялся при дворе еще в сентябре 1789 г., и, по-видимому, Лафайет знал о нем.

Что роялисты видели в этом бегстве средство избавить короля от опасности и вместе с тем подавить революцию, это вполне понятно. Но этому плану способствовали и революционеры из буржуазии. Они думали, что раз Бурбоны уедут из Франции, можно будет посадить на престол Филиппа Орлеанского и получить от него буржуазную конституцию, не прибегая к всегда опасной для них помощи народных бунтов.

Народ расстроил этот план.

«Неизвестный» человек — почтосодержатель Друэ узнает короля в одной деревне, на пути к границе. Но королевская карета уже мчится дальше. Тогда Друэ и его приятель Ги-

льом верхом пускаются во весь дух за ней. Они знают, что по лесам вдоль дороги рыщут гусары, которые выехали встретить королевский экипаж в Пон-де-Сомм-Вэль, но, не дождавшись его и испугавшись враждебного отношения народа, скрылись в лесу. Друэ и Гильому удастся, однако, пробираясь по известным им тропинкам, избежать гусарских патрулей; но карету короля они догоняют уже только в городе Варение, где она задержалась вследствие непредвиденного обстоятельства, так как в условленном месте, в Верхнем городе, по ею сторону реки, не оказалось ни подставных лошадей, ни конвоя гусаров. Тогда Друэ, пользуясь остановкой кареты, заезжает окольной улицей вперед и едва успевает забежать к одному приятелю, кабатчику: «Хороший ты патриот?» — «Еще бы!» — «Так бежим задержать короля!»...

Друэ и его товарищи заставили тогда путешественников, несмотря на их протесты, выйти из экипажа, и в ожидании, пока чиновники муниципалитета соберутся для проверки паспорта, короля и его семью ввели в комнату при бакалейной лавке некоего Соса.

Там короля уже окончательно признал один живший в Варенне бывший судья, и королю пришлось отказаться от своей роли лакея при «госпоже Корф» (с паспортом госпожи Корф, добытым через русского посла, ехала королева Мария-Антуанетта).

Со свойственной ему изворотливостью Людовик XVI начал тогда же ссылаться в оправдание своего бегства на то, что его семье грозила в Париже опасность со стороны герцога Орлеанского. Но народ не поддался обману. Он сразу понял планы и измену короля. В Варенне забили в набат, и звуки колоколов разнеслись среди ночи из Варенна по окрестным деревням. На их призыв стали сбегаться отовсюду крестьяне, вооруженные вилами и дубинами. Они и сторожили короля в ожидании рассвета. У дверей лавки часовыми стояли два крестьянина с вилами.

Тысячами стекались крестьяне всю ночь и все следующие дни на дорогу между Варенном и Парижем, мешая передвижению гусаров и драгун Буйе, на которых король рассчитывал для своего бегства. В Сент-Менегу забили в набат уже тотчас после отъезда королев-

ской кареты; то же самое было и в Клермоне. В Сент-Менегу народ даже обезоружил драгун, явившихся сопровождать короля, и теперь братался с ними. В Варение 60 немецких гусаров, прибывших туда 21-го, чтобы охранять короля до его встречи с Буйе, и стоявших в Нижнем городе, по ту сторону Эр, под командой подпоручика Рорига, почему-то не показывались. Их офицер даже исчез, и о нем никогда больше ничего не узнали. Что же касается солдат-гусаров, то они целый день пили с жителями (которые не обижали их, а, наоборот, старались братским отношением привлечь на свою сторону), и теперь, ночью, они не проявили к королю никакого участия. Некоторые из них пили с народом и кричали: «Да здравствует нация!» Тем временем все городское население, поднятое на ноги набатом, сбегалось к лавке Соса.

Все пути к Варенну были немедленно забаррикадированы, чтобы помешать уланам Буйе войти в город. А с рассветом в толпе начали раздаваться крики: «В Париж! В Париж!»

Крики еще более усилились, когда около

10 часов утра прискакали два комиссара, посланные — один Собранием, а другой Лафайетом, чтобы задержать короля и его семью. «Пусть они едут! Пусть непременно едут! Мы силой втащим их в экипаж!» — в ярости кричали крестьяне, которые отлично понимали, что Людовик XVI старается только выиграть время до прибытия уланов Буйе. Тогда, уничтожив предварительно компрометирующие бумаги, которые он увозил с собой, король и его семья решили, наконец, что им ничего не остается, как подчиниться толпе и отправиться в путь.

Народ вез их пленниками в Париж. Королевская власть погибала, и погибала с позором.

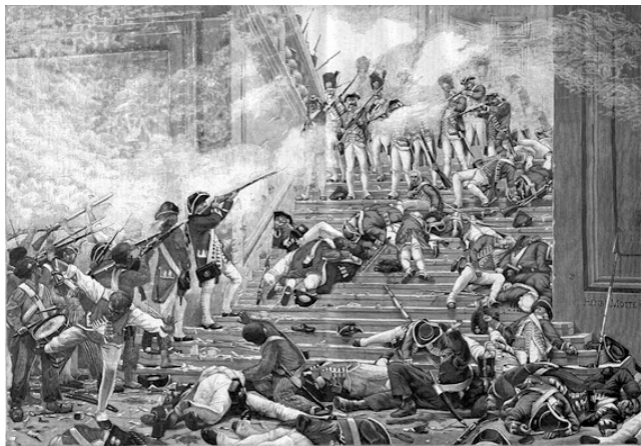
14 июля 1789 г. королевская власть потеряла Бастилию, свой оплот, свою крепость; но за ней оставалась ее нравственная сила, ее обаяние. Три месяца спустя, 6 октября, король сделался заложником революции; обаяние пострадало, но монархический принцип продолжал еще жить. Король, вокруг которого группировались имущие классы, еще обладал громадной силой. Даже якобинцы не реша-

лись нападать на него.

Но в эту ночь, которую король, переодетый лакеем, провел под стражей крестьян в лавке деревенского лавочника в обществе патриотов, при свете сальной свечки, вставленной в фонарь, в эту ночь, когда кругом били в набат, чтобы помешать королю передаться иностранцам и изменить своему народу, когда крестьяне сбежались, чтобы вернуть его пленником в руки парижского народа, в эту ночь королевская власть рушилась навеки. Король, бывший когда-то символом национального единства, терял теперь всякое значение, становясь символом международного объединения тиранов против народов. Это падение отразилось даже на всех тронах Европы.

Вместе с тем народ выступал на сцену, чтобы толкать вперед политических вожаков. Друг, действующий по собственной инициативе и разрушающий все планы политических мудрецов, этот крестьянин, по собственному вдохновению пускающий вскачь свою лошадь по горам и долам в погоню за королем, — это символ самого народа, который с

этой минуты во все критические моменты революции будет брать дело освобождения в свои руки и руководить политиками.

10 августа 1792 года

Вторжение народа в Тюильри 20 июня 1792 г., нападение парижских предместий на Тюильри 10 августа 1792 г., низвержение короля и все последующее — все эти великие события теперь будут вытекать одно из другого с исторической неизбежностью.

План короля, когда он решился бежать, состоял в том, чтобы стать во главе войска, находившегося под начальством Буйе, и при поддержке немецкой армии идти на Париж. Что думали делать роялисты, когда столица будет завоевана ими, это теперь известно в точности. Все патриоты были бы арестованы: списки для этого были уже заготовлены. Одни из патриотов были бы казнены, другие — сосланы или посажены в тюрьму. Затем были бы отменены все декреты, изданные Собранием для установления конституции или против духовенства; восстановлен был бы старый порядок с его сословиями и классами, и вновь введены были бы при помощи вооруженной силы и казней десятины для духовенства, феодальные повинности для помещиков, право охоты и вообще все феодальные права старого времени.

Таков был план роялистов, и они даже не скрывали его. «Погодите, господа патриоты, — говорили они повсюду, — скоро вы заплатите за все ваши преступления!»

Народ, как мы видели, разрушил этот план. Король, задержанный в Варенне, был

привезен в Париж и отдан под надзор патриотов из парижских предместий.

Казалось бы, что теперь революция должна была двинуться вновь исполинскими шагами по пути своего неизбежного развития. Раз измена короля доказана, что же оставалось, как не объявить его низложенным, уничтожить старые, феодальные учреждения и ввести демократическую республику?

Но ничего этого не произошло. Напротив того, через месяц после Вареннского бегства восторжествовала реакция и буржуазия поспешила вновь выдать королевской власти отпускную ее преступлений и свидетельство о неприкосновенности.

Народ сразу понял истинное положение дел. Он понял, что оставить короля на престоле, как ни в чем не бывало, совершенно невозможно. Водворенный снова во дворец, он опять примется за заговоры и еще более усердно поведет тайные переговоры с Австрией и Пруссией. Раз ему невозможно выехать из Франции, он усерднее прежнего будет стараться ускорить иностранное нашествие. Это было совершенно ясно, тем более что король

ничему не научился из опыта, пережитого им. Он продолжал отказывать в своей подписи декретам, направленным против духовенства и помещичьих прав. Низложить его теперь же становилось, следовательно, необходимостью.

Народ в Париже и в значительной мере в провинциях так и понял дело. В Париже на другой же день после 21 июня принялись уничтожать бюсты Людовика XVI и стирать королевские надписи. Толпа наводнила Тюильри; на открытом воздухе прямо говорили против королевской власти, требовали низложения короля. Когда герцог Орлеанский вздумал проехаться по Парижу с улыбкой на устах в надежде выловить себе корону, от него холодно отвернулись: народ больше не хотел никакого короля. Кордельеры открыто требовали в своем клубе республики и подписали адрес, в котором единогласно объявляли себя врагами королей, «тираноубийцами». Городское управление Парижа сделало заявление в том же смысле. Парижские секции объявили себя в непрерывном заседании; люди в шерстяных колпаках и с пиками вновь по-

явились на улицах; чувствовался канун нового 14 июля. И народ действительно готов был вступить в действие, чтобы окончательно свергнуть королевскую власть.

Под влиянием толчка, данного народным движением, Национальное собрание тоже действовало решительнее. Оно стало поступать так, как будто короля больше не было. Разве бегство короля не было уже актом отречения? Собрание взяло в свои руки исполнительную власть: оно отдавало приказания министрам, вело дипломатические сношения. В течение приблизительно двух недель Франция жила без короля.

Но вдруг буржуазия меняет фронт, отрекается от того, что она делала до сих пор, и становится в открытую вражду к республиканскому движению. В том же направлении внезапно меняется и поведение Собрания. В то время как все «народные» и «братские» общества, развившиеся по всей Франции со времени революции, требуют низложения короля. Клуб якобинцев, состоящий из буржуазных государственников, отвергает в принципе республику и высказывается за сохранение

конституционной монархии. «Слово республика пугает гордых якобинцев», — говорит Реаль на трибуне в их клубе. Самые крайние из них, в том числе Робеспьер, боятся зайти слишком далеко; они не решаются высказаться за низвержение короля и, когда их называют республиканцами, говорят, что на них клеветают.

Учредительное собрание, так решительно настроенное 22 июня, вдруг берет все обратно и 15 июля поспешно выпускает декрет, в котором старается оправдать короля и выступает против его низложения — против республики. Требовать республики становится теперь преступным.

Что же такое произошло за эти 20 дней? Что заставило революционных вожаков так внезапно переменить фронт? Что убедило их в необходимости удержать Людовика XVI на престоле? Не выразил ли он раскаяния? Не дал ли он каких-нибудь гарантий в том, что подчинится конституции? Ничего подобного не было!

Все дело в том, что вожаки революции вновь увидели призрак, ужаснувший их 14

июля и 6 октября 1789 г., — призрак народного восстания. Теперь, как в 1789 г., люди с пиками опять было вышли на улицу и провинции, по-видимому, были близки к восстанию. Уже один вид тысяч крестьян, сбежавшихся при звоне набата на дорогу провожать короля в Париж, нагнал страх на имущие классы. А теперь парижский народ поднимался, вооружался и настаивал на продолжении революции. Он требовал республики, отмены феодальных прав, равенства на деле. «Аграрный закон», такса на хлеб, налоги на богатых были близки к осуществлению!

«Нет! Лучше король-изменник, лучше иностранное нашествие, чем успех народной революции!» — решили богатые.

Вот почему Собрание поспешило положить конец республиканской агитации, наскоро издав 15 июля декрет, выгораживавший короля, возвращавший ему трон и объявлявший преступником всякого, кто будет стремиться к тому, чтобы революция продолжала свое шествие.

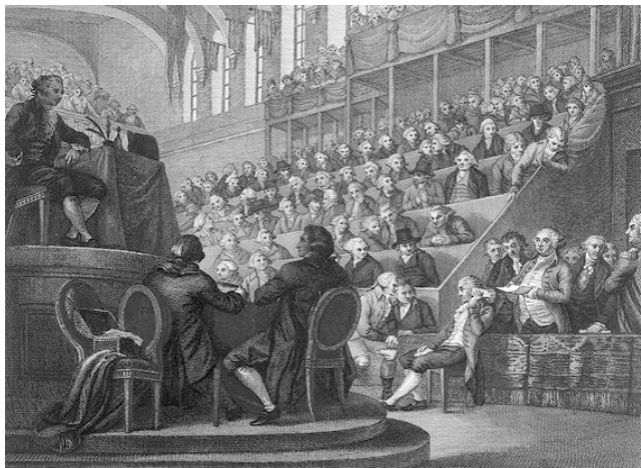
После чего якобинцы — эти якобы вожаки революции, — поколебавшись один день, от-

делились от республиканцев, которые предлагали устроить 17 июля на Марсовом поле грозную народную демонстрацию против монархии. Тогда уверенная в своей силе контрреволюция собрала буржуазную национальную гвардию под начальством Лафайета, направила ее против безоружного народа, собравшегося на Марсовом поле вокруг «алтаря отечества», где подписывалась республиканская петиция, заставила выкинуть красное знамя, т. е. объявить военное положение, и устроила избиение народа, республиканцев.

Национальный конвент

С этого момента начался период открытой реакции, проявлявшейся все резче и резче вплоть до весны 1792 г.

Республиканцы, подписавшие на Марсовом поле петицию о низложении короля, конечно, подверглись преследованиям. Дантону пришлось на время уехать в Англию (в августе 1791 г.). Робер (искренний республиканец, редактор «Revolutions de Paris»), Фрерон, а в особенности Марат вынуждены были скрываться.

Воспользовавшись моментом паники, буржуазия поспешила еще больше ограничить избирательные права народа. Собрание постановило, что для получения права быть выборщиком, нужно было, кроме платежа прямых налогов в размере 10 рабочих дней, еще владеть в собственность или в пользование недвижимым имуществом, оцененным в 150–200 рабочих дней, или же держать в аренде участок земли, стоимостью в 400 рабочих дней. Крестьяне таким образом оказались со-

вершенно лишенными политических прав.

После 17 июля стало опасным называться или даже считаться республиканцем, и скоро стали называть «развращенными людьми», «которым нечего терять и которые могут только выиграть от беспорядка и анархии», всех тех, кто требовал низложения короля и провозглашения республики. Мало-помалу буржуазия становилась все смелее и смелее; и когда 14 сентября 1791 г. король явился в Собрание, чтобы торжественно принять конституцию и присягнуть ей (в тот же самый день он изменил ей), его встретили явно роялистской демонстрацией, а парижская буржуазия устроила ему и королеве восторженную встречу.

Две недели спустя Учредительное собрание закончило свое существование, и это послужило конституционалистам новым поводом для выражения своих монархических чувств по отношению к Людовику XVI. Управление страной переходило теперь в руки Законодательного собрания, избранного на основании ограниченного избирательного права и, несомненно, более консервативного,

чем Учредительное собрание. А реакция все усиливалась! К концу 1791 г. лучшие революционеры стали совершенно отчаиваться в революции. Марат считал ее погибшей. «Революция не удалась», — писал он в своей газете «Друг народа». Он настаивал, чтобы революционеры обратились к народу, но никто его не слушал. «Стены Бастилии разрушила ведь кучка бедняков, — писал он в своей газете 21 июля. — Пусть обратятся к ним — и они снова проявят себя так же, как и в первые дни; они готовы теперь, как и тогда, бороться с тиранами. Но тогда они могли действовать свободно, а теперь они связаны». Связаны вожаками. «Патриоты не смеют более показаться на улицу, — писал тот же Марат 15 октября 1791 г. — а враги свободы наполняют трибуны Сената (т. е. Законодательного собрания) и находятся повсюду».

Вот во что обращалась революция по мере того, как реакция одерживала верх.

Те же слова отчаяния повторял Камилл Демулен в Якобинском клубе 24 октября 1791 г. «Реакционеры, — говорил он, — обратили в свою пользу июльские и августовские движе-

ния 1789 г. Придворные фавориты, чтобы обмануть народ, говорят теперь о народном верховенстве, о правах человека, о равенстве всех граждан и наряжаются в мундиры национальной гвардии, чтобы получить или даже купить места офицеров этой гвардии. Вокруг них собрались те, кто поддерживает трон. Демоны аристократии проявили адскую ловкость»...

Революционная Франция

Сама королева в переписке со своим другом Ферзенем, через которого она подготовляла иностранное нашествие и вступление немецких войск в столицу, сама королева отмечала «заметную перемену в Париже». Народ не читает больше газет. «Их занимает только дороговизна хлеба и декреты», — писала она своему другу 31 октября 1791 г.

Дороговизна хлеба — и декреты! Хлеб, необходимый для того, чтобы жить и продолжать революцию; его не хватало уже с октября! И декреты, направленные против священников и эмигрантов, которые король отказывался утверждать! Стало быть, дух революции еще был жив в народе.

Но измена была повсюду, и теперь уже известно, что в это самое время, т. е. в конце 1791 г., Дюмурье — жирондистский генерал, командовавший войсками на востоке Франции, уже был в заговоре с королем. Он послал ему тайную записку о средствах остановить революцию! Эта записка была найдена после взятия Тюильри в железном шкафу Людовика XVI.

19 августа

МЫ видели, каково было положение Франции летом 1792 г.

Революция продолжалась уже свыше трех лет, и возврат к старому порядку стал уже невозможен. Если феодальный строй и существовал еще по закону, на практике крестьяне его не признавали; они не платили повинностей, захватывали земли духовенства и эмигрантов, а во многих местах отбирали обратно земли, отнятые в прежние времена у деревенских общин. В деревенских муниципалитетах они считали себя хозяевами.

То же самое происходило и с государственными учреждениями. Все административное здание, казавшееся при старом укладе таким грозным, рухнуло. Кто думал теперь об интенданте, о его жандармерии, о судьях старых парламентов! Муниципалитет, захваченный санкюлотами, местное народное общество, первичное собрание избирателей, народ, вооруженный пиками, — вот что представляло теперь новую силу в довольно значительной части Франции.

Общий вид страны, весь дух населения: его язык, нравы, понятия — все изменилось под влиянием революции. Народилась новая нация, и эта нация по своим политическим и социальным понятиям совершенно не походила на то, чем она была год тому назад.

А между тем старый порядок все еще держался. Королевская власть продолжала существовать и представляла силу, готовую собрать вокруг себя всех врагов революции. Люди жили изо дня в день под каким-то временным распорядком. Возвратить королю его прежнюю власть было безумной мечтой, которую, кроме некоторых придворных фанатиков, никто уже не лелеял. Но эта власть все еще была страшно сильна — сильна возможностью приносить вред. Если она не могла уже восстановить феодальный порядок, то сколько зла она все-таки могла наделать освобожденным крестьянам в случае своего торжества, если бы в каждой деревне она стала оспаривать у крестьян завоеванные ими землю и волю! Таковы, впрочем, и были планы короля и фельянов (конституционных монархистов) — планы, которые они собира-

лись осуществить, как только партии двора удастся разделаться с теми радикалами-патриотами, кого называли якобинцами.

Что касается администрации, то мы видели, что в двух третях всех департаментов и даже в Париже департаментская и окружная (губернская и уездная) администрации были против революции; они помирились бы на всяком подобии конституции, лишь бы только она давала буржуазии возможность получить долю власти, принадлежавшей раньше королю и двору.

Войско, во главе которого стояли такие люди, как Лафайет и Люкнер, могло быть каждую минуту направлено против народа. После 20 июня Лафайет оставил свой лагерь, приехал в Париж и предложил королю помощь своего войска, чтобы разогнать общества патриотов и произвести переворот в пользу двора.

Наконец, феодальный строй, как мы видели, продолжал существовать по закону. Неплатеж крестьянами феодальных повинностей был с точки зрения закона злоупотреблением. Пусть только завтра король вернет себе

свою власть, и старый порядок вновь заставит крестьян платить все, до последнего гроша, пока они не выкупят себя из когтей прошлого; он заставит их возвратить дворянам и духовенству все захваченные или даже купленные ими земли.

Такое временное положение, очевидно, не могло продолжаться. Нельзя жить с постоянно висящим над головой мечом. Кроме того, народ со свойственным ему верным инстинктом отлично понимал, что король состоит в соглашении с немцами, идущими на Париж. В то время письменных доказательств его измены еще не было. Переписка короля и Марии-Антуанетты с австрийцами еще не была известна; и никто еще не знал в точности, как король и королева торопили австрийцев и пруссаков идти скорее на Париж, как они извещали их обо всех передвижениях французских войск, сообщали немедленно все военные секреты и предавали Францию во власть чужеземного нашествия. Обо всем этом узнали — да и то более догадались, чем узнали, — только после взятия Тюильри, когда в потайном шкафу, сделанном для Людо-

вика XVI слесарем Гаменом, были найдены некоторые бумаги короля. Но измену скрыть нелегко, и тысячи признаков, которые так легко улавливают люди из народа, указывали на то, что двор был в соглашении с немцами и звал их во Францию.

И вот в Париже и кое-где в провинции укреплялась мысль, что решительный удар должен быть направлен на Тюильри, что старый порядок будет оставаться угрозой для Франции до тех пор, пока не будет провозглашено низложение короля.

Но для этого нужно было обратиться, как обратились перед 14 июля 1789 г., с призывом к парижскому народу, к «людям с пиками». А именно этого-то и не хотела буржуазия: этого она боялась. В писаниях того времени мы видим какой-то ужас перед «людьми с пиками». Неужели эти страшные люди опять покажутся на улицах?!

И если б этот страх перед народом был только у капиталистов! Но те же опасения разделяли и политические деятели. Робеспьер еще в июне 1792 г. высказывался против обращения к народу. «Низвержение консти-

туции не может в настоящий момент, — говорил он, — дать ничего, кроме гражданской войны, которая приведет к анархии и деспотизму». В случае свержения короля республика казалась ему невозможной. «Как! — восклицал он. — При таких губительных разногласиях нас хотят оставить вдруг без конституции, без закона!» Республика была бы, по его мнению, «произволом небольшого меньшинства» (читай — жирондистов); «в этом, — говорил он, — цель всех интриг, уже сколько времени волнующих нас». Чтобы их избежать, он предпочитал сохранить короля, примириться со всеми интригами двора! И это говорилось одним из главных якобинцев в июне, меньше чем за два месяца до 10 августа! Из боязни, чтобы движением не завладела другая партия, Робеспьер предпочитал удержать короля; он высказывался против восстания.

Только после неудачной демонстрации 20 июня и последовавшей за ней реакции, после безрассудного поступка Лафайета, явившегося в Париж и предложившего свое войско для роялистского переворота; только после того,

как немцы решились идти на Париж с целью «освободить короля и наказать якобинцев» и двор деятельно занялся военными приготовлениями к битве против населения Парижа, — только после всего этого революционные «вожди общественного мнения» решились обратиться к народу, призывая его к тому, чтобы нанести Тюильрийскому дворцу окончательный удар.

Раз это было решено, все остальное уже было сделано самим народом.

Нет сомнения, что между Дантоном, Робеспьером, Маратом, Робером, Шометтом (Лустанло умер при получении известий о бойне в Нанси) и некоторыми другими состоялось предварительное соглашение. Робеспьеру все было ненавистно в Марате: и его революционный пыл, который Робеспьер считал преувеличением, и его ненависть к богатым, и его абсолютное недоверие к политикам — все вплоть до бедной и грязной одежды этого человека, который с самого начала революции стал питаться, как питался народ, — хлебом и водой, чтобы целиком отдаться народному делу. Несмотря на это, изящный и кор-

ректный Робеспьер, а также и Дантон, пришли к Марату и его товарищам — к людям из секций, из Коммуны, чтобы сговориться с ними насчет того, как еще раз поднять народ по примеру 14 июля, на этот раз для окончательного нападения на королевскую власть. Они поняли, наконец, что, если временное положение будет продолжаться, революция погибнет, не закрепив ничего из своих дел.

Луи-Леопольд Буальи. Триумф Марата

Либо обратиться к народу — и тогда предо-

ставить ему полную свободу раздельваться, как он знает, со своими врагами и оказывать на богатых какое он сможет оказать давление, чтобы обложить и обрезать их собственность. Или же королевская власть восторжествует в борьбе — и тогда это будет победой контрреволюции и уничтожением всего, что только было сделано в направлении равенства. В таком случае белый террор 1794 г., т. е. истребление революционеров, начался бы уже в 1792 г., раньше, чем революция закрепила свои завоевания.

Итак, между некоторыми крайними якобинцами (они даже заседали в отдельном помещении), между кордельерами и людьми из народа, которые хотели нанести Тюильрийскому дворцу решительный удар, состоялось соглашение. Но раз это было сделано, раз «вожди общественного мнения» обещали более не противиться народному движению, а наоборот, решили поддержать его, все остальное было предоставлено народу, который понимал лучше, чем партийные вожди, необходимость предварительного соглашения в момент, когда революции предстояло сделать

решительный шаг.

Раз установилось такое соглашение и выяснилась общность одной идеи, Великий неизвестный — народ принялся за подготовку восстания и самостоятельно создал ввиду потребностей минуты род организации по секциям, признанной нужной для придания движению необходимой связности. Подробности были предоставлены организаторскому духу самого населения предместий; и когда 10 августа солнце восходило над Парижем, никто не мог бы предсказать, чем кончится этот знаменитый день. В обоих батальонах федератов, явившихся из Марселя и Бреста, хорошо организованных и вооруженных, насчитывалось не больше тысячи человек, и никто, кроме тех, кто работал в предыдущие дни и ночи в раскаленной атмосфере предместий, не мог бы сказать, поднимается ли масса населения этих предместий или нет.

«Где же были обычные вожаки? Что они делали? — спрашивает Луи Блан, этот обожаемый Робеспьера, и отвечает: ничто не указывает на то, какова была в эту решающую ночь роль Робеспьера и играл ли он какую-нибудь

роль». Дантон тоже, по-видимому, не принимал деятельного участия ни в подготовке восстания, ни в самой битве 10 августа...

Таким образом возникла из недр народа и взяла на себя руководство движением новая Коммуна — революционная Коммуна. И мы увидим, какое могущественное влияние оказала она на весь последующий ход событий, как она господствовала над Конвентом и толкала на революционное дело членов Горы, чтобы упрочить по крайней мере те завоевания, которые уже сделаны были революцией.

Подробно рассказывать о событиях 10 августа было бы излишне. Драматическая сторона революции лучше всего рассказана у историков, и мы находим у Мишле и Луи Блана превосходные описания событий. Я ограничусь поэтому тем, что напомним лишь главные из них.

С тех пор как город Марсель решительно высказался за низложение короля, петиции и адреса в пользу низложения стали поступать в Собрание из разных мест. В Париже 42 секции высказались в том же смысле. 4 августа Петион, мэр Парижа, даже явился в Собрание,

чтобы выразить желание секций.

Что касается до политических деятелей Национального собрания, то они, по-видимому, не отдавали себе отчета в серьезном положении дел и в то время, как в письмах из Парижа (госпожи Жюльен) от 7 и 8 августа мы читаем: «На горизонте собирается страшная гроза», «горизонт теперь насыщен парами, от которых должен произойти страшный взрыв». Собрание в ночном заседании оправдало Лафайета, которого некоторые члены хотели осудить за его письмо, точно никакого взрыва негодования против королевской власти вовсе не было.

Парижский народ тем временем готовился к решительной битве. У революционных комитетов хватило, однако, достаточно здравого смысла, чтобы не назначать восстания на определенный день. Они только зорко наблюдали за изменчивым состоянием умов, старались поднять настроение и поджидали момент, когда можно будет обратиться с призывом к оружию. Была, по-видимому, попытка вызвать движение 26 июля, для чего был устроен банкет на развалинах Бастилии, в ко-

тором приняло участие все население предместья, принесшее свои столы и свою провизию. В другой раз попробовали поднять народ 30 июля, но и это тоже не удалось.

Восстание в Париже

Приготовления к восстанию, в которых «вожди общественного мнения» участвовали очень мало, могли бы еще затянуться, если бы дворцовые заговорщики сами не ускорили

событий. Роялисты рассчитывали на помощь придворных, клявшихся умереть за короля, на несколько батальонов национальной гвардии, оставшихся верными двору, и на швейцарцев, державших караулы во дворце. Они были уверены в победе. Для своего государственного переворота они избрали день 10 августа. «Это был день, назначенный для контрреволюции, — читаем мы в письмах того времени, — на другой день во всей Франции якобинцы должны были оказаться потопленными в своей собственной крови».

Секции это узнали, и тогда в ночь с 9-го на 10-е, в полночь, в Париже ударили в набат. Сначала набат как будто не произвел нужного действия, и в Коммуне стали даже поговаривать, не отложить ли восстание. В семь часов утра некоторые кварталы были еще совершенно спокойны. На самом же деле парижский народ с его удивительным революционным чутьем, вероятно, не решался начать в темноте битву с королевскими войсками, так как она могла кончиться паникой и поражением.

Тем временем ночью революционная Ком-

муна (т. е. новый, революционный Совет Коммуны) вступила во владение городской ратушей. Она явилась в ратушу, сменила прежний, «законный» Совет Коммуны, который уступил свое место новой революционной силе, и тотчас же придала всему движению новую энергию.

Около семи часов утра люди с пиками, руководимые марсельскими федератами, первые показали на площади Карусель, подступая к дворцу.

Час спустя заколыхалась и вся толпа. Во дворец к королю прибежали с вестью, что «весь Париж» идет на Тюильри.

И это был действительно весь Париж, но особенно весь Париж бедноты, при поддержке национальной гвардии из рабочих и ремесленных кварталов.

Тогда, около половины девятого, король, у которого еще свежо было в памяти воспоминание о 20 июня и заговорила боязнь быть убитым народом, покинул Тюильри по совету своих придворных и направился пешком через сад искать убежища в Собрании, представляя своим приверженцам защищать дво-

рец и избивать нападающих. И как только король ушел, целые батальоны буржуазной национальной гвардии из богатых кварталов понемногу разошлись, избегая вооруженной встречи с поднявшимся народом.

Густая толпа народа быстро наводнила окрестности Тюильри, и те из толпы, кто был впереди, ободренные швейцарцами, которые при виде народных масс начали выбрасывать из окон дворца свои патроны, проникли в один из дворов Тюильри. Но в этот же момент другие швейцарцы, стоявшие под командой придворных офицеров на большой входной лестнице дворца, открыли огонь по народу и повалили в упор в несколько минут убитыми и ранеными у подножия лестницы больше 400 человек.

Это избиение решило исход движения. Теперь со всех сторон к Тюильри повалили толпы народа с криками: «Измена! Смерть королю! Смерть австриячке!» Все население предместий Сент-Антуан и Сен-Марсо массами двинулось ко дворцу, и швейцарцы, на которых народ набросился с ожесточением, были обезоружены или убиты.

Нужно ли напоминать о том, что даже в этот решающий момент Собрание колебалось и не знало, что предпринять. Оно начало действовать только тогда, когда вооруженный народ ворвался в залу заседаний, грозя убить тут же короля и его семью, а также и тех депутатов, которые не решались высказаться за низложение короля. Даже тогда, когда Тюильрийский дворец был уже взят и королевская власть фактически перестала существовать, жирондисты, некогда так любившие говорить о республике, не осмеливались предпринять ничего решительного. Верньо потребовал только временного отрешения главы исполнительной власти; его предлагалось теперь переселить в Люксембургский дворец. Так и было сделано.

Только два или три дня спустя революционная Коммуна перевезла Людовика XVI и его семью в башню Тампль, чтобы держать его там в качестве пленника.

Королевская власть была, таким образом, фактически уничтожена. Законодательному собранию оставалось только подчиниться. Теперь революция могла на некоторое время

свободно развиваться, не боясь, что ее внезапно остановит переворот со стороны роялистов, избиение революционеров и водворение белого террора.

Для политиков главный интерес 10 августа заключается в том, что в этот день был нанесен удар королевской власти. Для народа же этот день был главным образом днем уничтожения той силы, которая противилась осуществлению декретов, направленных против феодальных прав, против эмигрантов и против священников, и ради этого призывала себе на помощь немецкое нашествие. Это был день торжества народных революционеров, торжества народа, получившего теперь возможность вести революцию вперед, в направлении равенства — всегдашней мечты и цели народных масс. И действительно, уже на другой день после 10 августа Законодательное собрание, при всей своей трусости и реакционности, издало под внешним давлением несколько декретов, двинувших революцию вперед.

На основании этих декретов всякий неприсягнувший священник, который не

принес бы в течение двух недель присягу конституции и после этого был бы найден на французской территории, подлежал ссылке в Кайенну.

Все имущества эмигрантов во Франции и в колониях конфисковались и подлежали продаже мелкими участками; этого особенно добивались крестьяне, и этому противилось Законодательное собрание.

Всякое различие между «пассивными» (бедными) и «активными» (имущими) гражданами было отменено. Все граждане становились избирателями, когда достигнут 21 год, и избираемыми — в 25 лет.

Что касается феодальных прав, то мы видели, что Учредительное собрание издало 15 марта 1790 г. возмутительный закон, по которому все феодальные повинности рассматривались как представляющие собой стоимость известного участка земли, уступленного когда-то собственником арендатору (что было совершенно неверно), а потому должны были выплачиваться сполна, пока они не будут выкуплены.

Смешивая в одно повинности личные (вы-

текавшие из крепостного права) и повинности земельные (вытекавшие из аренды), этот декрет отменял, в сущности, постановление 4 августа 1789 г., в силу которого уничтожились все личные повинности. С декретом 15 марта 1790 г. эти повинности возрождались под видом обязательств, связанных с владением землей. На это очень справедливо указал уже Кутон в докладе, прочитанном в Собрании 29 февраля 1792 г.

Только 14 июня 1792 г., т. е. незадолго до 20 июня, когда нужно было снискать расположение народа, левая сторона, и только воспользовавшись случайным отсутствием нескольких членов правой, провела отмену без выкупа некоторых личных феодальных прав, а именно всех единовременных платежей (casuels), взимаемых помещиком при получении крестьянином наследства, или свадьбе, а также за виноградный пресс, за мельницу, общую печь и т. д., которые мог держать только помещик.

Итак, после трех лет революции добиться от Собрания отмены этих возмутительных платежей удалось только ловким маневром!..

Междоусобица. Измена

Парижский народ, оплакивая своих убитых, громко требовал справедливого наказания виновников избиения около Тюильрийского дворца.

1000 человек, по словам Мишле, 3 тыс. по слухам, ходившим в то время, были убиты защитниками дворца. Особенно пострадали люди с пиками, беднота предместий. Они толпой бросались на осаду Тюильри и падали под пулями швейцарцев и дворян, которые стреляли из-за толстых стен.

Нагруженные трупами телеги направлялись к предместьям, рассказывает Мишле, и там мертвых выкладывали для распознавания. Толпа окружала их, и крики мести мужчин смешивались с рыданиями женщин.

Вечером 10 августа и на следующий день народный гнев обрушился в особенности на швейцарцев. Некоторые швейцарцы, выбросив свои патроны за окно, тем самым как бы пригласили толпу во дворец; кроме того, в тот момент, когда швейцарцы, поставленные на главной лестнице, открыли по толпе ча-

стый и убийственный огонь, народ как раз пытался брататься с ними.

Скоро, однако, народ понял, что для того, чтобы добраться до зачинщиков убийства, нужно направить удары выше — на короля, на королеву, на весь «австрийский комитет» Тюильрийского дворца.

Но Собрание покрывало своей властью именно короля, королеву и их приверженцев. Правда, король, королева, их дети и близкие были заперты в башне Тампль: Коммуне удалось добиться от Собрания их перевода в эту тюрьму, заявив, что она слагает с себя всякую ответственность за то, что может произойти, если они останутся в Люксембургском дворце. Но в сущности ничего еще не было сделано; все осталось в том же положении, вплоть до 4 сентября.

10 августа Собрание отказалось даже объявить Людовика XVI низложенным. Под влиянием жирондистов оно ограничилось тем, что провозгласило его временное отрешение и поспешило назначить гувернера наследнику престола. И вот теперь, 19 августа, 130 тыс. немцев наступали на Париж, чтобы уничто-

жить конституцию, восстановить неограниченную власть короля, отменить все декреты обоих Собраний и предать смерти якобинцев, т. е. всех революционеров.

Понятно, каково должно было быть при таких условиях состояние умов в Париже. Под видом внешнего спокойствия в предместьях начиналось мрачное, глухое волнение. После купленной такой дорогой ценой победы над Тюильри в рабочих кварталах чувствовали, что Собрание изменяет и что изменяют даже революционные «вожди общественного мнения», которые также колеблются и не хотят решительно высказаться против короля и монархии.

Каждый день на трибуну Собрания, в заседания Коммуны, в печать доставлялись новые доказательства заговора, подготовлявшегося в Тюильри перед 10 августа и продолжавшегося еще и теперь как в Париже, так и в провинции. Но Собрание ничего не предпринимало, чтобы покарать виновных и помешать возобновлению их заговоров.

С каждым днем вести с границы становились все тревожнее и тревожнее. Войска, как

нарочно, были выведены из пограничных крепостей; ничего не было сделано, чтобы остановить нашествие неприятеля. Ясно было, что малочисленным французским войскам под предводительством сомнительных генералов никогда не остановить немецких войск, вдвое более многочисленных, хорошо обученных и находящихся под командой генералов, пользующихся доверием своих солдат. Роялисты уже высчитывали день и час, когда немецкое войско подступит к воротам Парижа.

Масса населения понимала всю опасность положения. Все, что было в Париже молодого, сильного, вдохновленного республиканским воодушевлением, спешило записаться в волонтеры и летело к границе. Воодушевление доходило до героизма. Деньги, всевозможные патриотические пожертвования сыпались в комитеты, где записывались новобранцы.

Но к чему все это самопожертвование, когда каждый день приносит с собой вести о новых изменах и когда все эти измены в конце концов связаны с королем и королевой, которые продолжают из Тампля управлять всеми

ниями заговора? Несмотря на строгий надзор со стороны Коммуны, Мария-Антуанетта знает обо всем, что происходит на воле. Ей известен каждый шаг немецких войск, и когда в Тампль приходят рабочие, чтобы вставить решетки в окна, она говорит им: «К чему это? Через неделю нас здесь не будет». И действительно, роялисты ожидают, что 5 или 6 октября в Париж войдут 80 тыс. пруссаков.

К чему вооружаться, к чему спешить к границе, когда Законодательное собрание и партия, стоящая у власти, — открытые враги республики? Они делают все возможное для сохранения власти короля. Не дальше как за две недели до 10 августа, т. е. 24 июля, жирондист Бриссо не громил ли кордельеров, стремившихся к республике, и не требовал ли он, чтобы меч закона покарал их? А теперь, после 10 августа, Клуб якобинцев — место собрания зажиточной буржуазии — хранит упорное молчание вплоть до 27 августа о самом главном вопросе, волнующем народ: «Будет, или не будет сохранена королевская власть, опирающаяся на немецкие штыки?»

Бессилие правителей, малодушие «вождей

общественного мнения» в такую опасную минуту неизбежно должны были довести народ до отчаяния. И только читая газеты того времени, воспоминания и частные письма, писанные в эти дни, только переживая волнения, пережитые Парижем с момента объявления войны, можно понять всю глубину отчаяния городского населения. Вот почему мы приведем здесь вкратце главные факты.

В момент объявления войны Лафайета все еще превозносили до облаков, особенно в среде буржуазии; все радовались, что ему поручено было верховное командование войсками. Правда, после избиения на Марсовом поле в июле 1791 г. на его счет возникли кое-какие подозрения, нашедшие отклик в речи Шабо, произнесенной в Собрании в июне 1792 г. Но Собрание заклеило Шабо именем дезорганизатора и изменника и заставило его замолчать.

Но вот через несколько дней, 18 июня. Собрание получило от Лафайета знаменитое письмо, в котором он обличал якобинцев и требовал закрытия всех клубов. Письмо это пришло через несколько дней после удаления

королем жирондистского министерства («якобинского», как тогда говорили), и это совпадение казалось знаменательным. Собрание, однако, не обратило на это внимания и выразило сомнение в подлинности письма; народ же вполне естественно стал подозревать, не находится ли само Собрание в заговоре с Лафайетом?

Между тем брожение все росло, и наконец 20 июня произошло первое движение. Народ, прекрасно организованный по секциям, наводнил Тюильри. Движение кончилось, как мы видели, довольно скромно; но буржуазия была напугана, и Собрание ударилось в полную реакцию, издав декрет, направленный против всяких сборищ. Затем 23 июня приезжает Лафайет. Он является в Собрание, признает письмо от 18 июня своим и подтверждает его. В резких выражениях он порицает движение 20 июня и еще более резко обличает всех якобинцев. Люкнер, командующий другой армией, присоединяется к Лафайету в осуждении 20 июня и в выражении верноподанных чувств к королю. Затем Лафайет разъезжает по Парижу «в сопровождении 600 или

800 офицеров из парижского войска, окружающих его экипаж».

Теперь мы знаем из обнародованных с тех пор документов, зачем Лафайет приезжал в Париж. Он приезжал, чтобы убедить короля дать себя похитить, а затем поставить его под защиту войска. Теперь это достоверно известно; но и тогда уже к генералу начинали относиться с подозрением. В Собрание было даже внесено 6 августа предложение о предании его суду; но большинство, как мы видели, высказалось в его пользу. Лафайет торжествовал; но что же должен был думать об этом народ...

Между тем наступает 10 августа. Парижский народ, организованный по секциям, овладевает движением. Он назначает революционным путем свой Совет Коммуны для придания восстанию большего единства. Он изгоняет короля из Тюильри, с боя берет дворец, и Коммуна заключает короля в башню Тампль. Но Законодательное собрание остается, и оно скоро становится местом собрания всех роялистских элементов.

Буржуа-собственники сразу замечают, что

движение приняло народный характер, что оно идет в направлении равенства, и они еще больше начинают держаться за короля. Тысячи планов создаются тогда с целью передать престол или ребенку-наследнику (так и было бы сделано, если бы мысль о регентстве Марии-Антуанетты не внушала всеобщего отвращения), или какому-нибудь другому французскому или даже иностранному претенденту. Так же, как и после вареннского бегства, заметно усиливаются чувства, благоприятные для королевской власти, и в то время как народ громко требует определенных заявлений против монархии, Собрание, как и всякое подобное собрание парламентских политиков, боится скомпрометироваться, не зная еще, кто и что одержит верх. Оно склоняется скорее к монархии и старается задержать дымкой старые преступления Людовика XVI, противодействуя всякой попытке изобличить их, что, конечно, должно было случиться, если бы началось серьезное исследование для открытия соучастников короля в заговоре...

Собрание решается уступить только тогда, когда Коммуна грозит ударить в набат, а сек-

ции заговаривают о массовом избиении роялистов. 17 августа оно решается, наконец, назначить уголовный суд из восьми судей и восьми присяжных, избранных представителями секций. Этому суду предлагается, однако, не углубляться в расследование тех конспирации, которые велись в Тюильри раньше 10 августа, а ограничиться разысканием виновников событий этого дня...

Наконец, обнаруживается измена в войске, которую давно можно было предвидеть. 22 августа узнают об измене Лафайета. Он сделал попытку увлечь за собой свое войско и повести его на Париж. В сущности, этот план созрел у него уже давно; еще тогда, когда он явился 20 июня в Париж, чтобы нащупать почву. Теперь он наконец сбросил с себя маску. Он велел арестовать троих комиссаров, присланных к нему Собранием, чтобы сообщить армии о революции 10 августа. Старая лисица Люкнер тоже выразил ему свое одобрение.

К счастью, войско Лафайета не последовало за своим генералом, и 19 августа ему пришлось в сопровождении своего генерального

штаба бежать за границу в надежде добраться до Голландии. Но тут он попался в руки австрийцам, которые отправили его в тюрьму. Даже с ним они обращались очень сурово; и это показывает, как намеревались австрийцы поступить с революционерами, если бы они попались им в руки. Муниципальных служащих из патриотов, которых захватили австрийцы, они тут же казнили как мятежников, а некоторым из них австрийские уланы отрезали уши и приколотили их ко лбу.

На следующий день пришло известие, что город Лонгви, обложенный неприятельскими войсками 20-го, тотчас же сдался, и в бумагах его коменданта Лаверня нашли письмо, в котором от имени Людовика XVI и герцога Брауншвейгского ему предлагалось изменить.

Итак, надеяться на армию больше нельзя было, и если только не рассчитывать на чудо, то остановить вторжение было уже невозможно...

Буржуазия со своей стороны ясно поняла это новое направление революции, которого выразительницей являлась теперь Парижская коммуна. Вот почему Законодательное

собрание, представлявшее главным образом буржуазию, так упорно стремилось подорвать влияние Коммуны.

Уже 11 августа, когда даже пожар в Тюильри не успел еще погаснуть и трупы убитых в бою еще валялись во дворах дворца, Собрание издало распоряжение об избрании для Парижа новой департаментской директории, которую оно думало противопоставить Коммуне. Коммуна отказалась исполнить это приказание, и Собранию пришлось уступить; но борьба продолжалась — глухая борьба, в которой жирондисты то пытались вооружить секции против Коммуны, то добивались роспуска Генерального совета Коммуны, избранного революционным путем в ночь 9 августа, — жалкие интриги перед лицом неприятеля, который с каждым днем все ближе подходил к Парижу, предаваясь по пути отчаянному грабежу.

24 августа в Париже получилось известие о том, что город Лонгви сдался без боя, и дерзость роялистов еще более возросла. Они торжествовали победу. Они ожидали, что другие города последуют примеру Лонгви, и уже

предсказывали, что их немецкие союзники вступят в Париж через неделю. Заранее для них готовили помещения. Роялисты устраивали сборища вокруг Тампля, а королевская семья вместе с ними приветствовала победы немцев. Но ужаснее всего было то, что люди, взявшие на себя управление Францией, не имели сил предпринять что бы то ни было, чтобы помешать сдаче Парижа вслед за сдачей Лонгви. Комиссия двенадцати, которая должна была составлять ядро действия в Собрании, впала в уныние; а жирондистское министерство — Ролан, Клавьер, Серван и другие — предлагало бежать. Их план был удалиться в Блуа или куда-нибудь еще дальше на юг, предоставив революционный народ Парижа ярости австрийцев, герцога Брауншвейгского и эмигрантов.

Сентябрьские дни

Набат раздавался по всему Парижу, на улицах барабанщики били тревогу, каждые четверть часа мерно раздавались три пушечных выстрела, возвещавшие, что отечество в опасности. Волонтеры, отправлявшиеся в бой на границу, проходили с песнями по улицам — и все это вместе взятое в это воскресенье, 2 сентября, доводило до ярости народный гнев против изменников, призвавших иностранные войска себе на помощь.

С полудня или с двух часов дня вокруг тюрем, куда поместили арестованных за последние дни роялистов, стали появляться собрания народа. Около половины третьего, когда недалеко от тюрьмы Аббатства показалось несколько закрытых экипажей, в которых перевозили арестованных священников из мэрии в тюрьму Аббатства, их было 24, на них напало несколько волонтеров, пришедших с юга Франции (из Марселя или Авиньона). Четверо священников было убито, не доезжая до тюрьмы, и двое — при входе в тюрьму, у ее дверей. Остальные были введены в здание

Аббатства, но их едва успели подвергнуть самому краткому допросу, как двери тюрьмы взломала толпа, вооруженная пиками, шпагами и саблями, и убила всех священников, за исключением аббата Пикара, учителя глухонемых, и его помощника.

Так начались убийства в тюрьме Аббатства — тюрьме, которая пользовалась очень худой славой среди жителей окружавшего ее квартала. Собравшиеся вокруг нее — все больше люди с известным положением, соседние мелкие торговцы — требовали немедленной смерти содержащихся здесь заговорщиков-роялистов, арестованных после 10 августа. По соседству все знали, что они сыплют золотом, пируют и свободно принимают в тюрьме своих жен и подруг. При известии о поражении французской армии у Монса в этой тюрьме была устроена иллюминация, а после взятия Лонгви здесь громко праздновали победу немцев. Арестованные роялисты осыпали прохожих оскорблениями из-за решеток и сулили всем скорое вступление пруссаков в столицу и истребление революционеров.

Весь Париж говорил о готовившемся в тюрьмах заговоре, о проносившемся туда ору- жии; все знали также, что тюрьмы стали на- стоящими фабриками фальшивых государ- ственных ассигнаций, посредством которых пытались подорвать государственный кре- дит, и фальшивых билетов филантропиче- ского учреждения для бедных «Maison de secours».

Обо всем этом говорилось в тех сборищах, которые образовались вокруг тюрем Аббат- ства, Форс и Консьержери. Скоро толпы наро- да взломали ворота этих тюрем и начали уби- вать офицеров генерального штаба, швейцар- ской гвардии дворца, королевских гвардей- цев, священников, предназначенных в ссыл- ку за отказ принести присягу конституции, и роялистов-заговорщиков, арестованных по- сле 10 августа...

В общем погибло больше 1000 человек; из них 202 священника, 26 королевских гвардей- цев, около 30 швейцарцев из их генерального штаба и больше 300 уголовных заключенных, из которых те, которых содержали в Консьер- жери, занимались в тюрьме выделкой фаль-

шивых ассигнаций. Матон де ла Варенн, который приводит в своей «Histoire particuliere» алфавитный список убитых в сентябрьские дни, дает общую цифру в 1086 человек; кроме того, еще трое неизвестных, погибших случайно. Роялистские же историки стали сочинять сказки и говорить о 8000 и даже о 12 852 убитых!

Все историки Великой революции, начиная с Бюшэ и Ру, приводят мнения разных известных революционеров об этих убийствах, и из всех их цитат вытекает одно поразительное заключение. Жирондисты, впоследствии больше всех воспользовавшиеся сентябрьскими днями для резких и упорных нападок на монтаньяров, сами оставались в эти дни безучастными зрителями, т. е. делали то самое, в чем впоследствии упрекали Дантона, Робеспьера и Коммуну. Только одна Коммуна приняла в лице своего Генерального совета и Наблюдательного комитета более или менее действительные меры для того, чтобы остановить убийства или по крайней мере ограничить и узаконить их. Все остальные действовали вяло или не считали нужным вмеша-

ваться; большинство же, когда дело было сделано, выражало одобрение. Это показывает, до какой степени, несмотря на возбуждаемый сентябрьскими убийствами протест человеческого чувства, все понимали, что они были неизбежным следствием бойни, устроенной во дворце роялистами 10 августа, и темной политики самих правителей в продолжение 20 дней, последовавших за взятием Тюильри.

Конвент. Коммуна. Якобинцы

21 сентября 1792 г открылся, наконец, Конвент — собрание, которое так часто представляли впоследствии прототипом, идеалом всякого революционного собрания. Выборы в Конвент произошли при почти всеобщей подаче голосов, с участием всех граждан, активных и пассивных, но оставались двухстепенными, т. е. граждане выбирали сперва выборщиков, а эти последние выбирали депутатов в Конвент. Такой способ избрания, конечно, был выгоден для зажиточных классов; но так как выборы происходили в сентябре, посреди всеобщего волнения, вызванного народной победой 10 августа, и многие контрреволюционеры, напуганные событиями 2 сентября, предпочли вовсе не показываться на выборах, то результаты были менее плохи, чем можно было опасаться. В Париже список Марата, в который входили имена всех известных революционеров из Клуба кордельеров и из Клуба якобинцев, прошел целиком. 525 «выборщиков», собравшихся в самый день 2 сентября в помещении Якобинского клуба,

избрали председателем и вице-председателем своего собрания Колло-д'Эрбуа (крайнего якобинца) и Робеспьера, исключили всех, подписавших роялистские петиции («8 тыс.» и «20 тыс.»), и подали голоса за список Марата.

Тем не менее «умеренный» элемент все еще продолжал господствовать, и Марат писал после первого же заседания Конвента, что если судить по качеству представителей народа, то можно отчаяться в возможности спасти общество. Он предвидел, что их сопротивление революционному духу приведет Францию к бесконечной борьбе. «Они окончательно погубят все, — писал он, — если небольшая кучка защитников народа, призванных бороться с ними, не возьмет верх и не раздавит их». Мы увидим скоро, до какой степени он был прав.

Но сами события толкали Францию к республике, и это общенародное течение было так сильно, что умеренные элементы Конвента не решились противиться потоку, уносившему королевскую власть. В первое же свое заседание Конвент единогласно провозгласил отмену монархии во Франции. Мы видели,

что Марсель и некоторые другие провинциальные города требовали республики еще до 10 августа: Париж с первого же дня выборов торжественно выставил то же требование. Клуб якобинцев также решился наконец заявить себя в пользу республики: он сделал это в заседании 27 августа после опубликования бумаг, найденных в шкафу Тюильри. Конвент осторожно последовал за Парижем. В первом своем заседании, 21 сентября 1792 г, он отменил королевскую власть; а на другой день в другом декрете он повелел, чтобы с этого дня все официальные документы помечались первым годом республики. Но самого провозглашения республики он так и не сделал.

Три ясно разграниченные партии сошлись в Конвенте: Гора, Жиронда и Равнина или, вернее, Болото (La Plaine, потом — Le Marais) Жирондисты, хотя их было меньше 200, господствовали. Они уже раньше, при Законодательном собрании, давали королю министерство (Ролана) и стремились заслужить славу «государственных людей». Состоя из людей образованных, изящных, тонких политиков, партия Жиронды представляла собой интере-

сы промышленной, торговой и земельной буржуазии, быстро создававшейся при новом порядке. При поддержке Равнины жирондисты были вначале самой сильной партией; из них и составилось первое республиканское министерство. В министерстве, попавшем во власть 10 августа, был только один представитель народной революции — Дантон; но он вышел в отставку 21 сентября, и власть осталась, таким образом, в руках одних жирондистов.

Гора, состоявшая из якобинцев, как Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон, из кордельеров, как Дантон и Марат, и пользовавшаяся поддержкой народных революционеров Коммуны, как Шометт и Эбер, еще не сформировалась в то время в политическую партию это случилось лишь позднее, под влиянием самого хода событий. Пока Гора поддерживала всех тех, кто хотел идти вперед и привести революцию к осязательным результатам, т е уничтожить королевскую власть и окончательно подорвать настроение, поддерживавшее эту власть, раздавить аристократию и политическую силу духовенства, отменить вполне фео-

дализм, упрочить республику.

Наконец, Равнину, или Болото (впоследствии его назвали также Брюхом), составляли люди колеблющиеся, без определенных убеждений, но владеющие собственностью и консерваторы по инстинкту — те самые, из кого состоит большинство всех представительных собраний. В Конвенте их было около 500. Сначала они поддерживали жирондистов, но в минуту опасности покинули их. Затем страх заставил их поддерживать крайних монтаньяров с Сен-Жюстом и Робеспьером; а позднее они стали участниками белого террора, после того как Термидорский переворот 1794 г. послал Робеспьера и его товарищей на эшафот.

Теперь, после провозглашения республики 21 сентября 1792 г., опять можно было думать, что революция сможет развиваться беспрепятственно и пойдет своим естественным путем, указанным ей самой логикой событий. Суд над королем и его осуждение, республиканская конституция взамен конституции 1791 г, неумолимая война против иностранных завоевателей и вместе с тем окончатель-

ное уничтожение того, что составляло силу старого строя: феодальных прав, власти духовенства, монархической организации провинциального управления. Отмена всех этих пережитков прошлого, естественно, вытекала из самого хода революции.

Но пришедшая к власти буржуазия, представляемая в Конвенте «государственными людьми» Жиронды, вовсе не хотела этого.

Народ низверг Людовика XVI. Но избавиться от изменника, который привел немцев к воротам Парижа, казнить его — этому Жиронда противилась всеми силами. Скорее гражданская война, чем такой решительный шаг! И это не столько из боязни мести со стороны иностранных держав, сами жирондисты настаивали на том, чтобы начать войну со всей Европой, сколько из боязни революционного движения французского народа. Главным образом боялись они революционного Парижа, который мог увидеть в казни короля начало настоящей революции.

К счастью, парижскому народу удалось в секциях и в Коммуне создать рядом с национальным представительством настоящую си-

лу, которая и явилась выразительницей революционных стремлений парижского населения и стала даже господствовать над Конвентом. Остановимся же на минуту, прежде чем приступить к описанию ожесточенной борьбы, завязавшейся в среде представителей нации, и бросим взгляд назад — на то, как создавалась эта новая сила, Парижская коммуна...

Сделавшись существенными органами общественной жизни, секции, или отделы, понятно, постарались установить между собой федеративную связь. Несколько раз в 1790 и в 1791 г. они уже назначали специальных представителей для соглашения с другими секциями ввиду совместного действия помимо официального, установленного законом Городского совета. Но ничего постоянного еще не существовало.

В апреле 1792 г., когда была объявлена война, поле деятельности секций расширилось целым рядом новых обязанностей. Им пришлось заняться записью волонтеров, рассортировкой их, патриотическими пожертвованиями, обмундировкой и продовольствием отправлявшихся на войну батальонов; за-

тем — административными и политическими сношениями с этими батальонами, заботой о семьях волонтеров и прочее, не говоря уже о непрестанной борьбе, которую им приходилось вести против роялистских интриг, мешавших их работе. При этих новых обязанностях необходимость непосредственной связи между секциями чувствовалась еще сильнее.

Когда просматриваешь теперь переписку секций и их обширное счетоводство, то приходится удивляться организаторскому духу добровольцев, которые исполняли эту работу по окончании своего трудового дня. Именно здесь видна вся глубина той почти религиозной преданности, которую внушала революция французскому народу. Не нужно забывать, что хотя каждая секция и выбирала свой военный комитет из 28 членов, но по всем важнейшим вопросам обыкновенно обращались к общим собраниям секций, происходившим по вечерам.

Легко понять и то, как люди, видевшие не в теории, а на деле все ужасы войны и близко соприкасавшиеся со страданиями, причинен-

ными народу иностранным нашествием, должны были ненавидеть виновников этого нашествия: короля, королеву, двор, бывших дворян и богатых, всех богатых вообще, так как они поддерживали двор. Столица объединялась таким путем с крестьянами пограничных департаментов в общей ненависти к защитникам престола, призвавшим во Францию чужеземные войска. Поэтому, когда явилась мысль о демонстрации 20 июня, секции взяли на себя подготовку этой демонстрации и они же подготовили нападение на Тюильри 10 августа, причем они воспользовались этой подготовительной работой, чтобы установить наконец давно желанную непосредственную связь между секциями для революционного дела...

Тюильрийский дворец был взят, и король свергнут с престола. И тотчас же новая Коммуна показала, что видит в дне 10 августа не «увенчание революции, начатой 14 июля 1789 г.», а начало новой революции, народной, совершаемой во имя Равенства. Она стала помечать свои документы «IV годом Свободы, I годом Равенства». Множество новых обя-

занностей, оказалось, было тотчас же возложено на новую Коммуну.

В последние 20 дней августа, в то время как Законодательное собрание колебалось между различными раздиравшими его роялистскими, конституционными и республиканскими течениями и обнаруживало полную неспособность подняться на высоту положения, парижские секции и Парижская коммуна сделали настоящим сердцем французского народа. Они старались разбудить республиканскую Францию, вызвать ее силы на борьбу с объединившимися королями Европы и сообща с другими коммунами внести необходимую организацию в широкое движение волонтеров 1792 г. А когда колебания Законодательного собрания, роялистские поползновения большинства его членов и их ненависть к революционной Коммуне довели парижское население до ярости сентябрьских дней, успокоение пришло опять-таки от секций и от Коммуны. Как только 4 сентября Законодательное собрание решилось, наконец, высказаться против королевской власти и различных претендентов на французский

престол и довело о своем решении до сведения секций, они, как мы видели, тотчас же объединились, чтобы положить конец убийствам, грозившим перейти из тюрем на улицу. Они обеспечили безопасность жителям.

Точно так же, когда Конвент собрался и декретировал утром 21 сентября отмену королевской власти во Франции, но еще «не осмеливался произнести решающее слово „республика“ и ожидал, по-видимому, поощрения извне», это поощрение пришло ему от французского народа. На улицах первый декрет был встречен криками: «Да здравствует республика!» — а граждане секции Четырех наций дали толчок Конвенту, явившись с заявлением, что они будут счастливы, если им придется пролить свою кровь за республику, которая в то время еще не была провозглашена и получила официальное признание Конвента только на другой день.

Парижская коммуна вырастала, таким образом, и становилась силой. С ней приходилось считаться, если не как с союзницей, то как с вдохновительницей Конвента и союзницей партии Горы.

Гора пользовалась, кроме того, поддержкой еще одной силы, выросшей за время революции — парижского Клуба якобинцев с многочисленными, примыкавшими к нему в провинции народными обществами. Правда, этот клуб вовсе не обладал тем революционным значением и тем революционным починком, какой ему так часто приписывают современные политические писатели. Клуб якобинцев не только не руководил революцией, но всегда шел за ней. Самый состав главного парижского общества, члены которого вербовались в особенности из зажиточной буржуазии, делал такое руководство невозможным. Якобинцы, совершенно правильно говорил уже Мишле, все время старались быть мудрыми политиками революции, держать в своих руках равновесие. Они не управляли революцией — они следовали за ней. Дух клуба изменялся с каждым новым кризисом. Но клуб тотчас же становился выразителем того течения, которое господствовало в данный момент среди интеллигентной, умеренно демократической буржуазии; он поддерживал это течение, влияя в желательном направлении

нии на общественное мнение в Париже и в провинции, и из него новый, водворявшийся порядок набирал главных своих чиновников. Робеспьер, представлявший, по справедливому выражению Мишле, «золотую середину Горы», хотел, чтобы якобинцы «могли служить посредниками между Собранием и улицей, поочередно пугая и успокаивая Конвент». Но он понимал, что почин будет исходить от улицы, от народа...

Правительство. Борьба в конвенте. Война

Первой заботой Конвента было не решение судьбы низвергнутого короля, а то, какая партия воспользуется победой, одержанной народом над Тюильри, кто будет управлять революцией. На этой почве и началась борьба, которая целых восемь месяцев мешала дальнейшему развитию революции, задержала вплоть до июня 1793 г. обсуждение существенных вопросов, земельного и других, и истощала энергию народа, приводя его к равнодушию и утомлению, заставлявших сердца современников обливаться кровью, как это верно понял Мишле.

10 августа после временного отрешения короля Законодательное собрание передало обязанности центральной исполнительной власти совету из шести министров, взятых вне Собрания, большей частью жирондистов. Ролан, Серван, Клавьер, Монж и Лебрен вошли в это министерство с присоединением Дантона, которого революция возвела на пост

министра юстиции. В этом совете не было постоянного президента; министры председательствовали по очереди, каждый в течение недели.

Конвент утвердил эту организацию; но вскоре Дантон, сделавшийся за это время душой национальной обороны и дипломатии и приобретший первенствующее влияние в совете, принужден был выйти в отставку вследствие нападок на него Жиронды. Он оставил министерство 9 октября 1792 г., и его место занял безличный Гара. Тогда самым влиятельным лицом в исполнительном совете стал министр внутренних дел Ролан, занимавший этот пост до января 1793 г. (он вышел в отставку после казни короля). За эти четыре с лишним месяца Ролан дал возможность группировавшимся вокруг него и вокруг его жены жирондистам проявить всю свою энергию, чтобы помешать революции развиваться в направлении, намечавшемся уже с 1789 г., а именно помешать установлению народной демократии и затормозить окончательную отмену феодального строя и приближение к уравниванию состояний. Дантон тем временем

все-таки оставался руководителем в делах дипломатии; а когда в апреле 1793 г. был назначен Комитет общественного спасения, Дантон стал настоящим министром иностранных дел в этом Комитете.

Получив власть и господствуя в Конвенте, Жиронда не сумела сделать ничего положительного. Она «ораторствовала», но ничего не делала, как очень верно заметил Мишле. У нее не хватало решимости на революционные меры, но не хватало ее и на открытую реакцию. А потому настоящая власть, почин и практическое действие оставались в руках Дантона во всем, что касалось войны и сношений с иностранными державами, и в руках Парижской коммуны, секций, народных обществ и отчасти Якобинского клуба в вопросах революционных мер внутри страны. Но бессильная в действии Жиронда яростно нападала на тех, кто действовал, особенно на «триумвират», т. е. на Дантона, Марата и Робеспьера, которых она резко обвиняла в диктаторских стремлениях на том основании, что их мнения и советы приобрели в это время большое значение. Бывали дни, когда

можно было думать, что жирондисты восторжествуют и пошлют Дантона в изгнание, а Марата — на эшафот.

Но силы революции в то время еще не иссякли, а потому все эти нападения потерпели неудачу. Они только возбудили в народе горячее сочувствие к Марату (особенно в предместьях Сент-Антуан и Сен-Марсо), усилили влияние Робеспьера на якобинцев и на демократическую буржуазию вообще и возвысили Дантона в глазах всех тех, кто любил борющуюся с королями республиканскую Францию, кто видел в нем энергичного человека, способного противостоять иноземному нашествию, разбить роялистские заговоры внутри страны и упрочить республику, хотя бы рискуя ради этого своей головой и своей политической репутацией.

С первых же заседаний Конвента жирондисты, а с ними вся правая сторона, вновь начали ту полную озлобления борьбу против Парижской коммуны, которую они вели уже в Законодательном собрании начиная с 11 августа. Жирондисты обязаны были своей властью народному восстанию, подготовленному

Коммуной, и именно на нее они обрушились теперь с такой ненавистью, какой никогда не проявляли по отношению к дворцовым заговорщикам.

Рассказывать здесь подробно обо всех этих проявлениях вражды Жиронды к Коммуне было бы слишком утомительно. Достаточно указать на некоторые из них.

Прежде всего у Коммуны и ее Наблюдательного комитета, а также у Дантона потребовали денежного отчета. Вполне понятно, что в бурные месяцы августа и сентября 1792 г. при исключительных обстоятельствах, созданных движением 10 августа и иноземным вторжением, Дантону, единственному деятельному человеку в министерстве, приходилось тратить деньги, не ведя должной отчетности, то на дипломатические переговоры с пруссаками, то для раскрытия заговора маркиза де ла Руэри в Бретани и заговоров принцев в Англии и в других местах. Очевидно также, что и Наблюдательному комитету Коммуны, когда он спешно обмундировывал и отправлял изо дня в день волонтеров на войну, трудно было вести правильное сче-

водство. И вот на это слабое место жирондисты направили первые свои удары и свои инсинуации, потребовав (уже 30 сентября) полного денежного отчета. Исполнительной власти Коммуны, т. е. ее Наблюдательному комитету удалось блестящим образом сдать все счета и оправдать свои политические акты. Но вдали от Парижа, в провинции, честность Дантона и Коммуны так и остались под сомнением, и это сомнение жирондисты вполне использовали в письмах к своим друзьям и избирателям.

Вслед затем жирондисты сделали попытку организовать для охраны Комитета контрреволюционную стражу. Они хотели, чтобы директории каждого департамента (а директории, как мы уже видели, были проникнуты реакционным духом) выслали в Париж по четыре человека пехоты и по два — кавалерии, в общем 4470 человек для охраны Конвента от возможных нападений со стороны парижского народа и его Коммуны! И только сильное волнение в секциях Парижа, назначивших для сопротивления этому решению специальных комиссаров и пригрозивших но-

вым восстанием, помешало образованию такой контрреволюционной гвардии.

Но особенно эксплуатировали жирондисты сентябрьские убийства как оружие против Дантона, шедшего в те дни рука об руку с Коммуной и секциями. Раньше, во время сентябрьских убийств, и сейчас, после них, они предлагали, как мы видели, «набросить покров» на эти события и устами Ролана почти оправдывали их (см. гл. XXXV), как оправдывали еще до того устами одного из видных своих членов, Барбару, и убийства в Гласьер, в Лионе. Теперь же они так повели дело, что 20 января 1793 г. добились в Конвенте возбуждения преследования против участников сентябрьских убийств в надежде, что при этом расследовании пострадают репутации Дантона, Робеспьера, Марата и Коммуны.

Таким образом, мало-помалу благодаря буржуазному и роялистскому течению, проявившемуся в буржуазии после 10 августа, жирондистам удалось создать в провинции враждебное настроение по отношению к Парижу, его Коммуне и всей партии Горы.

Некоторые департаменты послали даже

отряды федератов для защиты Конвента «от агитаторов, жаждущих сделаться трибунами и диктаторами», т. е. от Дантона, Марата и Робеспьера, и от парижского населения! По призыву Барбару Марсель, на этот раз Марсель «коммерсантистов», послал в Париж в октябре 1792 г. батальон федератов, составленный из богатых молодых людей торгового города, и они ходили по улицам Парижа, требуя голов Робеспьера и Марата. То были уже провозвестники термидорской реакции. К счастью, парижский народ разрушил все эти планы: он привлек и этих федератов на сторону революции.

Вместе с тем жирондисты не пропускали случая нападать непосредственно на федеральное представительство парижских секций. Им хотелось во что бы то ни стало убить революционную Коммуну, возникшую 10 августа, и в конце ноября они добились того, что были назначены новые выборы в Генеральный совет парижского городского управления. Одновременно с этим вышел в отставку жирондистский мэр Парижа Петийон. Но и здесь секции парализовали все эти интриги.

На выборах не только партия Горы получила большинство голосов, но и такой крайний, популярный в народе революционер, как Шометт, был назначен прокурором Коммуны, а редактор газеты «Pere Duchesne» Эбер сделался его помощником (2 декабря 1792 г.). Петион, не соответствовавший больше революционному настроению парижского народа, не был избран вновь, его место занял Шамбон, умеренный. Но и он остался мэром всего два месяца, и 14 февраля 1793 г. его сменил Паш.

Таким образом создалась революционная Коммуна 1793 г., Коммуна Паша, Шометта и Эбера, которая сделалась соперницей Конвента, сыграла 31 мая 1793 г. такую важную роль в изгнании жирондистов из Конвента и дала этим самым могучий толчок народной, уравнительной, антирелигиозной и иногда коммунистической революции II года Республики (1793–1794).

Главным вопросом минуты была, однако, война. От успехов армии, несомненно, зависело дальнейшее развитие революции.

Мы видели, что передовые революционеры, как Марат и Робеспьер, не хотели войны.

Но немецкое нашествие призвал двор для спасения королевской единоличной власти. Священники и дворяне усиленно толкали к войне в надежде вернуть себе утраченные привилегии, а соседние правительства видели в войне средство борьбы с революционным духом, пробуждавшимся уже и в их владениях, причем представлялся удобный случай вырвать у Франции некоторые провинции и колонии. С другой стороны, войны желали жирондисты, так как они видели в ней единственный способ добиться ограничения королевской власти, не прибегая к народному восстанию. «Вы не хотите обратиться к народу, потому-то вам нужна война», говорил им Марат. И он был совершенно прав. Жирондисты больше всего боялись народного восстания и в войне видели средство борьбы против короля.

Что касается до народа, то крестьянское население пограничных департаментов при виде приведенных эмигрантами немецких войск, скоплавшихся на Рейне и в Нидерландах, и сформированных эмигрантами отрядов поняло, что ему придется защищать с оружи-

ем в руках земли, отобранные им у дворянства и у духовенства. Вот почему, когда 20 апреля 1792 г. была объявлена война Австрии, население департаментов, соседних с восточной границей Франции, было охвачено энтузиазмом. Волонтеры записывались массами сроком на год под звуки песни «Ca ira!». Патриотические пожертвования стекались со всех сторон. Но зато во всех западных и юго-западных областях Франции население вовсе не желало войны.

К тому же для войны ничего не было подготовлено. Военные силы Франции достигали всего 130 тыс. человек, рассеянных на протяжении от Немецкого моря до Швейцарии. Притом же войска были очень плохо обмундированы и находились под командой офицеров и генеральных штабов из роялистов. Они совершенно неспособны были отразить иноземное нашествие; армии союзников неизбежно дошли бы до Парижа.

У Дюмурье и Лафайета возник было смелый план занять Бельгию, которая еще в 1790 г. сделала попытку отделиться от Австрии, но была покорена силой. Бельгийские

либералы призывали французов. Это предприятие, однако, не удалось, и с этого момента французские генералы стали держаться оборонительной тактики, тактики тем более необходимой, что Пруссия присоединилась к Австрии и немецким принцам для нападения на Францию, и эту коалицию деятельно поддерживал туринский двор, а также тайным образом и дворы петербургский и лондонский.

26 июля 1792 г. герцог Брауншвейгский, стоявший во главе армии из 70 тыс. пруссаков и 68 тыс. австрийцев, гессенцев и эмигрантов, двинулся из Кобленца, издав предварительно манифест, возбуждавший негодование по всей Франции. Он грозил сжечь те города, которые осмелятся сопротивляться, а жителей их обещал истребить как мятежников. А что касается Парижа, то если только парижане посмеют тронуть дворец Людовика XVI, они будут подвергнуты такой примерной военной экзекуции, грозил он, что она надолго останется у них в памяти.

Три немецкие армии должны были вступить во Францию и двинуться на Париж; и

действительно, 19 августа прусская армия перешла границу и завладела без битвы пограничным городом Лонгви, а затем Верденом на пути к Парижу.

Мы видели, какой энтузиазм сумела вызвать в Париже Коммуна при получении известия об этих успехах неприятеля и как она ответила на них, распорядившись перетопить свинцовые гробы богачей на пули, а колокола и бронзовые церковные принадлежности — на пушки; самые же церкви были превращены в обширные мастерские, где тысячи людей работали над изготовлением обмундировки для волонтеров под пение «Ça ira!» и могучего гимна Руже де Лиля — «Марсельезы»...

Процесс короля

Два месяца, протекших со времени открытия Конвента до предания короля суду, до сих пор остаются загадкой для истории.

Первый вопрос, который неизбежно должен был представиться Конвенту, как только он собрался, был, несомненно, вопрос о том, что делать с заключенными в Тампле королем и его семьей? Держать их там неопределенное время, пока будет оттеснен неприятель и признана народом республиканская конституция, было невозможно, особенно когда на короле висело тяжелое обвинение в заговоре, приведшем к бойне 10 августа, и призыв иностранных армий во Францию. Как может установиться республика, раз она держит у себя в тюрьме короля и его законного наследника, не решаясь вместе с тем что-либо предпринять по отношению к ним?

Последние минуты бывшего короля

Кроме того, в качестве частных лиц, увезенных из дворца и сидящих в тюрьме целой семьей, Людовик XVI, Мария-Антуанетта и их

дети становились заслуживающими сочувствия жертвами. Их страстно защищали роялисты и жалели не только буржуа, но и сами санкюлоты, державшие стражу в Тампле.

Такое положение не могло продолжаться. А между тем прошло целых два месяца, во время которых Конвент с жаром разбирал всякие другие вопросы, но не приступал к разбору первого же последствия 10 августа, т. е. судьбы короля. Задержка эта была, по нашему мнению, умышленной, и мы не можем объяснить ее иначе, как тем, что в это время

происходили тайные переговоры с европейскими дворами. Эти переговоры до сих пор еще не обнародованы, но, без сомнения, они касались иностранного вторжения во Францию, и их исход зависел от оборота, какой примет война.

Мы знаем уже, что Дантон и Дюмурье вступили после битвы в Вальми в переговоры с командующим прусской армией и, по-видимому, убедили его отделиться от австрийцев и отступить. Известно также, что одним из условий, поставленных герцогом Брауншвейгским (условием, вероятно, непринятым) была неприкосновенность Людовика XVI. Но были, наверное, и другие условия. Подобные же переговоры велись, по всей вероятности, и с Англией. Вообще трудно объяснить молчание Конвента и терпение секций иначе как тем, что между Горой и Жирондой произошло на этот счет соглашение.

Теперь для нас очевидно, что такого рода переговоры по двум причинам не могли привести ни к чему. Судьба Людовика XVI и его семьи не интересовала настолько ни прусского короля, ни австрийского императора, брата

Марии-Антуанетты, чтобы они принесли так называемые «национальные политические интересы» в жертву личным интересам тампльских узников. Это видно из тех переговоров, которые велись позднее относительно освобождения Марии-Антуанетты и сестры Людовика XVI, Madame Elisabeth. С другой стороны, соединенные короли не встретили среди образованного класса Франции того единого республиканских чувств, которое уничтожило бы их надежду восстановить королевскую власть. Они увидели, напротив, что буржуазная интеллигенция готова согласиться на избрание королем герцога Орлеанского (он был национальным гроссмейстером франк-масонов, к которым принадлежали все известные революционеры), или же его сына, герцога Шартрского (впоследствии он царствовал под именем Луи-Филиппа), или даже наследного принца, сына Людовика XVI.

Между тем народ терял терпение. Народные общества значительной части Франции требовали, чтобы процесс короля не откладывался больше, и 19 октября Парижская коммуна заявила Конвенту о таком же желании Па-

рижа. Наконец, 3 ноября был сделан первый шаг. Был прочитан доклад, требовавший предания суду Людовика XVI, а на другой день были формулированы и главные пункты обвинения. 13 ноября открылись прения по этому вопросу. Тем не менее дело все еще тянулось бы, если бы 20 ноября не было сделано одно поразительное открытие. Слесарь Гамен, когда-то обучавший Людовика XVI слесарному ремеслу, довел до сведения министра Ролана о существовании в Тюильри потайного шкафа, который король устроил в стене с помощью Гамена, чтобы спрятать там разные документы.

Однажды в августе 1792 г. Людовик XVI призвал Гамена из Версаля в Тюильри, чтобы вставить с его помощью в стену, под одну из филенок, сделанную самим королем железную дверь, которая должна была послужить дверцей потайного шкафа (Людовик XVI учился слесарной работе и любил заниматься ею). Когда работа была окончена, Гамен ночью направился домой в Версаль, предварительно выпив стакан вина и съев бисквит, поднесенные ему королевой. По дороге у него

сделались страшные спазмы в животе, и с тех пор он не переставал болеть. Думая, что его отравили, а может быть, и из страха, что революционеры его обвинят в роялизме, он донес о существовании потайного шкафа Ролану. Ролан, никому об этом не сообщая, немедленно сам лично захватил находившиеся там бумаги, унес их к себе, разобрал вместе с женой и, поставив на каждом документе свою подпись, предъявил их Конвенту.

Можно себе представить, какое глубокое впечатление произвело это открытие, особенно когда из бумаг узнали, что король подкупил Мирабо, что агенты короля советовали ему подкупить 11 влиятельных членов Законодательного собрания (что Барнав и Ламет перешли на сторону короля, это было уже известно) и что Людовик XVI продолжал платить жалование той части своей гвардии, которая предложила свои услуги братьям короля в Кобленце, а теперь шла вместе с австрийцами на Францию. Явилось, конечно, также подозрение, что Ролан, сортируя бумаги, скрыл все, что могло компрометировать кого-нибудь из жирондистов.

Только теперь, когда у нас в руках столько документов, доказывающих измену Людовика XVI, и когда мы видим, какие силы противились, несмотря на это, его осуждению, только теперь мы можем понять, как трудно было республике осудить и казнить короля.

Предрассудки, явное или скрытое раболепие общества, страх богачей за свои состояния и недоверие к народу — все это объединилось для того, чтобы затормозить суд над королем. Жиронда, верное отражение этих страхов, сделала все возможное сначала, чтобы предотвратить процесс, а затем, чтобы помешать осуждению короля, в особенности осуждению на смерть, и, наконец, приведению приговора в исполнение. Чтобы заставить Конвент постановить приговор в начале процесса и, не откладывая, привести его в исполнение, Парижу пришлось прибегнуть к угрозе народного восстания. Да и теперь еще сколько пышных фраз пишут историки, сколько слез проливают, рассказывая об этом процессе!

А между тем дело обстояло так: если бы какой-нибудь генерал сделал то, что сделал Лю-

довик XVI, чтобы вызвать иноземное вторжение и поддержать его, то кто из современных историков (которые все являются защитниками «государственной необходимости») поколебался бы потребовать для такого генерала смертной казни? Но в таком случае, зачем же столько жалких слов потому только, что изменником оказался главнокомандующий всего войска?

На основании всех традиций и всех условных понятий, на которых наши историки и юристы обосновывают права «главы государства», Конвент обладал в это время верховной властью. Ему, и только ему, принадлежало право судить правителя, свергнутого народом, так же как ему одному принадлежало утраченное королем право законодательства. Выражаясь их языком, суд Конвента был для Людовика XVI «судом равных». А у этих последних, раз они уверились в его измене, не было выбора. Они должны были постановить смертный приговор. Даже о помиловании не могло быть речи, когда кровь лилась на границах Франции. Соединенные короли сами отлично знали это и понимали.

Что же касается теории, которую развивали Робеспьер и Сен-Жюст, что республика имеет право убить Людовика XVI как своего врага, то Марат был совершенно прав, когда протестовал против нее. Это можно было сделать во время борьбы 10 августа или тотчас же после, но не три месяца спустя. Теперь республике оставалось только судить Людовика XVI и судить со всей возможной гласностью, чтобы народ и потомство могло убедиться в его вероломстве и иезуитизме.

Что касается самого факта измены со стороны Людовика XVI и королевы, то теперь, когда мы знаем переписку Марии-Антуанетты с Ферзенем и письма этого последнего к разным высокопоставленным лицам, мы должны признать, что Конвент судил о положении дел правильно, хотя и не имел тогда в руках тех неопровержимых улик, какие имеются в настоящее время после обнародования переписки с Ферзенем и его дневника. Но за три года с 1789 г. накопилось столько фактов, подтверждавших измену; у роялистов и у королевы за это время вырвалось столько признаний и Людовик XVI совершил со времени ва-

реннского бегства столько поступков, хотя и амнистированных конституцией 1791 г., но тем не менее служивших объяснением позднейших его действий, что нравственная уверенность в измене была у всех. В сущности факт измены не оспаривался никем даже среди тех, кто пытался спасти Людовика XVI. Не сомневался в этом и парижский народ.

И действительно, измена началась с того письма, которое Людовик XVI написал австрийскому императору в тот самый день в сентябре 1791 г., когда он при восторженных овациях парижской буржуазии присягал на верность конституции. Затем началась переписка Марии-Антуанетты с ее другом Ферзенном, которая велась с полного ведома короля. Оба изменника — королева и король — призывали из своего тюильрийского дворца иноземное нашествие; они подготавливали его, указывали ему пути, сообщали неприятелю о военных силах Франции и о военных планах ее генералов. Своей тонкой и умелой рукой Мария-Антуанетта подготавливала победоносное вступление немецких союзников в Париж и массовое истребление революционеров. На-

род хорошо понял эту женщину, которую он называл просто «Медичи» и которую историки хотят представить нам теперь как бедное, легкомысленное существо.

Итак, с точки зрения законности Конвент нельзя упрекнуть ни в чем. Что же касается того, не принесла ли казнь короля больше вреда, чем могло принести его присутствие среди немецкого или английского войска, то здесь приходится сказать только одно: до тех пор пока имущие классы и духовенство будут смотреть на королевскую власть (а они так смотрят на нее и теперь), как на лучшее средство обуздания тех, что хочет отнять имущества у богатых и ослабить духовенство, до тех пор вокруг короля, будь он мертвый или живой, в тюрьме или на свободе, будь он обезглавлен и возведен в святые или живи он как странствующий рыцарь среди других королей, вокруг него всегда будет создаваться трогательная легенда, которую будут поддерживать духовенство и все заинтересованные лица.

Напротив того, посылая Людовика XVI на эшафот, революция имела в виду убить са-

мый принцип королевской власти, первый удар которому был нанесен крестьянами в Варенне. Так отнеслась к казни короля значительная часть Франции. 21 января 1793 г. революционная часть французского народа отлично поняла, что центр и оплот той силы, которая в течение веков угнетала и эксплуатировала массы, уничтожен. Начиналось теперь разрушение могущественной организации, давившей народ; свод, на который она опиралась, надтреснут; народная революция с новой силой могла двинуться вперед.

С этого времени наследственная, легитимистская монархия никогда уже не могла быть восстановлена во Франции, даже при помощи европейской коалиции, даже опираясь на ужасный белый террор времен Реставрации (1815–1830). Не утвердились также ни монархия Орлеанского дома, родившаяся на баррикадах в 1830 г., ни империя, созданная государственным переворотом Наполеона III в 1851 г. Не удалось восстановить монархию и после Коммуны 1871 г. Вера в монархию убита во Франции.

А между тем жирондисты делали все воз-

можно, чтобы помешать осуждению Людовика XVI. Они прибегали ко всяким законным доводам и к парламентским хитростям. Были даже моменты, когда суд над королем обращался чуть не в суд над монтаньярами. Но ничто не помогло. Логика положения вещей взяла верх над парламентской тактикой.

Прежде всего жирондисты стали ссылаться на неприкосновенность личности короля, установленную конституцией; но на это последовал неотразимый ответ: неприкосновенности более не существует, раз король изменил конституции.

Затем стали требовать особого суда, составленного из представителей от всех 83-х департаментов Франции; а когда стало очевидно, что это предложение будет отвергнуто, жирондисты предложили передать решение вопроса на утверждение всех 36 тыс. общин и всех первичных избирательных собраний так, чтобы поименно опросить всех граждан. Это значило поднять вопрос о законности результатов 10 августа и республики, а потому было отвергнуто.

Когда невозможность снять с себя таким образом ответственность за процесс над королем, возложив ее на первичные собрания, стала очевидна, жирондисты, сами яростно толкавшие к войне и предлагавшие войну во что бы то ни стало со всей Европой, заговорили о том, какое впечатление произведет казнь Людовика XVI на Европу. Точно Англия, Пруссия, Австрия, Сардиния не устроили своей коалиции против Франции уже в 1792 г., еще раньше свержения Людовика XVII Точно демократическая республика не была им и так достаточно ненавистна! Точно крупные торговые порты Франции, ее колонии и берега Рейна не были достаточной приманкой для королей, пожелавших воспользоваться минутой, когда рождение нового строя во Франции уменьшало силу ее внешнего сопротивления.

Разбитые усилиями Горы и на этом пункте, жирондисты попытались отвлечь внимание в другую сторону и напали на самих «горцев», предложив предать суду «виновников сентябрьских дней», под которыми они подразумевали «диктаторов», «триумвират», т. е. Дантона, Марата и Робеспьера.

Среди всех этих споров Конвент все-таки решил 3 декабря, что будет сам судить Людовика XVI. Но едва успели принять это решение, как один жирондист — Дюко поставил новый вопрос, отвлекший внимание Конвента в другую сторону. Жиронда потребовала, чтобы Конвент произнес смертную казнь для всякого, «кто предложит восстановить во Франции королей или королевскую власть под каким бы то ни было названием». Это была инсинуация в сторону Горы, намекавшая на то, что «горцы» (монтаньяры) желают будто бы возвести на престол Филиппа, герцога Орлеанского. Таким образом процесс короля превратился бы в процесс против Горы.

Наконец, 11 декабря Людовик XVI предстал перед Конвентом. Его подвергли допросу, и его уклончивые, неискренние ответы были таковы, что должны были убить последнюю к нему симпатию, какая могла еще оставаться. Историк Мишле спрашивает себя, возможно ли, чтобы человек так лгал, как лгал Людовик, и объясняет это тем, что все королевские традиции и иезуитское влияние, под которым находился Людовик XVI, внушили ему

мысль, что ради государственной необходимости королю позволительно все.

Впечатление, произведенное этим допросом, было, по-видимому, таким жалким, что жирондисты, видя, что спасти Людовика XVI невозможно, сделали еще одну попытку отвлечь внимание в другую сторону. Они предложили изгнать герцога Орлеанского. Конвент даже поддался на это и издал постановление в этом смысле, но на другой же день отменил свое решение, после того как Якобинский клуб выразил недовольство этим постановлением.

Несмотря на все эти проволочки, процесс подвигался, однако, к концу. 26 декабря Людовик XVI предстал во второй раз перед Конвентом в сопровождении своих защитников — Мальзерба, Тронше и Дезеза. Конвент выслушал его защиту, и всем стало ясно, что король будет осужден. Теперь уже не было никакой возможности объяснить его поступки ошибочным суждением о вещах или легкомыслием. Его поведение представляло, как это указал на другой же день Сен-Жюст, сознательную и коварную измену.

Но если Конвент и парижский народ имели, таким образом, возможность составить себе определенное и верное мнение о Людовике XVI как о человеке и как о короле, то понятно, что в провинциальных городах и в деревнях дело обстояло иначе. Можно себе представить, как разыгрались бы там страсти, если бы постановление приговора было поручено первичным избирательным собраниям, как предлагали жирондисты, тем более что большинство революционеров было в войске, на границах, и в таких условиях это значило бы, как указал на это Робеспьер (28 декабря), предоставить решение «богачам, естественным друзьям монархии, эгоистам, людям трусливым и слабым, высокомерным аристократам и буржуа — словом всем, рожденным для того, чтобы самим пресмыкаться и угнетать других под властью короля».

Наконец, 14 января после очень бурных прений Конвент решил поставить на голосование и решить поименным опросом каждого депутата три вопроса: виновен ли Людовик XVI в «заговоре против свободы нации и в покушении на безопасность государства», бу-

дет ли приговор повергнут на голосование всего народа и какое будет назначено наказание?

Поименный опрос начался на другой день, 15-го. Из 749 членов Конвента 716 объявили Людовика XVI виновным (12 членов отсутствовали по болезни или потому, что находились в отлучке по поручению Конвента; пятеро воздержались). Никто не ответил на вопрос отрицательно. Затем обращение к народу было отвергнуто 423 голосами из 709 вотировавших. В это время в Париже, особенно в предместьях, царило страшное возбуждение.

По третьему вопросу, о наказании, поименный опрос тянулся 25 часов подряд. И тут еще, по-видимому, под влиянием испанского посла, а может быть и его золота один депутат, Майль, постарался запутать дело и подал голос за отсрочку казни. Его примеру последовали еще 26 членов.

За смертную казнь без всяких оговорок подано было 387 голосов из 721 вотировавшего (5 человек воздержались и 12 отсутствовали). Таким образом, приговор был произнесен большинством всего 53 голосов или даже 26,

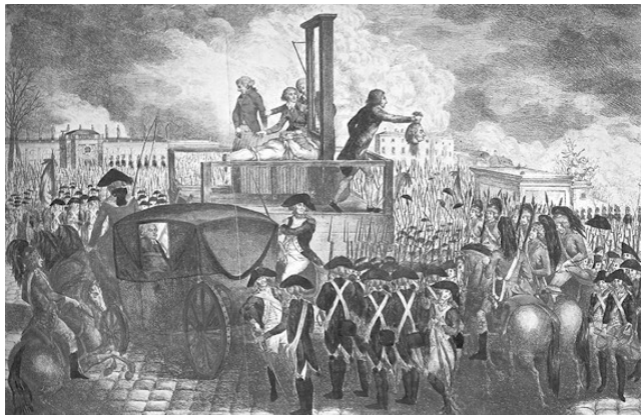
если исключить тех, которые голосовали условно, с отсрочкой. И это в такой момент, когда было совершенно очевидно, что король замышлял измену и что оставить его в живых значило вооружить одну половину страны против другой, отдать часть Франции чужеземцам и, наконец, остановить революцию как раз в это время, когда после трех лет глубоких потрясений, не приведших еще ни к чему прочному, представлялась, наконец, возможность приступить к разрешению самых важных вопросов, волновавших страну!

Но опасливость буржуазии шла так далеко, что она ждала почему-то в день казни Людовика XVI всеобщего избиения.

21 января 1793 г. Людовик XVI погиб на эшафоте. Одно из главных препятствий социальному возрождению республиканской Франции перестало существовать.

Казнь Людовика XVI

До последней минуты Людовик XVI надеялся, по-видимому, что восстание освободит его. И действительно, был план отбить его по пути; но бдительность секций и Коммуны поме-

шла его осуществлению.

Гора и Жиронда

Начиная с 10 августа Парижская коммуна помечала свои акты «IV годом свободы, I годом равенства». Конвент помечал свои законы «IV годом свободы, I годом Французской республики». Из этой маленькой подробности уже видно резкое различие двух точек зрения: парижского народа и Конвента.

Начнется ли теперь новая революция в дополнение к первой? Или же все ограничится установлением, узаконением политических вольностей, завоеванных с 1789 г., т. е. упрощением власти буржуазии при несколько демократизованном государственном устройстве, причем народная масса даже не получит возможности воспользоваться громадным перемещением богатств, произведенным революцией?

Здесь, очевидно, выступали две совершенно противоположные точки зрения; и представительницами этих двух точек зрения в Конвенте являлись, с одной стороны, Гора, с другой — Жиронда.

На одной стороне стояли те, кто понимал,

что для уничтожения старого, феодального строя еще недостаточно было вписать в свод законов первые шаги к его упразднению; что для того, чтобы покончить с неограниченной властью, точно так же недостаточно было свергнуть короля, водрузить эмблему республики на общественных зданиях и поставить слово «республика» на бланках официальных бумаг. Все это не более как начало, как создание новых условий, при которых, может быть, удастся совершить преобразование старых учреждений.

Мария-Антуанетта перед казнью

Людей, понимавших революцию именно так, поддерживали все те, кто хотел, чтобы народная масса избавилась наконец от ужасающей нужды, до которой довел ее старый строй, все, кто хотел и пытался почерпнуть из уроков революции указание на действительные средства, способные поднять эту массу физически и нравственно. С ними стояла, конечно, целая толпа бедных, которых революция заставила задуматься над своей судьбой.

А против них стояли жирондисты, партия

очень многочисленная. Жирондисты — это были не только те 200 членов Конвента, которые группировались вокруг Верньо, Бриссо и Ролана. Это была огромная часть Франции, почти вся зажиточная буржуазия, все конституционалисты, которых события сделали, правда, республиканцами, но которые все-таки боялись республики, потому что боялись господства масс. А за ними, готовые поддерживать их в ожидании момента, когда можно

будет их раздавить в пользу королевской власти, стояли все те, кто дрожал за свои богатства, а также и за привилегии, доставляемые образованием; все те, кому революция нанесла удар и кто вздыхал по старым порядкам.

Теперь видно, что не только Равнина Конвента (или Болото), но и 3/4 жирондистов были такими же роялистами, как фельяны. Если некоторые из их вожakov мечтали о чем-то вроде античной древнегреческой республики, без короля, но с подчинением народа законам, издаваемым людьми богатыми и образованными, то большинство прекрасно мирилось с монархией. Они, впрочем, скоро доказали это сами, когда так хорошо поладили с роялистами тотчас после термидорского переворота, совершенного в июле 1794 г.

Оно вполне понятно, потому что для жирондистов главным было установление буржуазного строя, создававшегося в то время в промышленности и в торговле на развалинах феодализма, «сохранение собственности» «le maintien des proprietes», как любил выражаться Бриссо, главный умственный выразитель Жиронды.

Отсюда же их ненависть к народу и их любовь к «порядку». Помешать взрыву народного движения, создать «сильное» правительство и заставить уважать права собственников было в этот момент самой главной задачей для жирондистов; и только потому, что некоторые историки не поняли этой основной черты, стали они искать во всяких второстепенных обстоятельствах объяснения жестокой борьбы, вскоре завязавшейся между Горой и Жирондой.

Когда мы видим, что жирондисты «отвергают аграрный закон», «отказываются признать равенство принципом республиканского законодательства» и «клянутся уважать права собственности», все это кажется нам довольно отвлеченным. Но и наши теперешние лозунги: «уничтожение государства» или «экспроприация» — покажутся слишком отвлеченными через 100 лет. А между тем в эпоху революции формулы жирондистов имели вполне точный, вещественный смысл.

«Отвергать аграрный закон» значило тогда отвергать всякую попытку передачи земли в руки тех, кто стал бы ее обрабатывать. Это

значило отвергать мысль, очень популярную среди революционеров, вышедших из народа, — мысль, что ни одно имение, ни одна арендованная ферма не должны быть больше 120 арпанов, т. е. 50 десятин, что каждый гражданин имеет право на землю и что для этого нужно захватить имения эмигрантов и духовенства, а также и крупные владения богачей и разделить их между бедными земледельцами, не имеющими земли.

«Поклясться уважать права собственности» — это значило быть против возвращения общинам тех земель, которые отняты были у них помещиками и богатыми людьми в продолжение двух последних столетий на основании королевского указа 1669 г. Это значило также стоять за интересы феодальных помещиков и новых владельцев — скупщиков земли из буржуазии, против отмены феодальных, крепостных прав без выкупа.

Это значило, наконец, противодействовать всякой попытке установления прогрессивного налога на богатых людей; это значило взваливать все тягости войны и революции на бедноту.

Оказывается, таким образом, что отвле-
ченная формула жирондистов имела вполне
осязательный смысл. И вот по всем этим во-
просам Горе приходилось вести с Жирондой
ожесточенную борьбу; и в конце концов она
вынуждена была обратиться к народу, к на-
родному восстанию и изгнать жирондистов
из Конвента, чтобы можно было сделать пер-
вые шаги в намеченном направлении.

В данную минуту, в начале деятельности
Конвента, «уважение прав собственности»
проявлялось у жирондистов даже в самых
мелких подробностях. Так, например, на под-
ножиях статуй, которые носили по улицам во
время одного празднества, они делали над-
пись «Свобода, Равенство, Собственность»
вместо «Свобода, Равенство и Братство»; а ко-
гда Дантон в первом заседании Конвента ска-
зал в своей речи: «Заявим, господа, что всякая
собственность, земельная, личная и промыш-
ленная, будет навсегда окружена нашим ува-
жением», — то жирондист Керсен бросился
обнимать его. «Я каюсь, что сегодня утром на-
звал вас мятежником», — говорил он, обни-
мая «горца» Дантона, и это значило: «Раз вы

обещаете уважать буржуазную собственность, закроем глаза на вашу долю ответственности в сентябрьских убийствах!»

В то время как жирондисты стремились таким образом организовать буржуазную республику и положить основы обогащению буржуазии по образцу того, что было сделано в Англии после революции 1648 г., монтаньяры («горцы») или по крайней мере крайняя их группа, скоро взявшая верх над умеренной, представителем которой был Робеспьер, уже намечали в общих чертах основы нового, социалистического общества, что бы там ни говорили некоторые наши современники, совершенно напрасно приписывающие себе или своей партии инициативу социалистической мысли. Они хотели, во-первых, уничтожить всякие следы феодализма; затем — уравнивать собственность, уничтожить крупное земельное владение, наделив землей всех, даже самых бедных, крестьян; организовать общественное распределение предметов первой необходимости (хлеб, мясо, масло и т. д.), причем эти товары оценивались бы по их действительной стоимости, и, наконец, де-

лая из налога боевое оружие против богатых, вести непримиримую войну против «коммерсантизма»: против всех спекуляторов, банкиров, коммерсантов и собственников промышленных предприятий, уже плодившихся в ту пору.

Вместе с тем они еще в 1793 г. провозглашали «право на всеобщее благосостояние», т. е. «довольство, достаток для всех», из которого социалисты сделали впоследствии «право на труд». «Право на довольство» упоминалось уже в 1789 г. (27 августа) и вошло в конституцию 1791 г. Но даже самые передовые жирондисты находились слишком во власти своего буржуазного воспитания, чтобы понять сущность этого права на всеобщее довольство, предполагавшего право всех на землю, а также полную реорганизацию распределения предметов первой необходимости и обобществление (национализацию) обращения товаров.

Максимильен Робеспьер

Вообще современники описывали жирондистов как «партию людей тонких, ловких

интриганов и в особенности честолюбивых»; это — люди легкомысленные, говоруны, задорные, но проникнутые адвокатскими привычками (так говорил Мишле). «Они хотят республики, — говорил Кутон, — но хотят также аристократию». Они обнаруживали большую чувствительность, но такую чувствительность, которая, как говорил Робеспьер, «плачет почти исключительно над врагами свободы».

Народ внушал им отвращение; они боя-

лись его.

Когда Конвент собрался, никто еще не отдавал себе ясного отчета в том, какая пропасть разделяет жирондистов от монтаньяров. В их распрях не видели ничего, кроме личной вражды между Бриссо и Робеспьером. Так, например, госпожа Жюльен, истинная монтаньярка по своим чувствам, взывает в своих письмах к обоим противникам, уговаривая их прекратить братоубийственную войну. Но уже тогда борьба между Бриссо и Робеспьером была борьбой двух противоположных начал: партии «порядка» и партии революции.

Народ в момент борьбы, а также и историки в своих книгах любят воплощать всякое историческое столкновение в лице двух противников. Оно короче, удобнее в разговоре, а также более похоже на «роман», «драматичнее». Вот почему борьба между двумя партиями Конвента часто изображалась как столкновение двух честолюбии — Бриссо и Робеспьера. Как всегда бывает, оба героя, которых народ, а за ним и историки избрали олицетворением столкновения, выбраны хорошо.

Они типичны и недурно выражают оба направления. Но в сущности Робеспьер не был таким сторонником уравнительных мер, какими были некоторые монтаньяры после падения жирондистов. Он принадлежал к умеренной группе Горы. В марте и в мае 1793 г. он понял, вероятно, что ради торжества начатой революции монтаньярам нельзя отделяться от тех, кто требует мер социального характера; он так и сделал, что не помешало ему впоследствии гильотинировать левое крыло Горы, т. е. эбертистов, и подавить «бешеных». С другой стороны, Бриссо не всегда был сторонником «порядка». Но, несмотря на эти оттенки, эти два человека хорошо олицетворяли собой обе партии.

Между партией буржуазного порядка и партией народной революции должна была неминуемо начаться борьба не на жизнь, а на смерть.

Жирондистская партия, дойдя до власти, желала, чтобы все вошло теперь в порядок, чтобы революция с ее революционными приемами прекратилась, раз у кормила правления стоят они. Уличного шума больше не

нужно: теперь все будет делаться по приказу министров, назначенных послушным парламентом.

Монтаньяры же (Гора) хотели, чтобы революция привела наконец к таким мерам, которые действительно изменили бы все состояние Франции: положение крестьян (т. е. двух третей населения) и положение бедноты в городах. Они хотели также таких перемен, которые сделали бы возвращение к монархическому и феодальному прошлому невозможным.

Рано или поздно, думали они, через год, через два революция успокоится; народ, истощив свои силы, вернется в свои хижинки и трущобы; эмигранты возвратятся; духовенство и дворяне опять возьмут верх. Нужно, чтобы к этому времени они нашли во Франции полную перемену, чтобы земля была уже в других руках, уже политая потом новых ее владельцев, и чтобы эти владельцы смотрели на себя не как на чужаков, а как на людей, имеющих полное право пахать и засеивать эту землю. Все во Франции должно измениться к тому времени: самые нравы, привычки, даже

язык. Франция должна стать страной, где каждый считает себя равным кому угодно, раз он работает плугом, заступом, молотом или каким бы то ни было другим орудием. А для этого нужно, чтобы революция продолжалась, даже если ей придется переступить ради этого через трупы некоторых из тех, кого народ избрал своими представителями, послав их в Конвент...

Усилия жирондистов остановить революцию

Пока дело шло о свержении старой, абсолютной монархии, жирондисты стояли в первых рядах. Пылкие, отважные, поэты, полные восторга перед республиками классической древности и вместе с тем стремясь к власти, они, конечно, не могли примириться со старым, королевским строем.

Поэтому, пока крестьяне жгли замки и записи феодальных повинностей, пока народ разрушал остатки феодальной зависимости, они заботились главным образом об установлении новых политических форм управления. Они уже видели себя у власти вершителями судеб Франции, рассылающими войска, которые разносят по всему миру весть о свободе.

Что же касается хлеба для народа, думали ли они о нем? Несомненно одно: они совершенно не представляли себе, какой силой сопротивления обладает старый порядок, и мысль об обращении к народу для победы над

старым строем была им совершенно чужда, даже враждебна. Народ должен платить налоги, выбирать, доставлять государству солдат; что же касается до созидания и разрушения политических форм, то это — дело «мыслителей», правителей, государственных людей.

Поэтому, когда король для удержания своей власти призвал себе на помощь немцев и немецкие войска уже подходили к Парижу, жирондисты, раньше так страстно желавшие войны, чтобы избавиться от управления Францией двором, отказывались теперь обратиться к народному восстанию, чтобы отразить иноземное нашествие и изгнать из Тюильри руководителей этого нашествия. Даже после 10 августа мысль о победе над неприятелем при помощи народной революции казалась им настолько чудовищной, что Ролан созвал людей, выдвинутых революцией — Дантона и других, и предложил им свой план на обсуждение. План этот состоял в том, чтобы перевезти Собрание и пленного короля сначала в Блуа, а затем куда-нибудь подальше на юг, предоставив таким образом весь север Франции во власть чужеземцев и устроив

маленькую республику где-нибудь в департаменте Жиронды.

Народ и его революционный порыв, спасший Францию, для них не существовали. Они оставались бюрократами.

Вообще говоря, жирондисты были верными представителями буржуазии.

По мере того, как народ набирался смелости и требовал налога на богатых и уравнивания состояния — требовал равенства как не обходимого условия свободы, буржуазия приходила к заключению, что пора отделиться от народа, пора вернуть его к «порядку».

Жирондисты последовали за этим течением. Попавши во власть, эти буржуазные революционеры, до сих пор отдававшие свои силы революции, отделились от народа. Старики народа создать свои собственные политические органы в виде секций в больших городах и народных обществ по всей Франции, его желание идти вперед по пути равенства явились в их глазах угрозой для всего имущего класса, преступлением.

Дантон на трибуне

С этого момента жирондисты решили остановить революцию: создать сильное правительство и принудить народ к повиновению, если нужно, то при помощи гильотины и расстрелов...

Причины движения 31 мая

Каждый день в течение первых пяти месяцев 1793 г. борьба между Горой и Жирондой становилась все ожесточеннее по мере того, как три великих вопроса яснее и определеннее выступали перед Францией.

Во-первых, будут ли уничтожены без выкупа все феодальные повинности? Или же эти пережитки крепостного состояния будут по-прежнему парализовать земледелие и причинять периодические голодовки в деревнях? Вопрос громадный, жизненный для 20 млн. сельского населения, в том числе и для всех тех, кто покупал национальные имущества, конфискованные у духовенства и эмигрантов.

Во-вторых, останутся ли сельские общины в обладании мирскими землями, которые там и сям они отобрали назад у помещиков, захвативших эти земли? Будет ли признано право вернуть себе бывшие мирские земли за теми общинами, которые еще этого не сделали? Будет ли признано право на землю за каждым гражданином?

Наконец, в-третьих, будет ли введен закон

о максимуме, т. е. такса на хлеб и на другие припасы первой необходимости?

Эти три вопроса были жизненными вопросами для Франции, и они делили страну на два враждебных лагеря: лагерь собственников и лагерь тех, у кого ничего не было; тех, кто богател, несмотря на народную нищету, на голод и на войну, и тех, кто нес всю тягость войны на своих плечах и простаивал часы, а нередко и целые ночи напролет перед дверьми булочных и все-таки после этого возвращался домой без самого необходимого куска хлеба.

А между тем месяцы проходили — пять месяцев, семь месяцев прошло со времени открытия Конвента, — и Конвент ничего еще не предпринял для решения великих вопросов, поставленных революцией. Народные представители спорили, спорили без конца между собой. Взаимное озлобление партий, из которых одна представляла богатых, а другая защищала интересы бедных, росло с каждым днем, и не предвиделось никакого выхода, никакого возможного соглашения между теми, кто «защищал имущества», и теми, кто

нападал на них.

Правда, что и сами «горцы» (монтаньяры) не имели определенных воззрений по экономическим вопросам и делились на две группы, из которых одна шла гораздо дальше другой. Та группа, к которой принадлежал Робеспьер, была склонна к воззрениям, почти настолько же благоприятным для собственников, как и жирондисты. Но, как бы мало симпатичен ни был нам лично Робеспьер, нужно сказать, что он развивался вместе с революцией и что к страданиям народа он всегда относился сочувственно. Еще в 1791 г. он поднял в Учредительном собрании вопрос о возврате общинам отобранных у них мирских земель. Теперь, когда эгоизм собственников и «коммерсантизм» буржуазии выступали все резче и резче, Робеспьер открыто стал на сторону народа и революционной Коммуны города Парижа, т. е. тех, кого жирондисты называли тогда «анархистами».

«Продукты, необходимые для прокормления народа, — говорил он на трибуне в Конвенте, — так же священны, как и человеческая жизнь. Все что необходимо для сохране-

ния жизни, составляет собственность, принадлежащую всему обществу. Один только избыток составляет частную собственность, и только этот избыток может быть предоставлен торговле».

Нельзя не пожалеть, что это коммунистическое начало не стало лозунгом социалистов XIX в. вместо государственного «коллективизма», предложенного в 1848 г. Как много для будущего могло бы сделать движение Парижской Коммуны 1871 г., если бы оно признало, что все необходимое для сохранения жизни так же священно, как и самая жизнь человеческая, и составляет общую собственность всего народа! Если бы своим лозунгом оно провозгласило «общину, организующую потребление и благосостояние для всех»!

Везде и всегда революции делались меньшинством. Даже среди тех, кому революция приносит прямые выгоды, всегда встречается только меньшинство, готовое отдаться ей. Так было и во Франции в 1793 году.

Как только королевский деспотизм был низвергнут, в провинциях сейчас же поднялось движение против революционеров, ко-

торые казнь короля бросили вызов всей Европе. «А, злодеи! — говорилось в дворянских замках, в салонах буржуазии, на съездах духовенства. — Они посмели это сделать! Они, стало быть, ни перед чем не остановятся: они нас ограбят и нас тоже гильотинируют!» И заговоры контрреволюционеров стали вестись повсеместно с усиленным рвением. Римская церковь, все европейские дворы, английская буржуазия — все принялись за общую работу подпольных интриг и пропаганды, чтобы организовать контрреволюцию в самой Франции.

Приморские города, как Нант, Бордо и Марсель, где имелось много богатых коммерсантов, Лион — промышленный город, занятый производством предметов роскоши, торгово-промышленные города, как Руан, стали могучими центрами реакции. Целые области обрабатывались священниками, дворянами-эмигрантами, вернувшимися под чужими именами, а также английским и орлеанистским золотом и эмиссарами из Италии, Испании и даже из России.

Для всей этой массы контрреволюционе-

ров жирондисты служили соединительным звеном. Роялисты поумнее прекрасно поняли, что, несмотря на свой поверхностный республиканизм, жирондисты будут их союзниками; что к этому вела их логика их партии, которая всегда сильнее ярлыка партии. И народ тоже прекрасно это понял. Он понял, что, куда жирондисты останутся преобладающей партией в Конвенте, никаких истинно революционных мер нельзя будет принять и что война, которую эти сибариты будут вести полегоньку, затянется без конца и в корень истощит Францию.

И по мере того, как необходимость «очистить Конвент», т. е. удалить из него жирондистских вождей, становилась очевиднее, народ стал организовываться для борьбы против жирондистов и фельянов на местах — в провинциальных городах и по деревням. Выше было уже сказано, что директории департаментов были большей частью проникнуты реакционным духом. Большинство директорий округов тоже принадлежало к тому же направлению. Но муниципалитеты, городские и деревенские, созданные законом 22 де-

кабря 1789 г., были более близки к народу. Правда, что летом 1789 г., когда их назначала сама вооружавшаяся буржуазия, городские муниципалитеты в некоторых областях зверски отнеслись к крестьянским восстаниям. Но по мере того, как развивалась революция, муниципалитеты, выбранные, а иногда и просто назначенные народом часто среди грохота восстания и всегда находившиеся под надзором народных обществ, принимали более революционный характер...

Нет никакого сомнения, что собрание городских чиновников, облеченных такими широкими и разнообразными полномочиями, как Совет Коммуны города Парижа, хотя оно было революционного происхождения, все-таки неизбежно приняло бы мало-помалу умеренный, бюрократический характер. Но революционная деятельность парижского народа выражалась главным образом в его секциях, а в секциях революционный дух сохранился гораздо дольше. Впрочем, и секции тоже, по мере того как они присвоили себе полицейские обязанности (право выдавать аттестаты гражданства — *cartesciviques*, свиде-

тельствующие, что такой-то гражданин не конспиратор-роялист; выбор волонтеров, отправлявшихся сражаться в Вандее против восставших крестьян, и т. п.), а тем более с тех пор как Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности постарались обратить секции в свои полицейские органы, — секции тоже со временем обращались понемногу в бюрократические учреждения; так что в 1794 г. некоторые из них были уже центрами объединения для реакционной буржуазии. Но в 1793 г. секции еще были в руках народа и оставались вполне революционными. Притом рядом с Коммуной и ее секциями возникла целая сеть народных и братских обществ, а также образовались революционные комитеты, которые в течение II года республики (1793–1794) были еще центрами революционного действия.

Все эти группировки объединялись между собой либо для определенных временных целей, либо для настоящего совместного действия; и они вступали в переписку с 40 тыс. коммунами и секциями по всей Франции. С этой целью было даже организовано особое

«бюро корреспонденции». Таким образом создавалась совершенно новая, добровольная организация. И когда мы изучаем эти группировки — эти «вольные соглашения», мы видим в них то, что теперь проповедуется во Франции анархистами, не подозревающими, что их деды уже практиковали подобные соглашения в такую трагическую минуту, как первые месяцы 1793 г.

Большая часть историков, сочувствующих революции, когда они доходят до трагической борьбы, завязавшейся между Горой и Жирондой, останавливаются слишком долго, по моему мнению, на второстепенных причинах этой борьбы. Так, они придают слишком много значения так называемому федерализму жирондистов...

Наоборот, во всем том, что делали жирондисты, они показали себя такими же централистами и сторонниками сильной центральной власти, как и «горцы». Может быть, даже больше их, так как монтаньяры, приезжая в провинцию как комиссары Конвента, опирались не на органы центральной бюрократии, не на директории департаментов и округов, а

на местные народные общества и муниципалитеты. И если впоследствии жирондисты, изгнанные из Конвента народным движением 31 мая, обратились к провинциям против Парижа, то поступили они так, чтобы направить против революционеров-парижан, выгнавших их из Конвента, контрреволюционные силы буржуазии больших торговых городов и недовольных крестьян Нормандии, Бретани, Вандеи. Но как только реакция взяла верх 9 термидора (27 июля 1794 г.) и жирондисты вернулись к власти, они показали себя, как подобает партии порядка, еще более централистами, чем монтаньяры.

Олар, который тоже довольно много говорит о «федерализме» жирондистов, делает, однако, одно очень верное замечание. Раньше установления республики, говорит он, никто из жирондистов не выказывал никаких федералистических склонностей. Барбару, например, высказывался вполне как центрист, как видно из следующих слов, приводимых Оларом из его речи, произнесенной в департаменте Буш-дю-Рон: «Федеральное правительство, — говорил он, — непригодно для

большой нации вследствие медленности исполнительных действий, вследствие множества инстанций и сложности механизма». В проекте конституции, выработанном жирондистами в 1793 г., нет никакой серьезной попытки выработать федеративную организацию. Они остались в этом проекте централистами.

Нет спора, что «горячность» жирондистов, так картинно описанная Луи Бланом, и борьба честолюбии существовали и делали столкновение более озлобленным. Но борьба между Горой и Жирондой имела, как мы видели, основания несравненно более глубокие, чем какие бы то ни было личные столкновения. Эти основания, сам Луи Блан уже указал их, когда воспроизвел, по жирондисту Гара, речь, которую Гора могла держать Жиронде, и вероятный ответ этой последней.

«Не вам, — говорит Жиронда, — управлять Францией, когда у вас руки обагрены кровью сентябрьских дней. Законодатели богатой и промышленной страны должны смотреть на собственность как на одну из самых священных основ общественного порядка; и не вам

исполнять миссию, данную Францией своим законодателям, когда вы проповедуете анархию, покровительствуете грабежам и пугаете собственников... Вы призываете против нас своих парижских убийц: мы призываем против вас „честных людей“ (les honnêtes gens, т. е. буржуазию) всей Франции».

На что Гора отвечает:

«Мы обвиняем вас в том, что вы пользуетесь своими талантами для своего личного возвышения, а не для равенства... Покуда король предоставлял вам управление, чрез посредство назначавшихся вами министров, вы находили его достаточно хорошим владыкой... Вы никогда не питали мысли поднять Францию до великой будущности республики, вы хотели сохранить в ней короля, у которого вы состояли бы мажордомами».

Мы скоро убедимся, в следующих главах, как верно было это последнее обвинение, когда увидим Барбару на юге Франции, и Луве в Бретани, идущих рука об руку с роялистами, и когда столько жирондистов вернутся к власти вместе с «белыми» после термидорского переворота. Но продолжаем ответ Горы:

«Вы хотите свободы без равенства, — говорит дальше Гора, — а мы хотим равенства, хотим, потому что без равенства мы не можем представить себе свободы. Вы „государственные люди“, вы хотите организовать республику для богатых, а мы люди не государственные... мы ищем законов, которые извлекли бы бедных из нищеты и сделали бы из всех людей при всеобщем благосостоянии счастливых граждан и ярых защитников всеми обожаемой республики».

Очевидно, здесь столкнулись два совершенно разных представления об обществе. Так и поняли борьбу Горы с Жирондой современники.

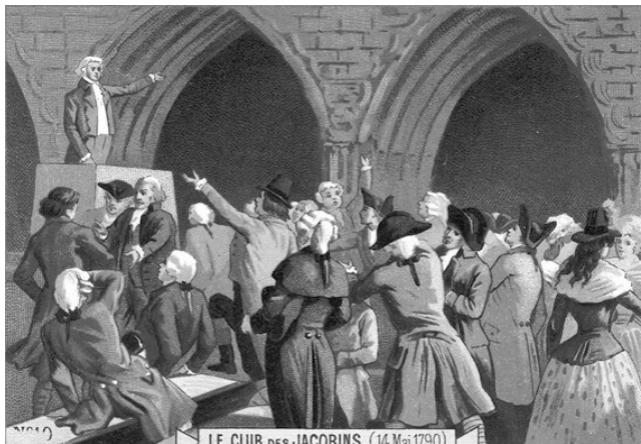
В сущности дело обстояло так. Предстояло одно из двух: или революция ограничится тем, что низвергла короля и, не постаравшись даже закрепить свое дело глубоким переворотом в воззрениях нации в республиканском смысле, не сделавши ничего, чтобы заинтересовать народные массы в совершившемся политическом перевороте, она успокоится на этом первом своем успехе и предоставит Франции отбиваться, как она сможет, от

нашествия немцев, англичан, испанцев и итальянцев, опирающихся на сторонников королевской власти внутри самой страны.

Или же революция теперь же сделает попытку идти дальше «в смысле равенства», как тогда говорили. Она закончит наконец дело уничтожения без выкупа феодальных прав и возвратит общинам право на мирские земли, отобранные у них за последние 200 лет; она положит начало обобществлению земли, признав право каждого на землю; она утвердит дело, начатое четыре года тому назад восставшими крестьянами и, с поддержкой самих народных масс, будет искать, «как вывести бедных из нищеты»; она попробует ввести, если это будет возможно, не всеобщее равенство состояний, а «благосостояние для всех», «всеобщее благосостояние». И ради этого она вырвет власть из рук богатых и передаст ее в руки общин и народных обществ.

Якобинский клуб

Глубокое различие этих двух воззрений уже объясняет вполне кровавую борьбу, которая началась после падения королевской вла-

сти в Конвенте, а с ним вместе и во всей Франции. Все остальные причины, обострявшие борьбу, имеют лишь второстепенное значение.

Война. Вандея. Измена Дюмурье

В начале 1793 г. положение на театре войны представлялось в очень мрачном виде. Успехи, одержанные предыдущей осенью, не продолжались. Чтобы снова перейти в наступление, надо было пополнить армии, а волонтеров записывалось все менее и менее. В феврале рассчитывали, что потребуется по крайней мере 300 тыс. человек, чтобы заполнить пробелы в рядах и довести действующие войска до полумиллионного состава. Но на одних волонтеров для такого громадного войска уже нельзя было положиться. Некоторые департаменты, как, например, Вар, Жиронда, продолжали посылать туда чуть не целые маленькие армии, но были другие, которые ничего не давали.

Тогда Конвент увидел себя вынужденным объявить 24 февраля 1793 г. набор в 300 тыс. человек, которых распределили по столько-то человек на каждый департамент и по столько-то на каждый округ и коммуну. Коммуны

должны были сперва вызвать волонтеров; но если это не давало нужного числа людей, тогда коммуны должны были набирать остальных тем способом, какой они сами найдут лучшим, т. е. либо по жребию, либо по личному назначению общиной; причем в обоих случаях дозволялось найти заместителя. Чтобы побудить к поступлению на службу. Конвент не только обещал пенсии солдатам, но также давал им возможность покупать национальные имущества, выплачивая каждый год своей пенсией десятую часть покупной цены. Для этой операции было ассигновано имущество на 400 млн.

Недостаток в деньгах был в это время ужасный, и Камбон, безусловно честный человек, которому предоставлена была почти полная диктатура финансов, был вынужден сделать новый выпуск ассигнаций, т. е. кредитных билетов, на 800 млн. Ассигнации, как уже сказано было раньше, обеспечивались тем, что будет поступать от продажи церковных имуществ и конфискованных государством имений эмигрантов-роялистов. Но самые доходные из имуществ духовенства —

земли — были уже проданы, а имения эмигрантов продавались очень плохо. Их покупали неохотно, так как вообще боялись, что они будут отобраны у покупателей, как только эмигранты вернутся во Францию. В таких условиях Камбону становилось все труднее и труднее покрывать постоянно возрастающие расходы на военные потребности.

Впрочем, главное затруднение на театре войны было не столько в деньгах, сколько в офицерах. Большинство офицеров и почти все высшее начальство были против революции, тогда как система выбора офицеров солдатами, недавно введенная Конвентом, не могла дать офицеров высших чинов раньше, чем через несколько лет. В данную минуту генералы и высшие чины вообще не внушали доверия войскам, и за изменой Лафайета действительно скоро последовала измена Дюмурье.

Мишле был совершенно прав, предположив, что Дюмурье, когда он выехал из Парижа к своей армии через несколько дней после казни Людовика XVI, уже нес измену в своем сердце. Он видел, что Гора взяла верх, и, ко-

нечно, понял, что казнь короля открывала в революции новую страницу. Революционеры он глубоко ненавидел и должен был решить, что его мечта — водворить порядок, вернув Францию к конституции 1791 г. и посадив герцога Орлеанского на престол, — может осуществиться только при содействии австрийцев. С этого момента он уже должен был решиться на измену.

В то время Дюмурье был в тесной связи с жирондистами. Он состоял даже в интимных сношениях с Жансонне, одним из видных людей этой партии, вплоть до апреля месяца. Но он не порывал связи с монтаньярами, которые, правда, сомневались в нем (Марат открыто называл его изменником), но не чувствовали себя в силах его отстранить. Его столько восхвалили за победы при Вальми и Жемаппе, истинная подкладка отступления пруссаков так мало была известна в большой публике, и солдаты, особенно линейных войск, так обожали своего генерала, что нападать на него значило бы вооружить против себя армию, которую он легко мог повести на Париж, против революции. Оставалось, сле-

довательно, выжидать и зорко присматриваться к нему.

В это время началась война с Англией. Как только известие о казни Людовика XVI было получено в Лондоне, английское правительство вернуло французскому посланнику верительные грамоты и велело ему покинуть Соединенное королевство. Но казнь короля была, очевидно, только предлогом. Теперь действительно известно из дневников Мерси, что английское правительство вовсе не так нежно относилось к французским роялистам и тщательно избегало всего того, что могло бы дать им силу. Тори (консерваторы), находившиеся у власти, просто поняли, что для Англии наступил момент подорвать соперничество Франции на морях и отнять у нее колонии и, может быть, даже один из ее больших портов, во всяком случае ослабить ее на море. Торийское правительство воспользовалось теперь впечатлением, произведенным в Англии казнью короля, чтобы двинуть страну к войне и, кстати, заглушить зарождавшееся революционное настроение у себя дома.

К несчастью, французские политические

люди не поняли неизбежности войны с Англией. Не только жирондисты, в особенности Бриссо, гордившийся своим воображаемым знанием Англии, но также и Дантон, надеялись все время, что виги (либералы), часть которых увлекалась идеями свободы, низвергнут торийское правительство Питта и тогда прекратят войну с Францией. В действительности же вся английская нация вскоре оказалась заодно, когда сообразила, какие торговые выгоды можно было извлечь из войны. Нужно также сказать, что английские дипломаты сумели воспользоваться честолюбивыми замыслами французских государственных людей. Дюмурье они внушили мысль, что именно он тот человек, который им нужен и с кем они согласны вести переговоры; и ему они обещали свое содействие, чтобы восстановить конституционную монархию. А Дантона они уверяли, что виги скоро вернутся к власти и заключат мир с республиканской Францией. Вообще они маневрировали так, что смогли свалить ответственность за войну на Францию, когда Конвент 1 февраля 1793 г. объявил войну Соединенному королевству.

Война с Англией изменила все положение дел на северной границе. Овладеть Голландией, чтобы не дать высадиться здесь английским войскам, становилось необходимостью. Но именно этого Дюмурье не сделал предыдущей осенью, несмотря на приказания Дантона. Потому ли, что он не считал себя в силах это совершить или потому, что не хотел этого, во всяком случае в декабре он уже занял свои зимние квартиры в Бельгии, чем, конечно, возбудил неудовольствие бельгийцев против Франции. Главным его военным складом был Льеж.

До настоящего времени еще не выяснены все обстоятельства измены Дюмурье. Весьма вероятно только то, что, согласно догадке Мишле, он уже 26 января, уезжая из Парижа, решился на измену. Его поход в конце февраля на Голландию, когда он овладел Бредой и Гертрюиденбергом, по-видимому, был уже не что иное, как маневр, сделанный по соглашению с австрийцами. Во всяком случае он прекрасно послужил австрийской армии, так как 1 марта она могла вступить в Бельгию и без всякого труда овладела Льежом, жители кото-

рого тщетно просили Дюмурье выдать им оружие. Льежские патриоты вынуждены были бежать из страны, а французская армия была в полном разброде, так как генералы не хотели помогать друг другу; Дюмурье же был далеко, в Голландии. Трудно было в самом деле лучше услужить австрийцам.

Легко себе представить, какое впечатление произвели эти известия в Париже, тем более что вслед за ними пришли и другие, еще более тревожные. 3 марта стало известным, что в Бретани должно немедленно начаться восстание против революции. В то же время в Лионе реакционные батальоны, составленные из «сыновей хороших семейств», поднялись против революционной коммуны города Лиона, — как раз в то время, когда дворяне-эмигранты, собравшиеся в Турине, переходили границу и вступали, вооруженные, во Францию при поддержке сардинского короля. Наконец, 10 марта восстала Вандея — обширная область в западной Франции между Бретанью и рекой Луарой. Ясно было, что все эти движения, как и в предыдущем году, составляли часть обширного плана контрреволюци-

онеров.

Дантон был в то время в Бельгии, и его вы­звали безотлагательно. Он прибыл в Париж 8 марта, произнес одно из своих могучих воз­званий к патриотизму и объединению, кото­рые заставляли биться все сердца, и Коммуна снова вывесила черное знамя. Отечество сно­ва было объявлено в опасности.

Добровольцы спешили записываться, и 9-го вечером гражданский прощальный ужин был устроен на открытом воздухе, на улицах Парижа, перед их выступлением. Но то не бы­ло уже юношеское увлечение 1792 г. Напро­тив того, мрачная энергия воодушевляла доб­ровольцев; а сердца бедного народа в предме­стьях болели от раздоров, раздиравших Фран­цию. Говорят, будто Дантон сказал в этот день: «Нужно было бы восстание в Париже!» И действительно, нужно было бы восстание, чтобы стряхнуть упадок сил, овладевший на­родом.

Чтобы бороться с трудностями, действи­тельно ужасными, осаждавшими революцию со всех сторон, и чтобы покрыть громадные расходы, вызванные согласным выступлени-

ем против революционеров внешних врагов и внутренних противников революции, нужно было бы потребовать пособия от той буржуазии, которая нажилась благодаря революции. Но именно этого не хотели правители Франции.

Они противились такой мере уже по принципу, так как считали, что накопление богатств в руках частных людей — лучшее средство для обогащения нации; но, с другой стороны, они боялись, как бы не вызвать в больших городах всеобщее восстание бедных против богатых. Сентябрьские дни, особенно 4 и 5 сентября, были еще свежи в памяти. «Что же это будет, — думали они, — если целый класс, все бедные, поднимется против другого класса, всех богатых? Это была бы гражданская война в каждом городе, притом в такую пору, когда на западе восстают Бретань и Вандея, поддерживаемые Англией, дворянством, эмигрантами, собравшимися на острове Джерси, папой и всем духовенством, а на севере вторгаются австрийцы, и армия Дюмурье готова идти вместе с ними на Париж усмирять парижан».

В таких условиях так называемые «руководители революционной мысли» (les chefs d'opinion, как тогда говорили), принадлежавшие к партии Горы и Коммуны, постарались прежде всего успокоить панику, показывая вид, что они доверяют Дюмурье. Робеспьер, Дантон и Марат, составляя род умственного триумвирата, руководителя мнений, и поддерживаемые Коммуной, стали говорить в этом смысле. Они старались прежде всего поднять дух, разжечь сердца, чтобы дать силу Франции отразить нашествие, являвшееся в этом году гораздо более опасным, чем предыдущей осенью. Все стали работать в одном направлении — все, кроме жирондистов: эти видели только «анархистов», которых надо было раздавить, истребить, казнить!

10 марта Париж волновался; боялись возобновления сентябрьских убийств. Но озлобление народа было отведено в сторону и направлено против журналистов, друзей Дюмурье. Кучка народа пошла разбивать станки жирондистских газет, издаваемых Горсасом и Фьеве.

В сущности народ хотел вовсе не этого.

Возбуждаемый Варле, Жаком Ру, Фурнье-американцем и другими «бешеными», он хотел «очищения Конвента», т. е. удаления из него реакционеров-жирондистов. Но это требование в секциях подменили пустым требованием революционного трибунала. Мэр Паш и прокурор Коммуны Шометт пришли поэтому 9 марта в Конвент, требуя назначения такого судилища. Их поддержал Камбасерес (ставший впоследствии «архисоветником» Наполеоновской империи). Отказываясь от установленных тогда понятий о необходимости разделения между властями, законодательной и судебной, он предложил Конвенту взять судебную власть тоже в свои руки и назначить особое судилище, чтобы карать изменников.

Роберт Ленде, адвокат старой монархической школы, предложил тогда трибунал, составленный из судей, назначаемых Конвентом, и обязанный судить тех, кого Конвент предаст его суду. Он не хотел даже, чтобы были присяжные, и только после долгих прений решено было прибавить к 5 судьям, назначаемым Конвентом, 12 присяжных и 6 замести-

телей, взятых в Париже и соседних департаментах и также назначаемых Конвентом сроком на один месяц.

Таким образом, вместо того чтобы принять меры против биржевого мошенничества и спекуляций и меры для того, чтобы сделать съестные припасы доступными бедному народу, вместо того, чтобы очистить Конвент от членов, всегда становившихся поперек всяких революционных мер, и вместо обсуждения военных мер, вынужденных изменой Дюмурье, в этот день почти что уже подтвержденной, — восстание 10 марта ничего не дало, кроме революционного суда. На место творческого, строительного ума народной революции, искавшей своих путей, подставляли дух полицейского сыска, который вскоре и задавил революционное народное творчество.

На этом Конвент уже собирался расходиться, когда Дантон бросился на трибуну и остановил представителей, уже выходявших из залы, напоминая им, что неприятель вступает во Францию и что ничего еще не сделано, чтобы отразить нашествие.

В тот же день в Вандее крестьяне, возбуждаемые духовенством и дворянами, начали всеобщее восстание и избиение республиканцев. Восстание давно уже подготовлялось по наущению Рима. В августе 1792 г. была даже сделана первая попытка восстания как раз в то время, когда пруссаки вступили во Францию. С тех пор город Анжер стал политическим центром духовенства, отказавшегося присягнуть конституции, тогда как монахини С в. Премудрости служили эмиссарами духовенства для разноски воззваний и распространения всяких рассказов о чудесах, доказывавших необходимость восстания. Теперь рекрутский набор, объявленный Конвентом 10 марта, давал сигнал ко всеобщему бунту. Вскоре вслед за тем, по предложению Катлино, крестьянина-каменщика и церковного старосты, в своем приходе, ставшего одним из самых смелых начальников банд, во главе восстания был поставлен верховный совет, главой которого был назначен священник Бернье...

Против этого дикого восстания Конвент мог выставить только 2 тыс. человек, рассеян-

ных по всей Нижней Вандее, от Нанта до Рошели. Лишь в конце мая на места прибыли первые организованные силы республики. До того Конвент мог бороться против восстания одними декретами, предписывая смертную казнь и конфискацию имущества для дворян и для священников, которые не выедут из Вандеи в течение восьми дней! Но где же была сила, чтобы приводить в исполнение эти декреты?

Дела шли не лучше и в восточной Франции, где армия под начальством Кюстина отступала перед австрийцами. В Бельгии же Дюмурье открыто восстал против Конвента 12 марта 1793 г. Он послал Конвенту письмо из Лувена, упрекая Францию в том, что она присоединила Бельгию и хотела ее разорить, введя ассигнации и продажу национальных имуществ. Шесть дней позже он атаковал австрийцев при Неервинде, дал себя разбить ими, а 22 марта с согласия герцога Шартрского (сына герцога Орлеанского) и орлеанистских генералов он уже вступил в прямые переговоры с австрийским полковником Маком. Изменники-генералы обязывались очи-

стить Голландию без сражения и идти на Париж, восстанавливая там конституционную монархию. В случае надобности их обязывались поддержать австрийцы, которые должны были занять в виде гарантии одну из пограничных крепостей Конде.

Дантон, ставя на карту свою голову, бросился в Бельгию, надеясь помешать этой измене. Он звал с собой двух жирондистов — Жансонне, друга Дюмурье, и Гюаде, чтобы уговорить изменника Дюмурье и вернуть его республике; но, когда ему не удалось убедить их ехать с ним, он поехал 16 марта один, рискуя, что его самого обвинят в измене. Дантон нашел Дюмурье в полном отступлении после Неервинде и понял, что его измена бесповоротна; действительно, он уже обязался перед Маком очистить Голландию.

Ужас распространился в Париже, когда Дантон вернулся 29 марта и с его приездом стало доподлинно известно, что Дюмурье изменил. Армия, которая одна только могла остановить иностранное вторжение, быть может, уже шла на Париж, против парижан.

Тогда сформировавшийся в эти дни в Па-

риже Комитет восстания, уже несколько дней собиравшийся во дворце Епископства под руководством «бешеных», увлек за собой Коммуну. Секции вооружились и захватили артиллерию. Они пошли бы, вероятно, против Конвента, если бы не взяли верх другие советы — советы людей, старавшиеся предотвратить панику и взаимное избиение революционных элементов.

3 апреля получилось окончательное подтверждение измены Дюмурье: комиссаров, присланных к нему Конвентом, он велел арестовать. К счастью, армия за ним не последовала. Декрет Конвента, ставивший изменника-генерала вне закона и повелевавший арестовать герцога Шартрского, дошел-таки до войска, и ни генералу, ни герцогу Шартрскому не удалось увлечь за собой солдат. Дюмурье пришлось бежать за границу, как Лафайету, и сдать под покровительство австрийцев.

На следующий день он и австрийцы вместе выпустили прокламацию, в которой герцог Кобургский возвещал французам, что идет вернуть Франции ее законного консти-

туционного короля.

В самый разгар этого кризиса, когда неуверенность насчет того, какое положение займет армия Дюмурье, ставила на карту самое существование республики, три самых влиятельных члена Горы, Дантон, Робеспьер и Марат, в согласии с Коммуной (Пашем и Шометтом) действовали вполне единодушно, и они не дали развиться панике с ее вероятными тяжелыми последствиями.

В то же время Конвент, пользуясь обстоятельствами и под предлогом, что «недостаток единства» мешал до сих пор правильному ведению войны, решил взять в свои руки исполнительную власть в придачу к законодательной. Он назначил Комитет общественного спасения, которому дал очень широкие, почти диктаторские полномочия. И эта мера имела громадные последствия для всего дальнейшего развития революции.

Мы видели, что после взятия Тюильри Законодательное собрание установило под именем Временного исполнительного совета министерство, которому и вручило всю исполнительную власть. Кроме того, в январе

1793 г. Конвент назначил еще Комитет общей обороны; а так как война составляла в эту пору главную заботу, этот Комитет приобрел право надзора над Временным исполнительным советом. Теперь, чтобы придать больше единства правительству, Конвент создал Комитет общественного спасения, выбиравшийся Конвентом и состав которого должен был обновляться каждые три месяца. Он заступал место как Комитета обороны, так и Исполнительного совета. Предполагалось, что Конвент сам брал на себя обязанности министерства; но на деле понемногу, как и следовало ожидать, Комитет общественного спасения стал выше Конвента и приобрел во всех отраслях управления громадную власть, которую делил только с Комитетом общественной безопасности, заведовавшим полицией.

Во время кризиса, разразившегося в апреле 1793 г., Дантон, уже принимавший до того времени самое деятельное участие в ведении войны, стал душой Комитета общественного спасения, и он сохранил это влияние вплоть до 10 июля 1793 г., когда подал в отставку.

Наконец, Конвент, который уже с сентября

1792 г. начал посылать своих комиссаров в департаменты и к армиям с очень широкими полномочиями, решил послать с такой же миссией еще 80 представителей, чтобы поднять дух в провинциях и возбуждать энтузиазм к войне. А так как жирондисты вообще отказывались от этих миссий (ни один из них не отправился к армиям), то они охотно назначали монтаньяров, может быть, с тайной мыслью усилиться таким образом в Конвенте в их отсутствие.

Но, конечно, не эти меры реорганизации правительства предотвратили губительные последствия, которые могла бы иметь измена Дюмурье, если бы армия последовала за своим генералом. Факт тот, что для французского народа революция имела такую притягательную силу, что разрушить веру в революцию не зависело от воли того или другого генерала. Измена Дюмурье, наоборот, придала войне новый характер — народной, демократической войны.

Вместе с тем все поняли также, что Дюмурье один никогда бы не решился на то, что он сделал. У него должны были быть сильные

связи в Париже, в Конвенте. Там было гнездо измены. Конвент изменяет — так действительно говорилось в адресе, выпущенном Якобинским клубом в день, когда измена стала известной, и подписанном Маратом, который председательствовал в клубе в этот вечер.

С этого момента падение жирондистов и их удаление из Конвента стали непредотвратимыми. Измена Дюмурье сделала неизбежным восстание 31 мая, кончившееся исключением из Конвента главных жирондистов.